

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Марийский государственный университет»

На правах рукописи

БОБЫКИНА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА

**АВТОРСКИЙ ДИСКУРС С. ДОВЛАТОВА:
НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Карташова Елена Павловна

Йошкар-Ола – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ДИСКУРСА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	16
1.1. Лингвистика дискурса: понятие дискурса в зарубежной и отечественной традиции	16
1.2. Типология дискурсов в отечественной лингвистике дискурса	28
1.2.1. Эпистолярный дискурс	29
1.2.2. Публицистический и идеолого-политический типы дискурса	33
1.2.3. Литературно-критический дискурс	35
1.2.4. Художественный и авторский дискурс: соотношение понятий	40
1.3. Дискурс-анализ как метод исследования авторского дискурса С. Довлатова: алгоритм репрезентации нарративных стратегий и речевых тактик	47
Выводы по главе 1.....	60
ГЛАВА 2. ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ С. ДОВЛАТОВА	64
2.1. Эпистолярный дискурс как основа формирования авторского дискурса С. Довлатова	64
2.2. Речевые стратегии и тактики в публицистическом и литературно- критическом дискурсах С. Довлатова.....	84
2.3. Художественный дискурс С. Довлатова как монтаж дискурсов разных типов	111
Выводы по главе 2.....	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	151
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	172

ВВЕДЕНИЕ

Творческая личность С. Довлатова, писателя, журналиста, литературного критика, на протяжении десятилетий продолжает привлекать интерес не только широкой читательской аудитории, но и научно-исследовательских кругов – литературоведов и лингвистов. К настоящему времени наряду с художественными произведениями опубликованы частная переписка, литературно-критические отклики и статьи С. Довлатова, отдельным сборником издана публицистика автора, где отражена его журналистская деятельность в эмигрантский период. С. Довлатов прочно «занял свое место на некой умозрительной литературной полке, для многих оставаясь любимым писателем» [150, с. 196].

В литературно-критической среде творчество С. Довлатова получило множество противоречивых откликов, от комплементарных до критических. Литературовед В. Попов называет книги прозаика лучшим «сохранившимся свидетельством» эпохи 60-х гг., что стало возможным благодаря его «гениальной способности перековывать неудачи жизни в шедевры литературы» [140, с. 109]. А. Арьев видит уникальность творческого метода С. Довлатова в его умении «вдохновенно угадывать недоволощенную речь» [211, с. 22]. В. Кривулин, рассуждая о месте С. Довлатова в литературном процессе 60-х гг., подчеркивает, что он «создал собственный жанр <...> возвышающего, романтического анекдота», который «без читателя, и читателя сочувствующего, немислим» [214, с. 378]. «Проза Довлатова способна оказывать на человека воздействие, едва ли не терапевтическое», считает В. Куллэ, что свидетельствует о способности автора «рассматривать собственную жизнь не столько как источник литературных сюжетов, но скорее как некий единый увлекательный сюжет» [214, с. 481].

Несмотря на неослабевающий интерес читательской и исследовательской аудиторий к творчеству С. Довлатова, далеко не все грани его литературного наследия являются изученными в полной мере. Так, литературный критик

И. Сухих говорит об отсутствии к настоящему моменту «систематизированного и комментированного собрания произведений» С. Довлатова и ставит на одну чашу весов «пару малотиражных книг, десяток диссертаций, сотню статей» о С. Довлатове-литераторе, а на вторую – «необозримое море» неизученных «заметок и колонок, репортажей из “довлатовских” мест, интервью с посвященными, мнений, обсуждений» [167, с. 8].

Актуальность данной работы мотивируется значимостью изучения литературного творчества С. Довлатова как единого тестового целого, введением в исследовательское поле всех авторских произведений, изданных к настоящему времени. Литературное наследие писателя рассматривается с позиций перспективного направления в отечественной науке – лингвистики дискурса, именно дискурсивная методология дает возможность получить новые научные результаты, которых невозможно достичь только при использовании традиционных методов филологического анализа. Применение специального метода дискурс-анализа и разработка его алгоритма позволяют выделить, систематизировать и описать доминантные и второстепенные нарративные стратегии и речевые тактики создания текстов различной дискурсивной принадлежности, репрезентирующих авторский дискурс С. Довлатова.

Авторский дискурс С. Довлатова представлен эпистолярными, публицистическими, литературно-критическими и художественными текстами, которые продуцируют соответствующие типы дискурсов. На основании перечисленных дискурсивных типов собран, проанализирован и систематизирован значительный эмпирический материал исследования, определены и описаны главные нарративные стратегии текстопорождения, соответствующие авторским коммуникативным интенциям, и речевые тактики, способствующие успешной лингвокреативной реализации выбранных стратегий.

Нарративная стратегия в данной работе понимается как выбранная автором (в соответствии с конкретной коммуникативной целью) когнитивно-дискурсивная схема построения литературного текста, а речевая тактика – как определенное

речевое действие, способствующее успешной реализации выбранной стратегии в текстовом поле.

Авторский дискурс осмысливается как когнитивно-коммуникативное пространство, вербализованное во всем корпусе текстов, принадлежащем отдельной творческой личности и воспроизводящем авторскую картину мира, создаваемую писателем с целью реализации художественной/нехудожественной коммуникации. Каждый текст, репрезентирующий авторский дискурс, ориентирован на потенциального адресата и обладает определенной интерпретационной программой, заложенной в него адресантом. Интерпретационная программа представляет собой набор специальных лингвокреативных (содержательно-тематических, композиционных, лексико-семантических, стилистических) маркеров, узнаваемых адресатом, и способствует более точному декодированию авторских коммуникативных интенций. Понятие авторского дискурса не может быть осмыслено без еще одного концептуального текстообразующего фактора – категории автора, автора-нарратора (как субъекта близкого, но не тождественного реальному автору), присутствующего в текстах эксплицитно (диегетический тип нарратора: абстрактный автор, рассказчик, повествование от лица персонажей) или имплицитно (редуцированный экзегетический «всеведущий» тип нарратора).

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в выявлении и анализе нарративных стратегий и речевых тактик текстопорождения в авторском дискурсе С. Довлатова.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

1) изучить теоретико-методологические аспекты понятий: дискурс, типология дискурсов, интердискурсивность, дискурс-анализ, дискурсивные стратегии и тактики построения высказывания/текста, типы повествователя (=нарратора);

2) систематизировать эмпирическую базу исследования – авторский дискурс С. Довлатова, – представленную эпистолярными, публицистическими,

литературно-критическими и художественными текстами, которые обладают определенными маркерами соответствующих дискурсов и реализуют авторские стратегии и тактики текстопорождения;

3) выполнить дискурс-анализ текстов каждого из дискурсивных типов авторского дискурса С. Довлатова на основе разработанного алгоритма в соответствии с количественными, наиболее частотными показателями способов репрезентации нарративных стратегий и речевых тактик;

4) выделить и описать доминантные и второстепенные нарративные стратегии текстопорождения, образующие целостное текстовое поле в рамках каждого дискурсивного типа и реализующиеся через авторский выбор речевых тактик;

5) проанализировать репертуар универсальных и специальных речевых тактик, служащих для реализации соответствующих нарративных стратегий и репрезентирующих авторские коммуникативные интенции в текстах С. Довлатова различных дискурсивных типов.

Объектом диссертационного исследования является авторский дискурс С. Довлатова, включающий все опубликованные к настоящему времени произведения автора, формирующие соответствующие дискурсивные типы: эпистолярный, публицистический, литературно-критический и художественный.

Предмет настоящего исследования – текстопорождающие нарративные стратегии создания текстов различных дискурсивных типов в авторском дискурсе С. Довлатова и речевые тактики, обеспечивающие реализацию коммуникативных интенций адресанта (автора) и адресата (интерпретатора).

Степень научной разработанности проблемы. Понятие дискурса становится одним из центральных в современной лингвистике, динамично развиваются его содержательные и теоретико-методологические аспекты, ученые-гуманитарии активно используют метод дискурс-анализа при осмыслении и интерпретации текстов разных дискурсивных типов.

Развитие теории дискурса и дискурс-анализа в зарубежном языкознании связано с именами З. Харриса, М. Фуко, П. Серию, Т. ван Дейка, Э. Бенвениста,

Н. Фэркло и др.; в отечественном – с именами известных лингвистов В.А. Андреевой, Е.В. Белоглазовой, Е.А. Гончаровой, Е.С. Кубряковой, М.Л. Макарова, Ю.С. Степанова, В.Е. Чернявской и др. Несмотря на значительное количество существующих фундаментальных работ в данной сфере, вопрос о природе и сущностных характеристиках дискурса на современном этапе во многом остается полемическим, чем, на наш взгляд, диктуется необходимость проведения дальнейших дискурсивных исследований.

Творческая литературная деятельность С. Довлатова подверглась достаточно полному и всестороннему литературоведческому осмыслению: например, работы Г.А. Доброзраковой посвящены изучению поэтики прозы С. Довлатова в общем литературном контексте XX–XXI вв.; Е.В. Ласточкиной предприняты попытки выявления публицистического начала в прозе писателя; О.В. Богданова и Е.А. Власова исследовали отдельные художественные произведения С. Довлатова с позиций автоинтертекстуальности и интердискурсивности.

Вместе с тем литературно-художественное наследие С. Довлатова недостаточно и фрагментарно изучалось лингвистами: так, на материале художественной прозы писателя исследователи О.А. Бирюкова и Ю.И. Матвейкина выполнили анализ прагматико-стилистических функций частиц и местоимений; А.А. Добрычева посвятила ряд работ изучению особенностей синтаксической организации довлатовского текста; И.В. Матвеева проанализировала культурно-образный мир языка писателя; работы М.А. Хлупиной посвящены определению психологического типа писателя и описанию концептосферы сверхтекста С. Довлатова. Отсутствие системных исследований литературного наследия С. Довлатова как единого корпуса текстов, реализующего авторский дискурс писателя, выполненных в русле лингвистики дискурса, позволяет сформулировать новый аспект изучения – анализ текстопорождающих коммуникативных стратегий и тактик в композиционно-языковой организации текстов различных дискурсивных типов, что, на наш взгляд, обеспечивает новизну и перспективность дальнейших научных интерпретаций литературного творчества писателя в целом.

Теоретической базой исследования послужили работы ряда зарубежных и отечественных ученых, внесших значительный вклад в развитие современной дискурсологии, нарратологии и стилистики. Так, в работах Э. Бенвениста [27], Т. ван Дейка [60; 61], М. Пеше [134], П. Серию [155; 156; 157], М. Фуко [177; 178], Н. Фэркло [201], З. Харриса [199] отражены результаты исследований общих вопросов теории дискурса, обоснован его междисциплинарный статус на уровне соотношения с другими гуманитарными науками (социологией, культурологией, философией, лингвистикой и др.).

Актуальными для данной диссертации являются работы отечественных ученых Э.Н. Акимовой [8; 193], В.З. Демьянкова [62; 63; 64], В.И. Карасика [84; 85], Е.С. Кубряковой [102], М.Л. Макарова [116], Н.С. Олизько [128], А.В. Олянич [129], Ю.Е. Прохорова [143], Ю.С. Степанова [165], в которых исследованы, уточнены и адаптированы с национально-территориальной точки зрения вопросы лингвистики дискурса, изучена методология дискурс-анализа, предложены варианты алгоритмов. Исследования В.А. Андреевой [11; 12], Е.А. Гончаровой [54], О.А. Димитриевой [65; 66], Г.Я. Солганика [163], И.А. Щировой [189; 190] и др. посвящены изучению проблем интерпретации текстов художественной и нехудожественной коммуникации с точки зрения лингвистики дискурса. В работах Ю.В. Агеевой [3; 4], В.М. Глушак [50], О.С. Иссерс [81], О.А. Мельничук, Т.А. Мельничук [119], Т.П. Понятиной [139] изучены нарративные текстопорождающие стратегии и реализующие их речевые тактики. В трудах Ю.Д. Апресяна [13], Н.Д. Арутюновой [220], Ю.Н. Караулова [86; 87; 88], Е.П. Карташовой [91] описана действующая в современном языкознании антропоцентрическая парадигма и способы ее реализации в конкретных текстах. В исследованиях Л.Г. Бабенко [15; 16], Т.Г. Бочиной [37; 38], Е.П. Карташовой [91], Л.Г. Кайда [82, 83] разработаны теория и алгоритм филологического и стилистического анализа художественных текстов. Различные типы дискурса, их специфика и характеристики изучены и систематизированы в работах Е.А. Гончаровой [54], Н.З. Нормуродовой [125], И.А. Щировой [189; 190] (художественный дискурс); А.В. Курьянович [106; 107], С.Н. Ефимовой [75],

О.П. Фесенко [174] (эпистолярный дискурс); Н.И. Клушиной [94], И.П. Ивановой [78], И.С. Тимченко [172], Т.В. Чернышовой [184] (публицистический дискурс); Л.В. Ворониной [46], В.И. Габидуллиной [47], Н.Н. Гурьевой [58], Т.Ф. Плехановой [141], Е.В. Пугачевой [145] (авторский дискурс); Ю.А. Говорухиной [51], А.А. Митрофановой [121], Р.В. Перова [133], Е.С. Садовской [152] (литературно-критический дискурс). Изучению феноменов интердискурсивности и полидискурсивности, т.е. гетерогенной природы художественного текста, значительное внимание уделено в трудах А.А. Андреевой [11; 12], Е.В. Белоглазовой [23; 24; 25; 26], Е.А. Гончаровой [53, 54], Н.С. Олизько [128], В.Е. Чернявской [181; 182; 183]. В работах М.Н. Красиной [100], А.Н. Масловой [118], М.Л. Макарова [116], В.Е. Чернявской [181, 182] исследуются теория и методология дискурс-анализа, апробирующие алгоритмы и схемы для его проведения. В исследованиях В.А. Андреевой [11; 12], Е.А. Гончаровой [53; 54], В. Шмида [187] освещены теоретические аспекты современной нарратологии, дифференцированы типы нарратора в художественном тексте.

Значимыми в осмыслении языковой личности С. Довлатова, роли конкретных биографических фактов, влияния социокультурной среды, пространственно-временного фактора на формирование индивидуально-авторского стиля становятся мемуарные источники современников писателя, литературоведов А. Арьева, П. Вайля и А. Гениса, В. Попова, И. Сухих; поэтов и писателей И. Бродского, С. Вольфа, В. Губина, Л. Лосева, Е. Рейна, Е. Скульской, В. Уфлянда и др.; зарубежных коллег по литературной и журналистской деятельности У. Гудмана, Ф. Уильямса, Г. Фили, Дональда Д. Фине, Е. Хоффман и др., собранные в сборнике, посвященном 50-летию юбилею прозаика «Сергей Довлатов. Последняя книга» [214].

Гипотеза исследования: введение в научный оборот всех опубликованных в настоящее время произведений С. Довлатова, изучение их как динамического текстового целого – как единого авторского дискурса – с точки зрения лингвистики дискурса, использование метода дискурс-анализа на основе

разработки его алгоритма позволят выделить нарративные стратегии (доминантные и второстепенные) и речевые тактики (универсальные и специальные) текстопорождения в рамках каждого дискурсивного типа, то есть репрезентировать творческие интенции писателя, интерпретировать его творческий метод создания литературных текстов.

Методология исследования опирается на актуальное в современном языкознании направление – лингвистику дискурса, что предполагает прежде всего использование специального метода – дискурс-анализа – в синергии с частнонаучными традиционными методами (семантико-стилистическим, сопоставительным, сплошной выборки). Использование данных методов позволяет собрать, проанализировать и сопоставить систему дискурсивных маркеров в рамках каждого дискурсивного типа для выявления междискурсивных отношений внутри целостного текстового поля. Применение общенаучных методов индуктивно-дедуктивного анализа и количественного анализа обеспечивает сбор и количественно-качественный анализ конкретного эмпирического материала.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена корпусом текстов С. Довлатова различной дискурсивной принадлежности, изданных к настоящему времени (общий объем авторских текстов составляет 1361 страницу (263186 слов)). Собранная и систематизированная картотека примеров насчитывает 3027 контекстов, что обеспечивает достоверность и репрезентативность проведенного исследования.

Научная новизна данного диссертационного исследования определяется следующими факторами:

1) изучением творческого наследия С. Довлатова как авторского дискурса (единого текстового поля), представленного различными дискурсивными типами: эпистолярным, публицистическим, литературно-критическим, художественным;

2) исследованием авторского дискурса С. Довлатова с позиций синергии традиционных (семантико-стилистический, сопоставительный, количественный, индуктивно-дедуктивный) методов и специального метода дискурс-анализа,

что позволяет получить новые научные результаты и выводы на основе разработанного алгоритма;

3) определением доминантных и второстепенных стратегий создания текстов различной дискурсивной принадлежности, репрезентирующих авторский дискурс С. Довлатова;

4) систематизацией и описанием универсальных и специальных речевых тактик, избранных писателем для реализации соответствующих нарративных стратегий.

Теоретическая значимость работы заключается:

1) в обобщении и уточнении теоретических аспектов понятий дискурсивный тип, авторский дискурс, дискурс-анализ, интердискурсивность, антропоцентры художественной/нехудожественной коммуникации;

2) в определении доминантных и второстепенных дискурсивных текстопорождающих стратегий в авторском дискурсе С. Довлатова;

3) в выявлении и систематизации универсальных и специальных речевых тактик, реализующих текстопорождающие авторские стратегии в текстах различных дискурсивных типов.

Практическая значимость исследования состоит в следующем:

1) разработанный алгоритм дискурс-анализа, систематизация и описание общих принципов отбора нарративных стратегий создания текстов различных дискурсивных типов и речевых тактик, служащих их успешной реализации в авторском дискурсе, могут быть использованы для изучения литературного наследия других творческих личностей или других дискурсно-ориентированных исследований;

2) методология и результаты проведенного исследования могут быть использованы при подготовке к лекционным и семинарским занятиям по лингвистике дискурса, стилистике, филологическому анализу текста; при разработке спецкурсов по анализу дискурса, лингвокультурологии, а также при написании научных квалификационных работ.

На защиту выносятся **следующие положения:**

1. Авторский дискурс С. Довлатова представлен художественными и нехудожественными (эпистолярными, публицистическими, литературно-критическими) текстами, образующими динамическое текстовое целое, соотносящееся с определенными дискурсивными типами, которые, обладая собственной экстралингвистикой, реализуют отбор нарративных авторских стратегий и речевых тактик текстопорождения в рамках каждого дискурсивного типа.

2. Нарративные авторские стратегии и речевые тактики текстообразования репрезентируются через систему дискурсивных маркеров, которые выделяются на основе следующего алгоритма дискурс-анализа: 1) актуализация содержательно-смыслового единства текстового поля в рамках каждого дискурсивного типа; 2) определение коммуникативной цели текста, то есть дискурсивной специфики авторской интенции; 3) выделение главных коммуникативных антропоцентров текста: категорий адресанта (автора-нарратора) и адресата (читателя и исследователя-интерпретатора).

3. Каждый дискурсивный тип в авторском дискурсе С. Довлатова характеризуется определенным набором нарративных стратегий (доминантных и второстепенных) и речевых тактик (универсальных и специальных), которые актуализируются на уровнях: содержательно-смыслового единства текстов; реализации авторских интенций и категорий автора (нарратора) и читателя (исследователя-интерпретатора).

4. Доминантными текстопорождающими стратегиями в авторском дискурсе С. Довлатова являются: экспликация комического эффекта; интердискурсивность; ориентация на адекватную интерпретационную программу адресата. К второстепенным нарративным стратегиям относятся: стратегия поддержания контакта; стратегия прямой и косвенной авторской оценки.

5. Доминантные нарративные стратегии реализуются на уровне использования универсальных речевых тактик (языковая игра, введение в

текстовое поле прецедентных имен, авторской оценочности, «монтаж» дискурсов, смена типа нарратора). Второстепенные текстообразующие стратегии реализуются при помощи специальных речевых тактик (авторизация, тактика аналогии и кооперации с адресатом).

Степень достоверности и апробация результатов работы. Основные положения и отдельные аспекты диссертационного исследования изложены в пяти статьях в научных рецензируемых журналах, включенных в Перечень изданий, рекомендованный ВАК; в десяти публикациях, включенных в базу РИНЦ; систематически выносились на обсуждение на заседаниях кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» в 2019–2023 гг.; представлены в виде докладов на научных конференциях: 1) XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты» («Прецедентные имена как социокультурный феномен “Записных книжек” С. Довлатова») 19.11.2020; 2) XIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты» («Лагерный фольклор как стилевое средство стихотворных опытов С. Довлатова») 26.03.2021; 3) XV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты» («Роль публицистики в формировании авторского дискурса С. Довлатова») 12.10.2023; 4) I Международной научно-практической конференции «Язык, традиционная и художественная культура народов Волго-Камья в парадигме современности» («Интердискурсивность как нарративная стратегия в авторском дискурсе С. Довлатова») 21.10.2023; 5) научной конференции преподавателей Марийского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы за 2022 год («Дискурс-анализ в

современной лингвистике: состояние, подходы к изучению, алгоритм») 08.05.2023; 6) II International Scientific and Practical Conference «Current questions of modern science», January 12–13, 2023, Tallinn («Prison-camp subculture in S. Dovlatov's epistolary and fiction prose: language representation») 12.01.2023.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, последовательно раскрывающих основные понятия и категории работы, заключения, библиографического списка и приложения. Общий объем диссертации составляет 177 страниц.

Во введении обосновывается актуальность и новизна исследования, определяются его объект и предмет, цели и задачи, описывается теоретико-методологическая база и структура, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе анализируются концептуально важные для диссертации теоретические аспекты понятий дискурс, типология дискурсов, интердискурсивность (или дискурсная гетерогенность художественного повествования), дискурс-анализ, дискурсивные стратегии и тактики построения высказывания/текста, типы повествователя (нарратора) в литературно-художественном тексте.

Во второй главе обрабатывается и систематизируется материал исследования, представленный эпистолярными, публицистическими, литературно-критическими, художественными текстами, с целью: 1) определения доминантных (экспликация комического эффекта, интердискурсивность, интерпретационная позиция исследователя) и «второстепенных» (поддержание контакта между коммуникантами, прямая и косвенная оценка) нарративных текстопорождающих стратегий, репрезентирующих авторский дискурс С. Довлатова; 2) выбора и систематизации репертуара универсальных (языковая игра с читателем на разных уровнях, введение в текстовое поле прецедентных имен, монтаж дискурсов разных типов, смена типа нарратора) и специальных (авторизация, оценочность, аналогия, резюмирование, кооперация с адресатом)

речевых тактик; 3) сопоставления количественно-качественных показателей в реализации нарративных стратегий и речевых тактик в различных дискурсивных типах авторского дискурса С. Довлатова.

В заключении обобщены основные результаты исследования в форме выводов, определены дальнейшие научно-исследовательские перспективы.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ДИСКУРСА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Лингвистика дискурса: понятие дискурса в зарубежной и отечественной традиции

Смена научной парадигмы в языкознании повлекла за собой необходимость смещения исследовательского фокуса от лингвистики языка (т.е. внутренней лингвистики) к лингвистике речи (т.е. лингвистике внешней, языку в действии). В связи с тем, что эффективное функционирование языка обеспечивается не только отдельными взаимосвязанными высказываниями, но и многочисленными экстра- и паралингвистическими факторами, понятие «дискурс» становится одним из центральных в современном языкознании, формируя новый предмет изучения. В последние десятилетия теория дискурса и специфика метода дискурс-анализа становятся одними из актуальных вопросов в зарубежном и в отечественном языкознании, к настоящему моменту учеными получены солидные исследовательские результаты в данной области познания. Вместе с тем многие аспекты в изучении теории дискурса на современном этапе остаются полемичными: отсутствует единое терминологическое обозначение (дискурс, теория дискурса, лингвистика дискурса, дискурсология, дискурс-анализ, анализ дискурса, дискурсивный анализ), универсальная дефиниция и алгоритм дискурс-анализа, вариативной является постановка ударения. Изначально понятие «discourse» широко использовалось во французском повседневном обиходе и означало «беседу, разговор». Однако в середине XX в. данное понятие привлекло внимание ученых-гуманитариев, и уже в 60-е гг. XX в. многозначный термин «дискурс» был введен в научный оборот.

В настоящей главе рассматриваются и систематизируются наиболее авторитетные, концептуально-значимые подходы к изучению вопросов теории

дискурса; на основе обобщения множества имеющихся определений дискурса вырабатывается дефиниция, актуальная для данного исследования; уточняются содержательные аспекты основных типов дискурса, исследуется феномен интердискурсивности; разрабатывается актуальный алгоритм дискурс-анализа; описываются и систематизируются нарративные стратегии и речевые тактики построения текста; определяются типы нарратора в литературно-художественном произведении.

В исследовательских работах авторитетных отечественных ученых-лингвистов (В.А. Андреева [11; 12], Е.В. Белоглазова [23; 24; 25; 26], Е.А. Гончарова [53; 54], В.Е. Демьянков [62; 63; 64], В.И. Карасик [84; 85], Е.С. Кубрякова [102], Л.Н. Лунькова [113], О.Г. Ревзина [147, 148], Ю.С. Степанов [164; 165], В.Е. Чернявская [181; 182; 183], Щирова [189; 191] и др.) феномен дискурса постепенно оформляется в отдельную междисциплинарную гуманитарную область знания. Однако, по мнению исследователей, столь динамичные продвижения в освоении и осмыслении лингвистики дискурса возможны на основе достижений стилистики русского языка и разработки метода функционально-стилистического анализа текста, а также при учете предшествующего исследовательского опыта зарубежных коллег, обратившихся к изучению теоретической сущности данного феномена несколькими десятилетиями раньше.

В настоящее время традиционно выделяется три зарубежных школы дискурс-анализа: 1) англо-американская; 2) немецко-австрийская и 3) французская. Проанализируем последовательно исследовательские подходы и концептуально-значимые результаты осмысления теоретических и практических вопросов лингвистики дискурса в данных школах.

Яркими представителями, внесшими значительный вклад в развитие теории дискурса и дискурс-анализа в **англо-американской школе**, являются Т.А. ван Дейк [60; 61; 198], М. Стаббс [205], Н. Фэркло [201], З. Харрис [199], Д. Шиффрин [204] и др. Под дискурсом исследователи прежде всего подразумевают «connected speech» (термин З. Харриса), что в переводе означает

связную речь, «включающую производство и восприятие текстов и осуществляемую в рамках широкого социального контекста (социальной практики)» [175, с. 110–111], отмечается отождествление дискурса с диалогом. Дискурс-анализ в большей степени направлен на изучение устной речи, интерактивное взаимодействие коммуникантов.

М Стаббс выделяет следующие параметры данного феномена: 1) единица дискурса – любое высказывание, превосходящее по объему предложение; 2) дискурс тесно взаимосвязан с социокультурным контекстом; 3) дискурс обладает интерактивной, т.е. диалогичной природой [Stubbs, 1983: 1].

Дискурс, по Т. ванДейку, может осмысливаться как в широком (сложное многокомпонентное коммуникативное событие), так и в узком (жанр, разговор или тип разговора) аспектах, при этом, по мнению исследователя, в содержательном плане дискурс сближается с речью, а текст – с языком [Дейк, 1998: 194]. Ученый предлагает следующее определение дискурса – это «речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [Дейк, 1998: 47]. Так, позиция Т. ван Дейка оказывается сходной с теорией М. Стаббса о тесной взаимосвязи дискурса и социокультурной действительности.

Подход З. Харриса, с одной стороны, направлен на «выведение» дискурса, как феномена не ограниченного в объеме, за рамки отдельного высказывания или предложения, с другой – на установление корреляций между языком и культурой, т.е. языковым и неязыковым структурными компонентами дискурса. Дискурс в понимании З. Харриса – «последовательность предложений», текст, «большой, чем предложение» [199, с. 3].

В основу учения о дискурс-анализе **немецко-австрийской школы** (Р. Водак, П. Вундерлих, З. Егер, У. Маас, Ю. Линк, П. Хартман и др.) легла концепция французского философа и семиотика М. Фуко, рассматривающего

дискурс как интеграцию разных сфер человеческого познания, исторической эпохи и социокультурного «фона». В немецкой школе под дискурсом понимается анализ связной речи («konversations analyse»), то есть, в приоритете оказывается качественное, или содержательное, а не количественное наполнение коммуникативного процесса.

С точки зрения У. Мааса, дискурс – это «соответствующая языковая формация по отношению к социально и исторически определенной общественной практике» [202, с. 204]. У. Маас осмысливает анализ текста как «идеологически ориентированный анализ дискурса», а дискурс-анализ – как средство «исторической, идеологической, психологической реконструкции “духа времени”» [202, с. 107].

С точки зрения Р. Водак и З. Егер, дискурсы актуализируются в текстах, дискурс представляет собой «совокупность взаимосвязанных текстов». Их взаимосвязь обеспечивается тематической близостью исследуемых текстов или высказываний, то есть центральным в анализе дискурса становится принцип текстоцентризма [45, с. 109].

Французская школа анализа дискурса, история становления которой связана с именами Э. Бенвениста [27], М. Пеше [134], П. Серио [155; 156; 157], М. Фуко [177; 178] и др., возникла в 60-е гг. XX века как следствие окончания эпохи структурализма и смещения исследовательского фокуса в область функционирования языка, то есть речи. Однако лингвистическому аспекту в анализе дискурса в данной школе отводилось далеко не первое место: дискурс-анализ развивался прежде всего как интегративное учение, вобравшее в себя исторические, философские, политико-идеологические, психоаналитические представления о дискурсе. Поиск «инструментов», позволяющих определить глубинные смыслы высказываний стал приоритетным для ученых данной школы, в связи с чем исследователи часто обращались к психоанализу.

М. Фуко придерживался противоположных взглядов: в своих трудах он нивелировал доминирующую роль психоанализа в дискурсе, но рассматривал дискурс как «совокупность анонимных, исторических, детерминированных

временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко, 1996: 170]. М. Фуко определяет дискурс как «не вербальное высказывание, не лингвистически определяемая последовательность знаков, но сегмент человеческого знания, структурная часть его, знания, и одновременно соответствующей дискурсивной практики» [Фуко, 1996: 105].

Рассуждая о методе дискурс-анализа, П. Серию сравнивает исследователя с археологом: «Подобно археологу, пытающемуся восстановить историю стены, лингвист, работающий в области анализа дискурса, исследует память текста» [Серию, 2001: 344]. Главной целью дискурс-анализа, по мнению П. Серию, является установление идентичности единиц дискурса, которые могут быть представлены как отдельными устными высказываниями, превосходящими по объему предложение, так и письменными текстами; эта идентичность конституирует принадлежность данного корпуса текстов к определенному дискурсу.

Отечественная школа дискурс-анализа, как отмечает Е.В. Белоглазова, «актуализировала термин «дискурс» во всей его многозначности» [Белоглазова, 2010: 55], что, с одной стороны, привело к необходимости разграничения и конкретизации этого множества значений, с другой – как вытекающее отсюда следствие – возникновению большого количества научных исследований, рассматривающих дискурс под разными углами зрения.

Так, к примеру, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Борботько, Н.М. Кожина, Н.И. Формановская, Л.С. Чикилева осмысливают феномен дискурса в рамках проблематики *когнитивно-коммуникативного подхода*, где дискурс отождествляется с вербальным общением, то есть соотносится с понятиями речь, диалог, беседа, коммуникативный акт, коммуникативная ситуация.

В работах В.А. Андреевой, В.В. Богданова, Е.А. Гончаровой, В.З. Демьянкова, В.А. Звезгинцева, В.А. Миловидова, И.П. Сусова, В.Е. Чернявской применяются методики *структурно-синтаксического подхода*, соответственно, дискурс

коррелирует с понятием текст, и осмысливается как определенная последовательность высказываний, объединенных между собой рядом факторов (например, содержательно-смысловым, социокультурным, идеологическим и др.).

Сущностные характеристики разных типов дискурса изучены и изложены в работах Е.А. Гончаровой [53; 54] Н.З. Нормуродовой [125], И.А. Щировой [189; 190], (художественный дискурс); С.Н. Ефимовой [75], А.В. Курьянович [106; 107], О.П. Фесенко [174] (эпистолярный дискурс); И.П. Ивановой [78], Н.И. Клушиной [94], И.С. Тимченко [172], Т.В. Чернышовой [184] (публицистический дискурс); Л.В. Ворониной [46], В.И. Габидуллиной [47], Н.Н. Гурьевой [58], Т.Ф. Плехановой [141], Е.В. Пугачевой [145] (авторский дискурс); Ю.А. Говорухиной [51], А.А. Митрофановой [121], Р.В. Перова [133], Е.С. Садовской [152] (литературно-критический дискурс). Изучению феноменов интердискурсивности и полидискурсивности, т.е. гетерогенной природы художественного текста, значительное внимание уделено в трудах А.А. Андреевой [11; 12], Е.В. Белоглазовой [23; 24; 25; 26], Е.А. Гончаровой [53; 54] Н.С. Олизько [128], В.Е. Чернявской [181; 182; 183]. В работах М.Н. Красиной [100], М.Л. Макарова [116], А.Н. Масловой [118], В.Е. Чернявской [181; 182; 183] исследуются теория и методология дискурс-анализа, апробирующие алгоритмы и схемы для его проведения. В исследованиях В.А. Андреевой [11; 12] Е.А. Гончаровой [53; 54], В. Шмида [187] освещены теоретические аспекты современной нарратологии, дифференцированы типы нарратора в художественном тексте.

Обозначим несколько наиболее актуальных для настоящего исследования определений дискурса, и на их основании сформулируем рабочую дефиницию данного термина.

Н.Д. Арутюнова, одна из первых отечественных ученых обратившаяся к проблеме изучения дискурса, осмысливает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», «это речь, “погруженная в жизнь”». Дискурс-анализ исследователь предлагает идентифицировать как отдельную «междисциплинарную область знания, в которой наряду с лингвистами участвуют

социологи, психологи, специалисты по искусственному интеллекту, этнографы, литературоведы семиотического направления, стилисты и философы» [220, с. 136–137].

В.И. Карасик понимает под дискурсом «текст в ситуации реального общения» [85, с. 198], при проведении дискурс-анализа исследователь считает важным учитывать следующие аспекты: «1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики), 2) условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда), 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств), 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения)» [85, с. 200–201].

В.Е. Чернявская в целом определяет дискурс как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом». Дискурс-анализ, по мнению исследователя, «характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса» [183, с. 102]. Кроме того, В.Е. Чернявская дифференцирует «Дискурс 1» и «Дискурс 2». Где «Дискурс 1» (Д1) характеризуется как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [183, с. 111], иначе говоря, коммуникативное событие состоит из текста и его «вокругтекстового фона». Эмпирической базой Д1 являются конкретные тексты, порождаемые в процессе «развертывания» дискурса как когнитивно-коммуникативного процесса. При таком подходе дискурс-анализ фокусируется на установлении влияния этого «вокругтекстового» фона (т.е. категории автора и адресата, целей и условий коммуникации, окружающей действительности и т.д.) на «внутритекстовую» организацию коммуникативного процесса; а дискурс детерминируется как «единица операционального анализа», что, по мнению ученого, открывает новые исследовательские перспективы, так

как фактически лингвистическая категория дискурс «не дублирует и не подменяет понятия текст» [183, с. 111–112]. «Дискурс 2» (Д2) В.Е. Чернявская определяет как «совокупность тематически соотнесенных текстов <...> функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы», тогда типы дискурса (или «специальные дискурсы» в терминологии автора) – это «отдельные социально-исторически сложившиеся сферы человеческого познания и коммуникации» [183, с. 112]. Дискурс-анализ, в соответствии с таким пониманием, должен быть сфокусирован на выявлении во всем множестве текстов, во-первых, текстовых фрагментов, обеспечивающих «тематическое единство дискурса», во-вторых, на установлении критериев, по которым будет определяться принадлежность конкретных текстов к тому или иному типу дискурса. Д2, таким образом, – это «принципиально открытое множество высказываний/текстов», а каждый конкретный текст – это «фрагмент дискурса» [183, с. 113].

С точки зрения Е.В. Белоглазовой, немаловажным в осмыслении феномена дискурса оказывается способность идентифицировать его: 1) структуру; 2) маркеры; 3) критерии выделения [Белоглазова, 2010: 59]. Опираясь на предшествующий исследовательский опыт, лингвист приходит к выводу, что любой дискурс обладает *двухуровневой структурой*: первый, глубинный, уровень эксплицирует когнитивную, или «ментальную» сторону дискурса («уровень макроструктуры»); второй, поверхностный, – является его языковым воплощением («уровень суперструктуры»). *Дискурсивные маркеры* также предлагается детерминировать в соответствии со структурой дискурса: а) на глубинном уровне выявить характерные для высказывания/текста тематические концепты, вербализуемые посредством соответствующих лексем; б) на поверхностном – «грамматико-синтаксические особенности и специфические черты текстовой организации, типичные для определенной сферы общения, выступающей цементирующим ядром для определенного корпуса текстов» [Белоглазова, 2010: 66]. Исследователь отмечает, что учеными-гуманитариями предпринималось множество попыток обнаружения новых *критериев выделения дискурса* («правило внешнего» М. Фуко, теория семи параметров

Е.А. Кожемякина, «критерий носителя дискурса» В.И. Карасика и др.), однако ни одна из них не прижилась в научном лингвистическом сообществе, следовательно, актуальным на современном этапе *критерием выделения дискурса* остается традиционный содержательно-тематический.

Дискурс, по Е.В. Белоглазовой, – это «единство содержания – знаний дискурсантов о некотором фрагменте действительности, и формы – языковых средств, служащих для вербализации этих знаний» [Белоглазова, 2010: 61].

Лингвисты А.А. Кибрик и В.А. Плуноян утверждают, что «дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)» [Кибрик, Плуноян, 1997: 307]. Е.С. Кубрякова добавляет, что «при дискурсивном анализе и процесс языковой (речевой) деятельности, и ее результат (= тексты) рассматриваются во вполне определенном ракурсе, с определенной точки зрения и, конечно, для решения особых задач» [Кубрякова, 2000: 23].

В.В. Богданов рассматривает дискурс как родовую категорию «по отношению к речи и тексту», а текст – «как языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе» [Богданов 1993: 5-6].

Обобщив предыдущий опыт лингвистов, Т.Г. Скребцова выделила пять основных критериев для разграничения понятий «дискурс» и «текст»:

1) устный дискурс / письменный текст (уточнив, что далеко не всегда данный критерий может быть однозначно верен (например, доклад как единица и устной и письменной речи), кроме того в ряде случаев такое деление значительно сужает объем исследуемых понятий, в особенности дискурса);

2) дискурс – «текст плюс ситуация» / текст – «дискурс минус ситуация»;

3) дискурс интерактивен = диалог / текст (чаще всего) принадлежит одному автору = монолог;

4) апелляция к понятию действия: дискурс, в отличие от текста, представляет собой «законченное коммуникативное действие», предполагающее одновременное использование языка и социального взаимодействия;

5) дискурс – динамичный процесс, текст – статичный продукт [161, с. 12–13].

В.Е. Чернявская утверждает, что при всей размытости и «мозаичности» определений понятия «дискурс» можно выделить несколько основных направлений его осмысления: 1) дискурс соотносится с языком как системой или с одним из его аспектов; 2) дискурс рассматривается как совокупность текстов; 3) дискурс как процесс порождения текста / высказывания; 4) дискурс как процесс формирования языковой / когнитивной картины мира. Под дискурсом исследователь понимает «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом», то есть дискурс «характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры – текста» [183, с. 135].

В.А. Андреева сводит основные подходы в осмыслении содержательно-теоретического аспекта феномена дискурса к трем направлениям: 1) дискурс как стратегия текстопорождения: а) нарратива (сюжетно-повествовательный тип высказывания); б) дескриптива (описательный тип высказывания); или в) ментатива (причинно-следственное, логически выстроенное высказывание); 2) дискурс как когнитивно-коммуникативное пространство, в котором происходит формирование идеологически значимых на конкретном историческом этапе взглядов; 3) дискурс как коммуникативное событие, интерактивный процесс взаимодействия участников, находящихся в определенных социокультурных и пространственно-временных условиях. При этом, отмечает исследователь, все перечисленные подходы к осмыслению феномена дискурса находятся в тесной взаимосвязи, а в ходе процесса интерпретации литературно-художественного типа текста зачастую отмечается их интеграция [12, с. 41].

Еще одной проблемой, привлекающей внимание ученых, является разграничение понятий «функциональный стиль» и «дискурс». Научное освоение проблемы функциональных стилей началось в 20-е гг. XX в. и отражено прежде всего в трудах членов Пражского лингвистического кружка (В. Матезиус, Фр. Травничек), а действующая в это время в лингвистике структурно-системная

парадигма приобретает коммуникативно-функциональную направленность. Обобщая предшествующий научно-исследовательский опыт, М.Н. Кожина определяет функциональный стиль как «разновидность, соответствующую той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания», «исторически сложившийся тип функционирования языка», который, «реализуясь в речи в процессе общения, представляет собой крупные композиционные типы речи, обладающие спецификой». М.Н. Кожина подчеркивает, что необходимым условием существования любого функционального стиля является наличие «комплекса базовых экстралингвистических стилеобразующих факторов» [220, с. 581].

Таким образом, многообразие коммуникативных ситуаций порождает научно обоснованное количество функциональных стилей посредством установленных языковых канонов, реализующихся в речи, и при наличии экстралингвистических факторов, то есть содержание понятий «функциональный стиль» и «дискурс» во многом совпадает. В данной связи актуальным становится вопрос, с чем связана необходимость введения нового термина. В.Е. Чернявская считает, что «в практике исследования различных типов дискурса <...> имеет место разделение общей сферы на более дробные сегменты», дифференцируя понятия «функциональный стиль» и «дискурс», лингвист отмечает, что любая коммуникативная ситуация, или даже ее часть, в рамках одного дискурса диктует свои правила отбора и систематизации языковых единиц, употребления их в речи, а значит должна рассматриваться как «эвристическая величина, т.е. устанавливаться опытным путем» [183, с. 148].

Ю. С. Степанов под «дискурсом» подразумевает «язык в языке», представленный в виде особой социальной данности», при этом «дискурс не может быть сведен к стилю, грамматике или лексикону как просто язык, он существует, прежде всего, и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир» [165, с. 44].

Итак, в настоящее время проблема всестороннего изучения содержания понятия «дискурс» остается открытой и наиболее актуальной в современной лингвистике: данная категория текстоцентрична и имеет широкую и узкую трактовки (в широком смысле термин «дискурс» соотносится со смежными категориями «текст» и «речь», в узком – с функциональным стилем, и реализуется в сочетаниях с определением: *публицистический дискурс, художественный дискурс, эпистолярный дискурс и т.д.*); на сегодняшний день в науке нет единой общепринятой дефиниции, но существует множество интерпретаций понимания дискурса.

Дискурсивные исследования выходят за пределы языкознания и носят междисциплинарный характер. Так, лингвистика дискурса коррелирует с философией, психологией, культурологией, когнитивистикой и др., имеет особую идеологическую направленность и методологическую базу для изучения языка в действии.

Таким образом, все приведенные выше определения дискурса так или иначе соотносят данный феномен с текстом, обязательным условием дискурс-анализа становится изучение «вокругтекстового» фона, определяющегося категориями адресанта и адресата, пространственно-временным и социокультурным континуумом.

В настоящей работе *дискурс* понимается как 1) целостный корпус текстов определенных типов (эпистолярных, публицистических, литературно-критических, художественных); 2) все тексты, принадлежащие конкретной творческой личности, ориентированные на адресата, обладающего схожими с адресантом культурными, этическими, эстетическими предпочтениями. При этом адресат в процессе взаимодействия антропоцентров внутри текстового поля пытается не просто воспринять, но и адекватно интерпретировать авторские коммуникативные интенции. Успех процесса декодирования и интерпретации интенций адресанта зависит не только от когнитивных способностей адресата (обычного читателя или исследователя-интерпретатора), немаловажную роль

здесь играет идентификация специальных дискурсивных маркеров-подсказок, умышленно введенных в текстовое поле автором.

1.2. Типология дискурсов в отечественной лингвистике дискурса

На современном этапе развития лингвистики дискурса существуют весомые научные обоснования, позволяющие выделить некоторые (более или менее крупные) типы дискурсов, однако в целом данный вопрос все еще остается не до конца решенным исследователями. Цель настоящего параграфа состоит в анализе предложенных в разных лингвистических школах принципов дифференциации типов дискурсов и в определении наиболее релевантного для настоящей работы понятия «тип дискурса» (дискурсивный тип).

В соответствии с акустико-визуальным принципом выделяются устный и письменный (в том числе электронный) дискурсы. Рассуждая о дифференциации этих типов дискурсов, ученые (Е.А. Земская, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, Т.Г. Скребцова и др.) акцентируют внимание на наличии/отсутствии: а) прямого контакта между коммуникантами; б) экстра- и паралингвистических факторов; в) спонтанности/подготовленности высказывания; г) пространственно-временного единства коммуникантов; д) обратной связи; е) грамматико-синтаксической организации высказывания и т.д.

В.И. Карасик и его последователи предлагают деление дискурсивного пространства по принципу формальности-неформальности коммуникативной ситуации и дифференцируют два типа дискурсов: бытовой и институциональный. Соответственно, к бытовому дискурсу относится повседневное неформальное общение, к институциональному – официально-деловое, формальное. В рамках институционального дискурса взаимодействуют коммуниканты, принадлежащие к определенной социальной или профессиональной сфере. Так, В.И. Карасик выделяет педагогический, религиозный, политический, научный, медицинский, ритуальный и некоторые другие институциональные дискурсы. При этом, по

утверждению лингвиста, бытовой дискурс первичен, а овладение институциональным дискурсом становится возможным по мере социализации личности.

Кроме того, традиционным (и наиболее релевантным для настоящего исследования) является тематический критерий дифференциации типологии дискурсов, восходящий к идеям М. Фуко. Е.В. Белоглазова считает, что, несмотря на существование различных концепций и подходов к изучению типологии дискурсов, которое влечет за собой терминологическое разнообразие, конституирующим признаком выделения типа дискурса, всегда оказывается признак, «коррелятивный теме» [Белоглазова, 2010: 71]: политическая сфера – политический дискурс, средства массовой информации – публицистический дискурс, военная сфера – военный дискурс, экономика – экономический дискурс и т.д. При этом, исследователи единогласны во мнении о невозможности выделения единой универсальной типологии, обосновывая такое затруднение рядом причин: расплывчатостью критериев, отсутствием четких границ дискурса, одновременным сосуществованием и даже пересечением нескольких дискурсов. Конституирующим критерием для разработки той или иной типологии дискурсов становится возможность успешного решения конкретных исследовательских задач, чем объясняется индивидуальность ее выбора.

Проанализируем последовательно содержательные аспекты и сущностные характеристики эпистолярного, публицистического и идеолого-политического, литературно-критического, художественного (нарративного) и авторского дискурсов, необходимых для дальнейшего проведения исследования.

1.2.1. Эпистолярный дискурс

Эпистолярные тексты привлекают исследовательское внимание ученых на протяжении многих веков: от древности до настоящих дней. Однако в силу течения времени и с учетом принципов действующей антропоцентрической

парадигмы в современном языкознании формируются новые подходы к изучению писем, дневниковых записей, заметок. Эпистолярные тексты подвергаются детальному изучению в научных кругах: активно исследуется их жанрово-стилевая организация; специфика отбора и употребления языковых, стилистических, грамматических, лексико-фразеологических синтаксических единиц и их функционирование в текстовом поле; пространственно-временные, композиционные и содержательные текстовые особенности. Кроме того, до сих пор не утратил своей актуальности вопрос определения содержательного ядра и универсальной дефиниции эпистолярного дискурса. Зачастую синонимичными выступают номинации «эпистолярный», «эпистолярный жанр», «эпистолярный стиль», «эпистолярный дискурс», «эпистолярная литература». Такая неоднозначность может быть объяснена разными подходами к изучению вопроса, а, следовательно, вариативностью трактовки соотношения номинации данного понятия и его содержательного ядра.

Изучением жанрово-стилевых особенностей эпистолярных текстов активно занимаются Н.И. Белунова, Ю.А. Бельчиков, А.И. Ефимов, Л.В. Попова, О.Н. Седова; А.А. Акишина, Л.В. Зубова, Н.И. Формановская исследуют эпистолярные тексты в рамках проблематики речевого этикета, а также сквозь призму прагма- и экстралингвистических факторов; работы И.М. Кудровой, О.Г. Ревзиной, О.Н. Северской посвящены изучению языковых особенностей эпистолярного текста.

В данном параграфе проанализируем и систематизируем наиболее актуальные научно обоснованные точки зрения современных ученых-лингвистов на содержательный аспект понятия «эпистолярный дискурс».

А.В. Курьянович под эпистолярным текстом подразумевает «концептуально, информативно и прагматически значимое письменное-речевое произведение, категориальными признаками которого являются политематичность, стандартная структура, особая роль пресуппозиции и фактора адресата» [107, с. 255]. На современном этапе, отмечает исследователь, тексты, репрезентирующие эпистолярный дискурс, претерпели значительные

стилистические и композиционные изменения, изменилась и их прагматическая сущность. [106, с. 76]. При этом одним из важнейших факторов, определяющих специфику эпистолярной картины мира, является синкретизм эпистолярных текстов. Коммуникативными интенциями каждого конкретного эпистолярного текста определяется его принадлежность к определенной сфере общения: бытовой, деловой, научной, профессиональной и другим.

О.П. Фесенко в своих работах проанализировала и обобщила разные исследовательские подходы к изучению теоретических, стилистических и содержательно-композиционных аспектов эпистолярного дискурса. Так, ряд отечественных и зарубежных исследователей (И.Б. Барцевич, Л.А. Булаховский, Е.М. Галкина-Федорук, Ш. Бали, Р. Мейер и др.) выделяет эпистолярный как отдельный стиль речи наряду с традиционной классификацией функциональных стилей речи [174, с. 133]. Некоторые ученые (Н.И. Белунова, Т.П. Зорина, Н.В. Логунова и др.), «признавая существование эпистолярного стиля», считают возможной его реализацию только «в совокупности эпистолярных жанров»: официально-деловое, профессионально ориентированное, публицистическое, художественное, частное письмо [174, с. 134–135]. Еще одна исследовательская точка зрения относительно природы эпистолярных текстов соотносит их с разными стилями и жанрами, однако отмечается недостаточная научная обоснованность данного подхода. что понятие «эпистолярный» вмещает в себя разные стили и жанры. Но наряду с этим важно отметить, подтверждающего выдвигаемые положения отождествления понятий «жанр» и «стиль» в рамках одного научного исследования. Следующая группа ученых (Е. И. Прохоров, Н.Л. Степанов и др.) констатируют отсутствие жанра письма, утверждая, что «жанр письма определяется его стилем» [143, с. 135].

А.В. Курьянович, Н.В. Сапожникова, О.П. Фесенко, М.Ж. Чаркин соотносят понятие «эпистолярный» с соответствующим типом дискурса. Эпистолярный дискурс ученые идентифицируют как «речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции, имеющее письменную форму и реализующееся во всем многообразии

его когнитивно-коммуникативных функций» [174, с. 140]. Ученые считают эпистолярный текст «уникальным объектом исследования», а дискурсивный подход к изучению эпистолярных текстов актуальным подходом, открывающим новые научные перспективы и позволяющим исследовать тексты как процесс, а не статичный результат [174, с. 141]. Именно дискурсивный подход позволяет исследователю рассматривать текст письма «как сложное коммуникативное явление, связанное не только с актом его создания, но и со значительным количеством экстралингвистических факторов – знаний о мире, намерений, установок и конкретных целей говорящего, который является создателем дискурсивного текста» [174, с. 140]. Основополагающая роль при таком подходе отводится коммуникативным антропоцентрам (категориям адресанта и адресата).

С.Н. Ефимова в своих работах развивает мысль о тесной близости понятий «эпистолярный текст» и «записная книжка», поскольку эпистолярные тексты и тексты записных книжек существуют и функционируют в двух модификациях: 1) до публикации (частная переписка, заметки в записных книжках/дневниках) и 2) после нее. При этом опубликованные записные книжки и переписку исследователь относит к художественному дискурсу, неопубликованные – к повседневному, бытовому, передающему информацию по письменному каналу коммуникации [75, с. 72]. С.Н. Ефимова отмечает, что древнейшие прообразы записных книжек – берестяные грамоты и восковые таблички – послужили основой и для автокоммуникативных заметок, и для писем. К важнейшим элементам структуры эпистолярного дискурса С.Н. Ефимова относит: 1) коммуникативный; 2) когнитивный; 3) вербальный [75, с. 84].

Таким образом, широкая трактовка понятия «эпистолярный дискурс» включает в себя разные корпусы текстов (частная и официально-деловая переписка, дневниковые записи, заметки, записные книжки). Дискурс-анализ эпистолярных текстов наряду с традиционными филологическими методами анализа, на наш взгляд, расширяет границы исследования, выходя за пределы изучения только языковой организации письма, и позволяет получить новые научные результаты. Кроме того, многоаспектный подход к исследованию

эпистолярных текстов обеспечивает наиболее адекватное декодирование адресатом авторских коммуникативных интенций.

Несмотря на возрастающий в научных кругах интерес к теоретическим, содержательно-тематическим, стилистическим аспектам эпистолярного дискурса (что находит отражение в значительном количестве монографий и публикаций), исследователи находятся в поиске универсального терминологического обозначения, а также единого общепризнанного понимания статуса эпистолярия. Этот факт свидетельствует о перспективности и востребованности дальнейшего изучения лингвистических особенностей эпистолярного дискурса.

1.2.2. Публицистический и идеолого-политический типы дискурса

В данном параграфе проанализируем содержательные аспекты понятий публицистический дискурс и идеолого-политический дискурс.

Публицистика призвана удовлетворять идеологическим, политическим, религиозным и другим социокультурным потребностям общества, однако в соответствии с пространственно-временным фактором эти потребности динамично меняются, что вызывает трансформацию жанровых и стилистических особенностей публицистического дискурса в целом. Данный тип дискурса реализует прежде всего функцию воздействия и/или пропаганды, а также информативную, развлекательную, назидательную функции. Именно в публицистическом дискурсе диалогичность достигает наивысшей степени концентрации. Образ адресата в публицистическом дискурсе есть «совокупность данных, которые должен учитывать коммуникатор, организуя речевое воздействие для достижения определенной цели» [Клушина, 2008; 50].

Изучением коммуникативно-стилистических особенностей публицистического дискурса занимаются И.П. Иванова, Н.И. Клушина, Г.Н. Немец, Н.А. Павлушкина, В.Н. Хорольский, Т.В. Чернышова и др.

Теоретико-методологической базой данной части исследования послужили идеи И.П. Ивановой и Н.И. Клушиной, отображенные в работах, посвященных различным аспектам изучения публицистического дискурса. Так, в результате обобщения предыдущего научно-исследовательского опыта, Н.И. Клушина приходит к выводу, что публицистический дискурс – это «совокупность публицистических текстов, погруженных в коммуникативную ситуацию», а основными «дискурсивными (надтекстовыми) характеристиками публицистики» являются «идеологема, оценочность, идеологическая интерпретация излагаемого события» [Клушина, 2007: 75]. Для более детального осмысления публицистического текста Н.И. Клушина предлагает рассматривать его в двух аспектах: функциональном (с точки зрения стиля) и коммуникативном (с позиций дискурс-анализа). Так, в рамках функциональной стилистики («в диахронии») в публицистическом тексте, по мнению Н.И. Клушиной, представляется возможным выделить «константы и переменные». К константам исследователь относит «чередование экспрессии и стандарта, социальную оценочность, особый тип авторства, авторскую позицию, идеологему, шкалу ценностей» [Клушина, 2008: 291], к переменным – «иронию, интертекстуальность, диалогичность, разговорность, языковую игру» [Клушина, 2008: 291]. Для анализа публицистического текста как единицы коммуникативного акта, ученый предлагает прибегнуть к дискурс-анализу, основой которого служит следующий алгоритм: «адресант → интенция → текст → адресат → декодирование → воздействие», то есть «именно интенциональные черты текста становятся текстообразующими категориями» [Клушина, 2008: 292].

И.П. Иванова отмечает, что специфика публицистического дискурса прежде всего состоит «в особой и намеренной выразительности, экспрессивности высказывания», а одной из конституирующих черт такой экспрессивности исследователь считает использование в публицистическом тексте большого количества разного рода цитат, что способствует усилению диалогичности, а также «повышает момент игры, служит порождению подтекста. <...> Эффективным приемом, значительно повышающим выразительность этих средств, является их авторская трансформация, обновление» [78, с. 67].

По своим интенциональным характеристикам идеолого-политический дискурс сближается с публицистическим дискурсом. Значительный вклад в изучение теоретических и практических сторон данного вопроса внесен М.Л. Макаровым, Е.И. Шейгал и др. Под идеолого-политическим дискурсом исследователи понимают институциональную коммуникацию, обладающую «собственным подъязыком (лексикой, фразеологией, паремиологией)» [116, с. 233]. К маркерам данного типа дискурса исследователи относят специализированные: а) вербальные (политические термины, антропонимы и т.п.); б) невербальные (политическая символика, атрибутика и т.д.), а также неспециализированные, содержательно значимые для политической коммуникативной среды, например, личные местоимения первого лица. М.Л. Макаров подчеркивает, что «в силу ориентации политического общения на массового адресата, этот язык лишен корпоративности» [116, с. 234]. Основная коммуникативная цель политического дискурса, отмечает Е.И. Шейгал, – борьба за власть, чему соответствуют основные формы воплощения политического дискурса – политические дебаты, агитация, выборы и др. [186, с. 74].

Соотношение публицистического и идеолого-политического дискурсов Е.И. Шейгал представляет «в виде шкалы, включающей по мере нарастания политического содержания следующие тексты: памфлет, фельетон, проблемная политическая статья, написанная журналистом, колонка комментатора, передовая статья, репортаж (со съезда, митинга и т.д.), информационная заметка, интервью с политиком, проблемная аналитическая статья, написанная политиком, полемика (теледебаты, дискуссия в прессе), речь политика, политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике) [186, с. 74].

1.2.3. Литературно-критический дискурс

Литературно-критический дискурс имеет множество точек соприкосновения с художественным и публицистическим дискурсами (воздействие на сознание

адресата, убеждение, цитация, авторизация), однако, в соответствии с тематическим принципом дифференциации, некоторыми учеными он осмысливается как отдельный тип дискурса. Проанализируем основные теоретико-содержательные аспекты литературно-критического дискурса.

Литературно-критический дискурс, по мнению Ю.А. Говорухиной, А.А. Митрофановой и других исследователей, представляет собой дискурсную гетерогенность, синтез целого ряда дискурсов (художественный, поэтический, риторический, научный, рекламный и т.д.). Доминирующим в каждом отдельном тексте/высказывании становится тот тип дискурса, который, во-первых, максимально выражает коммуникативную цель высказывания, во-вторых, соответствует типу реферируемого литературного факта/явления. Главной целью авторов (литературоведов, литературных критиков, критиков-интерпретаторов, журналистов-экспертов и т.д.) высказываний/текстов, содержательно относящихся к литературно-критическому дискурсу, становится воздействие на сознание адресата путем изложения и последовательного доказательного обоснования личного, субъективного понимания реферируемого литературно-художественного факта/явления. Залогом успешности акта литературно-критической коммуникации является совпадение литературных, этических, эстетических, социокультурных интересов адресата и адресанта. Соблюдение (в большей или меньшей степени) этого условия обеспечивает адекватность интерпретации реципиентом авторских коммуникативных интенций относительно реферируемого литературного факта/явления.

Изучением вопросов теории и функционирования литературно-критического дискурса активно занимаются Ю.А. Говорухина, Н.В. Довгань, Н.В. Долгова, А.А. Митрофанова, Р.В. Перов, Е.С. Садовская, С.С. Силецкая и др. Исследователями освещено состояние литературно-критического дискурса на современном этапе: вопросы его прагматики, функционирования, функционала, трансформации классических жанров, стратегий текстопорождения, типологии и дискурсивных компетенций. Ю.А. Говорухина считает, «для того чтобы написать что-то действительно стоящее, критик должен не только вскрыть механизмы

удачи или неудачи автора, но и художнически пережить событие собственного чтения» и отмечает множество точек соприкосновения между литературно-критическим и художественным дискурсами, главная из которых – использование одних и тех же «литературно-художественных средств: поддержание читательского интереса, внимание к композиции, <...> смена перспектив повествования и др.» [51, с. 63]. При этом общность литературно-критических текстов и текстов художественной литературы «на уровне приемов осознается самой критикой» [51, с. 63].

К интенциональным характеристикам литературно-критического текста относятся: объяснение, утверждение, аргументация, принятие / несогласие / протест, одобрение / похвала / упрек, убеждение / разубеждение. Доминирующей интенцией любого литературно-критического текста чаще всего становится убеждение потенциального адресата в истинности транслируемых автором идей и мнений, что находит отражение в отборе соответствующих данной интенции лексических, грамматических, синтаксических, лексико-фразеологических единиц, а также стилистических приемов, оказывающих непосредственное влияние на воспринимающее сознание адресата.

Модальные прагматические характеристики связаны с разными видами волеизъявления, субъективной оценкой, в поле литературно-критического текста они чаще всего вербализуются в виде эпитетов. Модальные характеристики литературно-критического дискурса условно могут быть разделены на: а) объективно-модальные, отображающие характер отношения сообщаемого к действительности; б) субъективно-модальные, транслирующие личное отношение говорящего к сообщаемому.

Аргументационная программа литературно-критического текста направлена на информирование, убеждение, «склонение» адресата к сходной с авторской позицией относительно реферируемого литературного факта/явления и зачастую реализуется в виде цитат, авторизации (т.е. использования в тексте личных местоимений первого лица).

Е.С. Садовская отмечает, что литературная критика «входит в общее понятие художественной критики, рассматривающей культурные явления, культурные артефакты (кино, музыка, архитектура, театр и т.д.), их включенность в художественный процесс» [152, с. 13], с другой стороны, исследователь считает, что корпус литературно-критических текстов является частью публицистического дискурса, так как чаще всего данный тип текстов размещается в различных периодических изданиях. Главной коммуникативной интенцией литературно-критического текста является «информирование адресата (с целью восполнения пробелов в знаниях, а также привлечения внимания к отдельным литературным произведениям или творчеству писателя) и побуждение его к конкретным действиям (прочтения или отказа от прочтения рассматриваемого произведения, изучению творчества литературных деятелей)» [152, с. 85]. Данной интенцией диктуется отбор автором текста соответствующих нарративных стратегий и речевых тактик. Обобщив предыдущий исследовательский опыт, Е.С. Садовская выделила главные текстопорождающие стратегии литературно-критического текста и описала набор речевых тактик, реализующих отобранные автором нарративные стратегии в текстовом поле. Исследователем также описаны функции антропоцентров в литературно-критической коммуникации: «адресант <...> выступает в качестве субъекта оценки, предмет (тема) дискурса – в качестве объекта оценки, а реципиент <...> является адресатом оценки» [152, с. 89]

Так, по Е.С. Садовской, доминантными в литературно-критическом тексте являются персуазивные, то есть воздействующие на сознание адресата, стратегии оценки: 1) стратегия прямой оценки; 2) стратегия косвенной оценки [152, с. 85]. Данные нарративные стратегии дифференцируются по степени присутствия в тексте адресанта: эксплицитно, то есть «непосредственно выраженные оценки по отношению к рассматриваемому объекту критики, которые без труда могут быть распознаны в тексте, восприняты и однозначно интерпретированы со стороны адресата»; или имплицитно, когда авторская коммуникативная интенция «не

выражается прямо и требует интерпретативных усилий со стороны адресата» [152, с. 90].

Стратегию прямой оценки в текстовом поле продуктивно реализуют речевые тактики положительной и отрицательной оценочности. Кроме того, автором дифференцированы специальные дискурсивные ходы, усиливающие действие речевых тактик и способствующие наиболее точному декодированию авторских интенций адресатом. Так, тактика положительной оценки реализуется при помощи использования прилагательных в превосходной степени сравнения, лексики с семантикой уникальности и успеха, использование распространенных определений, парцелляции, инверсии [152, с. 91]. Тактику отрицательной оценки продуктивно реализует «смена регистра», то есть смешение лексики разных стилей (книжной, разговорной, грубой, вульгарной и т.д.) [152, с. 96].

Стратегия косвенной оценки, считает Е.С. Садовская, чаще реализуется при помощи одной или нескольких из следующих речевых тактик: «тактика аналогии, тактика резюмирования, тактика «оценка через обобщение», тактика кооперации» [152, с. 101]. Тактика аналогии строится на сопоставлении вещей/ситуаций и в основном реализуется при помощи сравнений, метафор, аллюзий. Тактика резюмирования «направлена на формирование оценочного суждения вследствие подытоживания ряда информативно-объективных фактов субъективным комментарием автора» и в текстовом поле чаще всего реализуется при помощи иронии [152, с. 111]. Тактика «оценка через обобщение» и тактика кооперации реализуются при помощи введения в текст риторических вопросов [152, с. 115].

Таким образом, прагматическая направленность литературно-критического дискурса заключается в критической оценке литературно-художественного факта/явления, обосновании изложенного о нем мнения, убеждении читателей в достоверности и истинности изложенных мнений, побуждении к взаимодействию, информировании читателей об авторе и его работе, ознакомлении читателей с эстетикой произведения.

1.2.4. Художественный и авторский дискурс: соотношение понятий

Художественный дискурс справедливо считается одним из самых сложных видов литературно-художественной коммуникации, в котором отражается особая фикциональная картина мира. В настоящем параграфе проанализируем последовательно содержательные стороны двух близких, но не тождественных понятий художественного и авторского дискурсов. Большинство современных ученых-лингвистов (В.А. Андреева, Е.А. Гончарова, В.Е. Чернявская, И.А. Щирова и др.) под авторским дискурсом подразумевают только нарративный или художественный дискурс, представленный корпусом художественных текстов, принадлежащих конкретной творческой личности, конкретному автору. Однако, в ряде случаев такой однозначный подход значительно сужает содержательный аспект понятия «авторский дискурс», а, следовательно, и предмет исследования. Такое понимание авторского дискурса актуально для творческого наследия тех писателей, которые работали исключительно над созданием художественных произведений. Вместе с тем литературное наследие многих творческих личностей представлено не только художественными (прозаическими, драматическими, поэтическими) произведениями, но и публицистическими, литературно-критическими текстами, опубликованными дневниковыми записями, записными книжками, даже частной перепиской, имеющими концептуально-важное значение в осмыслении и адекватной интерпретации индивидуально-авторской языковой картины мира. С нашей точки зрения, необходимо расширить содержательно-смысловые границы понятия «авторский дискурс» и определить его как целостное когнитивно-коммуникативное пространство, вербализованное во всем корпусе литературных текстов, принадлежащих отдельной творческой личности и воспроизводящих авторскую картину мира. Авторский дискурс репрезентирует художественную и нехудожественную коммуникацию и реализуется на уровне интердискурсивности, т.е. представлен взаимодействием различных дискурсивных типов внутри единого текстового целого.

В любой авторский текст (как продукт авторского дискурса) адресантом всегда закладывается интерпретационная программа, ориентированная на потенциального адресата, авторские коммуникативные интенции декодируются намеренным введением в текстовое поле системы специальных лингвокреативных (содержательно-тематических, композиционных, лексико-фразеологических, стилистических и др.) средств.

В зависимости от коммуникативной цели автором отбираются определенные стратегии построения текста, а конкретные речевые тактики актуализируют их в текстовом поле.

Имя автора – центральный элемент авторского дискурса – позволяет группировать тексты разных дискурсивных типов по определенным критериям, то есть сопоставлять, разграничивать, объединять тексты на уровне соответствующих содержательных параметров. М. Фуко высказал мысль о том, что «имя автора не идет, подобно имени собственному, изнутри некоторого дискурса к реальному и внешнему индивиду, который его произвел, но оно стремится в некотором роде на границу текстов, обнаруживает способ их бытия, или по крайней мере его характеризует» [Фуко, 1996: 11]. Ученый выделил четыре основные характеристики имени автора: 1) право творческой и интеллектуальной собственности; 2) неоднозначность, неуниверсальность: различные артикуляции и формы существования в разных дискурсах (ср. имя автора в медицинском дискурсе, научном (математическом), художественном); 3) не просто атрибуция некоторого дискурса, а результат сложной интеллектуально-творческой деятельности; 4) не отсылка к некоему индивиду, а поле сосуществования нескольких «эго»: автор как уровень ценности, автор как поле концептуальной связности, автор как стилистическое единство, автор как исторический момент и точка встречи некоторого числа событий и т.д. [Фуко, 1996: 12-15].

Таким образом, категория «автор» является главным антропоцентром в тексте/высказывании любого дискурсивного типа и репрезентируется различными способами, эксплицитно или имплицитно выраженными.

Кроме того, по справедливому замечанию Е.А. Гончаровой, следует разграничивать естественную коммуникацию (под которой здесь будем понимать нехудожественные тексты авторского дискурса творческой личности) и художественную (только художественные тексты). Противопоставляются эти виды коммуникации по принципу реальности/фикциональности представленной в текстах картины мира. То есть тексты, принадлежащие художественному дискурсу, всегда подвергаются творческой эстетической переработке, художественно-образному переосмыслению, восприятие и интерпретация авторских интенций требуют от читателя высокой когнитивной концентрации, «способности чувствовать себя вовлеченным в то, что он воспринимает и пытается понять» [189, с. 206]. Исследователь также отмечает важность принципа «обратной связи», усиливающего диалогизм коммуникативного события.

Таким образом, параметрами, позволяющими соотносить понятия авторского и художественного дискурсов, являются:

- а) имя автора как центральная составляющая дискурса, объединяющая ряд художественных и нехудожественных текстов;
- б) категория адресата и адресанта;
- в) высокий уровень диалогизма;
- г) позиция интерпретатора получаемой информации;
- д) текст – как динамичное когнитивно-коммуникативное пространство, в котором встречаются авторская и читательская дискурсии.

Отличительными чертами, характерными только для художественного (нарративного) дискурса, являются:

- а) репрезентация фикциональной картины художественного мира;
- б) реализация особого процесса художественной коммуникации, в который вовлечены не только категории адресата и адресанта, но и наделенная правом голоса и определенным знанием категория автора, репрезентируемая различными типами нарратора: персонажами, рассказчиком-повествователем и особой формой авторского всеведения.

Художественная коммуникация – сложный интерактивный процесс, наделенный высокой эстетической ценностью, репрезентирующий вымышленную автором картину мира с целью привлечения внимания потенциального адресата и активации в получающем сознании когнитивных процессов декодирования интенций отправителя. Интерпретация художественного текста адресантом осложняется присутствием в нем характерной только для данного типа коммуникации категории автора – сложным многоуровневым элементом композиции и архитектоники.

Проанализируем и обобщим основные типы повествователя (=нарратора) в литературно-художественном тексте, предложенные отечественными и зарубежными исследователями.

На современном этапе в отечественной школе лингвистики художественного дискурса (В.А. Андреева, Е.А. Гончарова, И.А. Щирова и др.) дифференцируются следующие типы нарратора: первичный (автор литературного произведения) и вторичный (повествователь/нарратор, персонаж) типы; диегетический и недиегетический, дифференцируемые в зависимости от эксплицитности/имплицитности присутствия данной категории в текстовом поле. Если диегетический тип нарратора присутствует в тексте явно (повествование от 1 лица), то недиегетический – не артикулируется открыто, физически отсутствует (повествование от 3 лица) [Гончарова, 2008: 230]. И.Б. Роднянская дополняет, что недиегетический тип нарратора в художественном текстовом поле способен совмещаться «с сознанием каждого из героев», потому что приобретает «неограниченную осведомленность» [216, с. 32].

Е.А. Гончарова автора литературного текста именуется «творческим субъектом, благодаря которому все, без исключения, элементы текстовой структуры объединены равенством отношения к изображаемому, повествуемому» [Гончарова, 2008: 228]. Сложность осмысления и интерпретации типов нарратора художественного текста объясняется наличием в нем как минимум двух текстообразующих компонентов или «ипостасей» автора:

во-первых, автор художественного текста/корпуса текстов как реальная личность, работающая в определенном жанре, стиле и в конкретную историческую эпоху; во-вторых, автор (нарратор) как вымышленный образ, субъект, инициирующий и активно реализующий литературно-художественную коммуникацию. Е.А. Гончарова характеризует вторую «ипостась» автора-нарратора как «имманентный субъект речи художественного (повествовательного) текста», а сам текст – как «актуализацию его творческой ментально-речевой функциональности» [189, с. 23]. Писатель умышленно вводит в художественное текстовое поле такого рассказчика/повествователя (=нарратора), который наделен определенными знаниями об описываемых в тексте событиях, в отличие от системы персонажей ему даже известен финал истории. Кроме того, адекватное и наиболее точное декодирование писательских интенций и распознавание сложной многоуровневой структуры категории автора художественного произведения становится возможным лишь при условии «пристального внимания читателя ко всем элементам динамической и разветвленной системы художественных смыслов текста, каждый из которых является отражением творческой деятельности его создателя и входит в его общую коммуникативно-творческую стратегию» [189, с. 221].

В. Шмид расширяет предложенную классификацию и утверждает, что мир каждого художественного произведения включает конкретные и абстрактные «инстанции» (терминология В. Шмид), перечислим их:

– конкретный автор – создатель художественного произведения, существующий не зависимо от текста;

– конкретный читатель, реципиент – как собирательный образ, бесконечное множество реальных лиц, также существующих вне зависимости от художественного текста. Несмотря на явное отсутствие в художественном текстовом поле и конкретного автора, и конкретного читателя, оба они присутствуют в нем имплицитно, уточняет исследователь, так как в воображении каждого из них вырисовывается образ отправителя и получателя сообщения соответственно;

– абстрактный, имплицитный, автор как «семантический центр произведения, та точка, в которой сходятся все творческие линии текста» [187, с. 48];

– абстрактный читатель как «ипостась представления конкретного автора о своем читателе» [187, с. 57], это предполагаемый адресат, на которого ориентирует свой текст отправитель, своего рода идеальный читатель;

– фиктивный нарратор: а) недиегетический (не присутствующий в повествуемой истории) и б) диегетический, вербализованный одним или несколькими способами (главный герой, второстепенный персонаж и т.д.);

– фиктивный читатель, то есть «подразумеваемый образ адресата» [187, с. 96].

Таким образом, тип нарратора в художественном тексте может быть идентифицирован по степени присутствия автора в текстовом поле, а также способу повествования: диегетический – от первого лица, недиегетический – от третьего лица, внутренняя речь или речь персонажей. Кроме того, в зависимости от цели исследования может использоваться расширенная классификация абстрактных и конкретный инстанций, разработанная В. Шмидом.

Осмысление художественного дискурса невозможно без еще одной концептуально важной характеристики – интердискурсивности, то есть гетерогенной, неоднородной структуры текстового поля. Понятие интердискурсивности – достаточно новое, но все более прочно входящее в научный оборот в современной лингвистике дискурса. Термин «интердискурсивность» принадлежит французскому философу М. Пеше. В отечественном языкознании изучением феномена интердискурсивности активно занимаются представители Санкт-Петербургской лингвистической школы (В.А. Андреева, Е.В. Белоглазова, Е.А. Гончарова, В.Е. Чернявская и др.), в работах которых выделены и систематизированы критерии интердискурсивности.

Так, по В.А. Андреевой, интердискурсивность «возникает, когда в коммуникативном событии артикулируются два и более дискурсов» [11, с. 11]. Е.В. Белоглазова считает интердискурсивность спонтанным, «ничем не

регламентированным» [Белоглазова, 2010: 188] феноменом, описывающим «*один текст, характеризующийся дискурсной гетерогенностью* (выделено нами. – Е.Б.)» [Белоглазова, 2010: 189], которую автор создает «исходя из конкретной дискурсной ситуации» [Белоглазова, 2010: 189]. Следовательно, любой интердискурс как сочетание нескольких дискурсов будет индивидуален для каждого текста.

В.Е. Чернявская, под интердискурсивностью понимает «феномен взаимодействия дискурсов» [181, с. 178], «особую взаимосвязь языковых единиц, которая инициирует в воспринимающем сознании (т.е. в голове читателя) переход от одного типа дискурса и, значит, типа мышления, к другому с целью создания сильного воздействующего эффекта» [181, с. 23]. В.Е. Чернявской выделены три основные группы «маркеров» или «сигналов» интердискурсивности: 1) смена текстового типа, строящаяся по принципу «монтажа текстотипов»; 2) графические средства (изменение типа, формы, размера шрифта), используемые, к примеру, как прием стилизации той или иной культурно-исторической эпохи; 3) паралингвистические средства (характерные для устных форм дискурса: тембр голоса, просодия, акцент) [Чернявская, 2009: 224]. Кроме того, в своем определении интердискурсивности В.Е. Чернявская акцентирует внимание на «воспринимающем сознании» как на еще одной области осмысления взаимосвязи языковых единиц, вследствие которого порождается новый дискурс. Е.В. Белоглазова также считает, что сознание адресата, его личный культурно-исторический опыт является «маркером» интердискурсивности, посредством которого из исходного, авторского дискурса, возникает новый дискурс [Белоглазова, 2010: 69].

Таким образом, главным механизмом интердискурсивности является взаимодействие дискурсов, коррелирующее с соответствующими коммуникативными сферами в пределах одного текста. Взаимодействие дискурсов нескольких типов внутри единого художественного текстового целого актуализируется при помощи введения в текст специальных лингвостилистических маркеров, в качестве которых, к примеру, могут выступать

антропонимы, прецедентные феномены, определенная терминология, обозначения социокультурных или политических реалий, цитаты и т.д.

1.3. Дискурс-анализ как метод исследования авторского дискурса С. Довлатова: алгоритм репрезентации нарративных стратегий и речевых тактик

Лингвисты, работающие в области теории дискурса, солидарны во мнении, что дискурс-анализ, являющийся сложной межпредметной областью знания, с одной стороны, выходит за пределы языка, с другой – эпистемиологически восходит к анализу текста, речи в действии, соответственно, условные границы предмета исследования расширяются и соотносятся со множеством экстралингвистических факторов. Главной целью дискурс-анализа становится идентификация «культурных кодов», социального контекста, изначально заложенных в высказывание адресантом, а также выявление точек соприкосновения и взаимопроникновения языка и реальной действительности.

Термин «дискурс-анализ» в лингвистике был актуализирован в 1952 г. американским лингвистом З. Харрисом в одноименной работе «Анализ дискурса», где ученый предпринимает попытку применения концепции дистрибутивного метода к анализу высказывания/текста, превосходящего по объему предложение, с целью расширения границ предмета исследования (высказывание + социокультурный фон). Несколькими годами позже сущность данного феномена подвергалась осмыслению и в других лингвистических школах (немецкой и французской). Следует отметить, что концептуальную роль в развитии дискурс-анализа сыграла теория речевых актов, разработанная американскими учеными (Дж. Остин, Дж. Серль, П.Ф. Стросон) в 50–60 гг. XX в., которые пытались установить взаимосвязь языка с окружающей действительностью.

Значительный вклад в развитие теории дискурса и метода дискурс-анализа внесли ученые французской лингвистической школы (М. Пеше, П. Серио,

Э. Бенвенист, Ж. Лаккан, и др.), в трудах которых нашла продолжение фундаментальная мысль Ф. де Соссюра о необходимости разграничения языка и речи.

В отечественном языкознании к изучению специфики дискурс-анализа обратились лишь в последние десятилетия XX в. Так, О.Ф. Русаковой обобщены и систематизированы существующие в настоящий момент основные подходы к дискурс-анализу: 1) с позиций лингвистики и психологии (дискурс как междисциплинарная область гуманитарного знания); 2) с точки зрения кратологии (дискурс власти); 3) с точки зрения семиотики (дискурс как культурный код); 4) с позиции теории коммуникации (язык в действии); 5) постмодернистский подход к анализу дискурса (дискурс как «сетевое коммуникативное пространство»); 5) критический дискурс-анализ, представляющий собой синтез всех перечисленных подходов [151, с. 7].

Ю.В. Ирхин обозначил основные объекты и направления для продуктивной реализации дискурс-анализа: дискурсы повседневного общения; арт-дискурсы; дискурс деловых коммуникаций; маркетинговые дискурсы; институциональные дискурсы; публичный дискурс; политические дискурсы; медиа-дискурсы; академические дискурсы [80, с. 12].

Лингвистика дискурса прежде всего текстоцентрична, следовательно, предметом исследования является текст в различных проявлениях (устный/письменный, диалог/монолог, поэтический/прозаический/драматический и т.д.). Специфика дискурс-анализа любого текста (как коммуникативного события) состоит в поэтапном изучении: а) текста с точки зрения особенностей языка, речи, письма; б) дискурсивных практик, то есть способов текстопорождения, его восприятия и интерпретации; в) социальной практики как области применения и функционирования текста [161, с. 12]. Такой «трехмерный» подход к дискурс-анализу позволит исследователю понять, какие дискурсы артикулируются в интерпретируемом тексте путем обнаружения специальных лингвистических дискурсивных маркеров; определить стратегии создания текста, соответствующие авторским коммуникативным интенциям; выявить и

систематизировать набор речевых тактик, реализующих выбранные стратегии в текстовом поле.

Т.Г. Скребцова предлагает условное разделение поля дискурсивных исследований на три группы в соответствии с превалирующей фокусировкой внимания на следующих аспектах: а) лингвистических, б) когнитивных или в) социокультурных, - то есть при проведении дискурс-анализа осмысливаются содержательные стороны треугольника «речь – когниция – общество», где все вершины находятся в тесном взаимодействии [161, с. 48].

М.Л. Макаров отмечает, что чаще всего термин «дискурс-анализ» употребляется в одном из трех контекстов: 1) в широком смысле как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социокультурной обусловленности; 2) в узком смысле как наименование традиции анализа Бирмингемской исследовательской группы; 3) как «грамматика дискурса», направление, близкое, но не тождественное лингвистике текста [116, с. 99].

Благодаря многообразию существующих подходов к теории дискурса и различным методикам в рамках общего метода дискурс-анализа современному исследователю предоставляется возможность как комбинировать эти подходы, так и наоборот, акцентировать внимание на некоторых из них, способных наиболее детально реализовать конкретные исследовательские цели и задачи.

Проанализируем существующие на современном этапе алгоритмы дискурс-анализа.

Ю.В. Ирхин отмечает, что при проведении дискурс-анализа необходимо учитывать несколько концептуально важных положений: 1) текстопорождающие стратегии, избранные авторами с учетом их коммуникативных интенций и сферой функционирования текстов различной дискурсивной принадлежности; 2) в каждом типе дискурса репрезентируются авторские социокультурные, этические, эстетические ценности; 3) дискурс является полем взаимодействия коммуникативных антропоцентров (адресанта и адресата), каждый конкретный текст, как единица дискурса, интерпретируется адресатом с учетом его

ментально-когнитивных способностей, культурных установок; 4) каждый дискурс существует эксплицитно и имплицитно; 5) дискурс не может быть осмыслен без изучения его социокультурного фона [80, с. 12].

А.Н. Чурушкина при проведении дискурс-анализа предлагает исследовать его: 1) институциональность/неинституциональность; 2) категории адресата и адресанта; 3) социокультурный и идеологический фон текста/высказывания; 4) языковое воплощение дискурса [185, с. 13].

Алгоритм дискурс-анализа, предложенный В.Е. Чернявской, на наш взгляд, продуктивно экстраполируется на любой текстовый материал. Так, дискурс-анализ, по В.Е. Чернявской, включает: 1) определение интенции высказывания или их совокупности; 2) актуализацию «коммуникативных антропоцентров» - категорий автора и адресата сообщения; 3) определение темы и макроструктуры (т.е. принципов объединения отдельных слов, словосочетаний, предложений в единое целое) сообщения; 4) выявление прагматически сфокусированных, центральных для раскрытия авторского замысла языковых и композиционных единиц; 5) связь слов/высказываний и порождаемых ими смыслов с экстралингвистическими факторами; 6) выявление содержательно однородных типов текстов, в своей совокупности обеспечивающих когерентность внутри одного дискурсивного поля [183, с. 141].

Из всех вышеперечисленных позиций лингвистов следует, что дискурс-анализ не может быть осуществлен в отрыве от его конституирующих категорий: 1) адресанта и адресата; 2) темы и композиции; 3) жанровых, стилистико-языковых и экстралингвистических особенностей каждого конкретного текста; 4) коммуникативных целей и языковых способов их реализации.

Задача следующей части параграфа состоит в определении и уточнении содержательного ядра еще одного важного структурного компонента дискурса – дискурсивной стратегии, от выбора которой зависит успех/провал коммуникации в целом. Проанализируем результаты осмысления данного понятия представителями различных лингвистических направлений.

М.Л. Макаров в монографии «Основы теории дискурса», систематизируя исследовательские позиции зарубежных и отечественных ученых относительно определения места дискурсивных стратегий в структуре дискурса, отмечает, что при всем разнообразии мнений общей точкой пересечения является мысль о прямом соответствии глобальной коммуникативной цели выбору языковых средств говорящим (адресантом). Так, Д. Шпербер и Д. Уилсон разработали «принцип оптимальной релевантности» дискурсивных стратегий, подразумевающий соответствие подбора языковых средств коммуникативным целям. Итальянские ученые Д. Париси и К. Кастелфранчи выстроили иерархию коммуникативных целей, согласно которой глобальным (стратегическим) целям подчиняются тактические (локальные), причем каждая цель совпадает с соответствующей «фазой» коммуникативного события. Системный подход к выбору дискурсивной стратегии развил в своих работах британский ученый М. Култхард, полагая, что «упорядоченность множества локальных целей обусловлена иерархической структурой когнитивной модели и относительно фиксированным характером ее частей, что позволяет участникам диалога на основании инференций программировать или планировать свои действия по реализации главной цели» [116, с. 193]. При этом действия по реализации цели ученый называет тактиками [116, с. 193].

Обобщив предыдущий исследовательский опыт, М.Л. Макаров идентифицирует дискурсивную стратегию как «цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств», способствующую «реализации набора целей в структуре общения» [116, с. 122]. Такая понимание дискурсивной (нарративной) стратегии, по мнению М.Л. Макарова, позволяет глубже изучить сложную, многофункциональную структуру и природу коммуникации.

О.Я. Гойхман и Т.М. Надеина под коммуникативной стратегией понимают «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организацию воздействия в интересах достижения цели общения» [52, с. 200], а дискурсивные

тактики идентифицируются авторами как «речевые приемы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации» [52, с. 200].

Аналогичная мысль развивается в трудах О.С. Иссерс, отождествляющей дискурсивные стратегии со «сверхзадачей», где именно «стратегический замысел определяет выбор средств и приемов его реализации». Нарративная стратегия и речевая тактика, по мнению О.С. Иссерс, «связаны как род и вид» [81, с. 110], где стратегия – это «некоторая последовательность действий (в данном случае – речевых), организованных в зависимости от цели взаимодействия» [81, с. 100–101], то речевая тактика – одно или сразу несколько коммуникативных действий, способствующих реализации выбранной стратегии. Следовательно, речевые стратегии могут быть интерпретированы как «гипотезы относительно ситуации общения, обладающие большей или меньшей вероятностью» [81, с. 55], речевые тактики – как «практический инструмент говорящего» [81, с. 110], а «инструментом реализации той или иной тактики, приемом более низкого порядка» является коммуникативный ход [81, с. 114]. Кроме того, важную роль здесь играет получающее сознание адресата, так как, по справедливому замечанию О.С. Иссерс, речевая стратегия всегда «базируется на интерпретации» [81, с.103].

В зависимости от степени реализации в тексте авторских коммуникативных интенций и воздействия на сознание адресата О.С. Иссерс выделяет общие и частные дискурсивные стратегии; с функциональной точки зрения, отмечает исследователь, могут быть выделены основные и вспомогательные стратегии [81, с. 105–106]. *Основной дискурсивной стратегией* О.С. Иссерс называет ту стратегию, которая «на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей» [81, с. 106]. *Вспомогательная дискурсивная стратегия*, отобранная адресатом для реализации конкретных коммуникативных интенций, способствует наиболее «эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата» [81, с. 106].

Отбор дискурсивных стратегий подчиняется коммуникативным целям в каждой конкретной ситуации общения и коррелирует с соответствующим типом дискурса. Так, например, в художественном дискурсе преобладает использование эмотивных стратегий текстопорождения и стратегий сближения с адресатом, в научном и публицистическом – аргументирующих стратегий убеждения.

В.А. Андреева, ведущая исследования преимущественно в области художественного или нарративного дискурса, в один синонимический ряд ставит понятия «дискурсивная стратегия», «базовый модус высказывания», «когнитивно-дискурсивная схема текстопорождения» [12, с. 6] и выделяет три типа коммуникативных стратегий: *нарративную, дескриптивную и ментативную*. Указанные типы, по утверждению автора, коррелируют с традиционной риторической триадой: *повествование, описание, рассуждение* [12, с. 6], конституирующим основанием для их разграничения В.А. Андреева считает степень «выраженности определенного типа отношений в каждом из них» [12, с. 7]: 1) в нарративе – пространственно-временных, сюжетно-повествовательных, 2) в дескриптиве – пространственных, количественно-качественных, 3) в ментативе – причинно-следственных, логико-когнитивных [12, с. 7]. Кроме того, в любом из них могут присутствовать и иные типы отношений, но, как отмечает В.А. Андреева, их «домысливание» всегда будет основываться «на интерпретации реципиентом базового типа отношений, выраженного в высказывании» [12, с. 7].

Рассуждая о необходимости введения в научный оборот термина «дискурсивная стратегия», В.А. Андреева подчеркивает, что традиционное деление текстов по типам (речи) значительно сужает предмет исследования, фокусируя внимание лишь на отграничении и противопоставлении типов речи. Применение стратегического подхода, по В.А. Андреевой, открывает более широкие исследовательские перспективы, и, с одной стороны, дает возможность увидеть взаимодействие типов речи в каждом тексте, с другой, – их «зависимость от ведущей риторической стратегии, породившей конкретный текст, в который они включены». Характерной чертой любого как нарративного, так и

анарративного (терминология автора) текста, отмечает В.А. Андреева, является включение в него «фрагментов иных типов речи», что «подчиняется глобальной стратегии текста как целого» [12, с. 8].

Любая коммуникативная ситуация обладает «трехсторонней» (действительность-язык-сознание) организацией, резюмирует В.А. Андреева, при этом каждой из сторон соответствует своя «дискурсивная компетенция»: референтная, креативная, рецептивная. Референтная компетенция эксплицируется как язык «объективной и субъективной действительности», что «определяет ракурс ее видения, общий для адресанта и адресата»; креативная – «определяет форму речевого авторства», то есть способы вербализации адресанта в высказывании; рецептивная компетенция связана с присутствующей в любом коммуникативном событии категорией адресата [12, с. 9]. Согласно наблюдениям исследователя, в любом тексте одна или несколько из данных компетенций будут доминировать, остальные присутствовать редуцированно. Например, ведущей в дескриптивной стратегии текстопопорождения будет референтная компетенция, в нарративной – и референтная (эксплицирующаяся в фабуле) и креативная (трансформирующая фабулу в сюжет). Креативная компетенция нарративной стратегии, отмечает В.А. Андреева, «проецируется на очень широкий круг реципиентов», и, «в силу непрямого выражения авторского послания», обладает «относительной свободой интерпретации» [12, с. 11]. Кроме того, нарративная стратегия текстоворождения обладает уникальной возможностью интеграции нескольких дискурсивных стратегий в пределах одного текста при условии, что одна из них будет *доминирующей*, остальные – *альтернативными*, выполняющими вспомогательные функции.

В.А. Андреева выделяет три основных критерия нарратива: 1) выявленность повествователя, эксплицирующаяся в тексте грамматической формой его выражения (от какого лица ведется повествование), при этом исследователь высказывает мысль о том, что «наличие говорящего субъекта» позволяет разглядеть «первое лицо» в любом повествовании и вместо традиционного повествования «от 3-го лица» предлагает использовать термин «повествование

“о 3-м лице”»; 2) повествовательная перспектива, эксплицируемая в форме авторского «всеведения», причем автор может присутствовать в тексте эксплицитно или имплицитно, в одной ипостаси, или одновременно в нескольких, переключая способ повествования; 3) критерий модуса, позволяющий верифицировать степень совпадения/несовпадения авторских интенций с воспринимающим сознанием адресата [12, с. 43].

Категорию автора исследователь считает «антропоморфной ипостасью всех творческих актов, олицетворением интенциональности произведения» [12, с. 56] и дифференцирует нарратора (повествование от 3 лица) и рассказчика (повествование от 1 лица). Центральной категорией нарративного дискурса, по мнению В.А. Андреевой, является событие как минимальный элемент сюжета [12, с. 53]. Любое событие в художественном тексте находится в тесной взаимосвязи с одной из ипостасей субъекта коммуникации, в роли которого может оказаться непосредственный участник этого события, то есть персонаж, наблюдатель, то есть читатель или исследователь-интерпретатор. Из сказанного следует, что для в художественной коммуникации каждым из перечисленных субъектов событие может быть воспринято и интерпретировано по-разному, то есть речь пойдет уже не об одном, а о нескольких событиях [12, с. 74].

Еще одной категорией нарративного дискурса является перспективация – «принцип отбора, переработки и презентации художественного (или жизненного) материала» [12, с. 64]. То есть перспективация – это взаимодействие «функции образа автора как интенционального, креативного начала повествовательного дискурса и функции образцового читателя, который, опираясь на расставленные автором <...> “вехи”, идентифицирует интенции адресата в процессе чтения текста» [12, с. 67].

Таким образом, принципы отбора коммуникативных стратегий текстопорождения в художественном дискурсе репрезентируются изнутри: они задают связь между объектами дискурса и выбором коммуникативной ситуации и соответствующих ей нарративных стратегий и речевых тактик. Наиболее частотным в художественном дискурсе является употребление эмотивных

стратегий, максимально сближающих категории адресанта и адресата, но также в зависимости от коммуникативной цели и интенции автора могут быть использованы и другие текстопорождающие стратегии (аргументации, психологического воздействия).

Объектом данного диссертационного исследования является авторский дискурс С. Довлатова. В соответствии с содержательно-тематическим принципом дифференциации типологии дискурсов, в авторском дискурсе С. Довлатова могут быть выделены тексты эпистолярного, публицистического, литературно-критического и художественного дискурсивных типов. Такое разнообразие, на наш взгляд, объясняется разносторонностью языковой личности автора: в разные творческие периоды жизни возникала необходимость одновременного написания текстов нескольких дискурсивных типов. Так, в самом начале творческого пути С. Довлатовым активно велась частная переписка с членами семьи, друзьями и знакомыми, кроме того, в виде записных книжек (в особенности во время армейской службы) автором собирались сюжеты, использованные в дальнейшем в художественных произведениях. На протяжении всего творческого пути для С. Довлатова, мечтавшего об успешной карьере писателя, зачастую основным источником дохода служила его журналистская деятельность, автор вынужден был подрабатывать корреспондентом в различных периодических изданиях. Этот жизненный и творческий этап отразился в публицистических текстах автора, часть которых носит литературно-критическую дискурсивную направленность. Художественные тексты С. Довлатова могут быть интерпретированы как квинтэссенция нарративных текстопорождающих стратегий различных дискурсивных типов, транслирующих коммуникативные интенции автора, и реализующих их речевых тактик.

Определение и систематизация нарративных стратегий и речевых тактик в текстах С. Довлатова различной дискурсивной принадлежности, на наш взгляд, возможно на основе применения метода дискурс-анализа. В предыдущем параграфе представлен обзор предложенных современными исследователями подходов к осмыслению сущности дискурс-анализа и алгоритмов его реализации.

Было установлено, что при любом подходе внимание ученых акцентируется на:

- 1) содержательно-тематических и композиционных особенностях текста;
- 2) коммуникативных целях и способах их реализации
- 3) выявлении и актуализации коммуникативных антропоцентров (адресанта и адресата).

Однако несмотря на разнообразие исследовательских точек зрения на содержательные аспекты метода дискурс-анализа и элементов его алгоритма, ученые солидарны во мнении, что «все подходы и все типы анализа могут взаимно дополнять друг друга и комбинироваться с учетом конечной цели проводимого исследования» [118, с. 65].

В соответствии с конкретными целями и задачами исследователь может сам определять путь дискурс-анализа, количество изучаемых параметров и их последовательность. В настоящей работе считаем целесообразным опираться на следующий алгоритм: 1) актуализация содержательно-смыслового единства текстового поля в рамках каждого дискурсивного типа; 2) определение коммуникативной цели текста, то есть дискурсивной специфики авторской интенции; 3) выделение главных коммуникативных антропоцентров текста: категорий адресанта (автора-нарратора) и адресата (читателя и исследователя-интерпретатора).

Выбор данного алгоритма дискурс-анализа текстов С. Довлатова различных дискурсивных типов продиктован следующими исследовательскими целями и задачами:

во-первых, авторские коммуникативные *интенции* напрямую соотносятся с дискурсивной принадлежностью конкретных текстов:

– в частной переписке осуществляется обмен информацией (чаще бытового, интимного плана) между коммуникантами;

– публицистические тексты С. Довлатова в основном носят развлекательный характер;

– литературно-критические отклики имеют устойчивую воздействующую направленность на сознание адресата;

– художественные произведения С. Довлатова представляют собой синтез всех перечисленных интенций, обнаруживающих себя в каждом конкретном произведении в большей или меньшей степени.

Во-вторых, тексты *адресанта* С. Довлатова разной дискурсивной принадлежности ориентированы на разных *адресатов*:

а) эпистолярные тексты обращены к реальным лицам (членам семьи, друзьям, коллегам, знакомым);

б) публицистические тексты выполняют функцию воздействия на потенциального читателя периодических изданий;

в) литературно-критические тексты ориентированы на русскоговорящих эмигрантов, интересующихся русской литературной средой, литературными фактами и видящих в лице адресанта авторитетного критика;

г) художественная проза С. Довлатова обращена к широкой читательской аудитории, способной адекватно декодировать и интерпретировать авторские коммуникативные интенции.

В соответствии с коммуникативными интенциями и категорией адресата автором отбираются *нарративные текстопорождающие стратегии*. Изучение всего корпуса текстов С. Довлатова позволяет выделить и назвать *доминантные* (присутствующие в текстах всех дискурсивных типов) и *второстепенные* (артикулируемые в текстах некоторых типов) текстопорождающие стратегии. Отобранные автором нарративные стратегии реализуются через набор определенных речевых тактик.

К *доминантным текстопорождающим стратегиям* относятся: 1) экспликация комического эффекта; 2) интердискурсивность повествования; 3) ориентация на позицию интерпретатора. Остановимся подробнее на каждой из них.

Комическое в широком смысле слова понимается как «вызывающее смех» [218, с. 384]. Комический эффект может быть реализован на уровне авторской шутки, иронии, сатиры, сарказма [218, с. 385]. Главным коммуникативным намерением С. Довлатова в большинстве случаев оказывалось желание развлечь,

рассмешить адресанта, что диктовало необходимость выбора *стратегии экспликации комического эффекта*. Как показывают проведенные наблюдения, главными *речевыми тактиками*, реализующими данную стратегию в текстовом поле у С. Довлатова, являются: а) языковая игра с потенциальным адресатом на разных стилистико-языковых уровнях; б) введение прецедентных имен; в) использование оценочных языковых средств.

Стратегия *интердискурсивности повествования* обеспечивает переключение авторского повествования внутри единого текстового целого между несколькими типами дискурсов. У С. Довлатова чаще всего повествование переключается между публицистическим, идеолого-политическим, литературно-критическим, бытовым, эпистолярным, художественным типами дискурсов. Наиболее ярко данная стратегия эксплицируется в художественном творчестве прозаика. Стратегию интердискурсивности повествования продуктивно реализует *тактика монтажа дискурсов* разных типов, а также *смена типа нарратора* (в художественном творчестве). Процесс декодирования авторских коммуникативных интенций для исследователя-интерпретатора облегчается включением автором в текстовое поле специальных лингвистических маркеров-подсказок, соотносящихся с тем или иным типом дискурса.

Программа интерпретации адресатом авторских коммуникативных интенций (*стратегия экспликации позиции интерпретатора*) закладывается в текст адресантом на стадии его замысла и продолжается в процессе создания литературного факта через «расставленные в тексте “вехи”, опорные пункты или средства прагматического фокусирования» [12, с. 39]. При этом цели интерпретации всегда соотносятся с «внутренним миром текста, с внутренними мирами автора и самого интерпретатора» [12, с. 39]. Данная стратегия реализуется при помощи набора *содержательно-тематических и языковых подсказок*, который отправитель намеренно включает в текстовое поле с целью запуска когнитивных процессов в сознании читателя, то есть декодирования и интерпретации авторских интенций.

К второстепенным нарративным текстопорождающим стратегиям относятся: *стратегия поддержания контакта между коммуникантами* (эпистолярные тексты); *стратегия персуазивной (прямой и косвенной) оценки* (литературно-критические и художественные тексты).

Выявленные второстепенные нарративные стратегии в текстах С. Довлатова реализуются при помощи речевых тактик: *авторизации*, то есть использование местоимений 1 лица; *положительной оценки и отрицательной оценки, тактики аналогии, кооперации с адресатом и оценки через обобщение*.

Выводы по главе 1

1. На основании обзора и систематизации научно-исследовательских результатов французской, немецкой, английской и отечественной школ дискурс-анализа выработано определение дискурса, актуальное для настоящей работы: дискурс – интерактивный коммуникативно-когнитивный процесс, вербализуемый во всем корпусе текстов определенного типа, или принадлежащий конкретной творческой личности, ориентированный на адресата, имеющего схожие с автором культурные, этические, эстетические предпочтения.

2. В настоящем исследовании применен содержательно-тематический принцип выделения типологии дискурсов, в соответствии с которым проанализированы эпистолярный, идеолого-политический, публицистический, литературно-критический, художественный и авторский дискурсы.

Эпистолярный дискурс представляет собой единое коммуникативное целое, включающее в себя разные корпуса текстов (частная и официально-деловая переписка, дневниковые записи, заметки, записные книжки). Применение многоаспектного подхода дискурс-анализа эпистолярия дает возможность исследования текстов с точки зрения стиля, жанра, социокультурного фона, то есть дискурса.

Публицистический дискурс зачастую взаимодействует с идеолого-политическим дискурсом. Публицистический дискурс представляет собой совокупность соотнесенных содержательно и тематически текстов, направленных, главным образом, на привлечение внимания адресата, воздействия на его сознание; с точки зрения дискурсивной принадлежности публицистические тексты характеризуются наличием в них авторской оценочности, включением в текстовое поле идеологом, транслирующих идеологическую интерпретацию описываемой действительности. Идеолого-политический дискурс – институциональный тип дискурса, обладающий «собственным подъязыком». К маркерам данного типа дискурса относятся: а) вербальные (политические термины, антропонимы и т.п.); б) невербальные (политическая символика, атрибутика и т.д.); в) неспециализированные, содержательно значимые для политической коммуникативной среды (например, личные местоимения 1 лица).

Главной коммуникативной интенцией текстов, относящихся к литературно-критическому дискурсу, является воздействие на сознание адресата, побуждающее к ознакомлению с литературной действительностью или предостерегающее от него. В данной связи тексты литературно-критического дискурса наполнены аргументированной авторской положительной/отрицательной оценочностью.

3. Авторский и художественный дискурсы соотносятся за счет: имени автора, объединяющего художественные и нехудожественные тексты; категорий адресата и адресанта; высокого уровня диалогизма; экспликации позиции интерпретатора. Главными отличительными характеристикам художественного дискурса, являются: репрезентация фикциональной картины мира; реализация особого процесса художественной коммуникации, в который вовлечены адресат и адресант, а также категория автора, репрезентируемая различными типами нарратора: рассказчиком-повествователем и особой формой авторского всеведения.

4. Тип нарратора в художественном тексте идентифицируется по степени присутствия автора в текстовом поле (эксплицитный/имплицитный), а также

способу повествования: диегетический (от первого лица), недиегетический (от третьего лица, повествование от лица персонажей). Для проведения дискурсивного анализа также может использоваться расширенная классификация В. Шмида абстрактных (абстрактный автор/абстрактный читатель; фиктивный нарратор/фиктивный читатель) и конкретных (конкретный автор/конкретный читатель) инстанций.

Интердискурсивность, или гетерогенность, дискурсивная неоднородность текстового поля является отличительной чертой ряда текстов (в особенности художественных). Интердискурсивность репрезентируется взаимодействием нескольких типов дискурсов в пределах одного текста. Такое взаимодействие обеспечивается введением в текстовое поле специальных маркеров (например, узнаваемых адресатом антропонимов, прецедентных феноменов, терминологии, обозначений социокультурных или политических реалий, цитат и т.д.).

5. Практическими целями и задачами диссертационного исследования продиктована необходимость выработки собственного алгоритма дискурсивного анализа: 1) актуализация содержательно-смыслового единства текстового поля в рамках каждого дискурсивного типа; 2) определение коммуникативной цели текста, то есть дискурсивной специфики авторской интенции; 3) выделение главных коммуникативных антропоцентров текста: категорий адресанта (автора-нарратора) и адресата (читателя и исследователя-интерпретатора). Применение данного алгоритма позволяет определить: 1) текстопорождающие нарративные стратегии (последовательности речевых действий), соответствующие авторским коммуникативным интенциям; 2) речевые тактики (отдельные коммуникативные действия), реализующие выбранные стратегии в текстовом поле.

В зависимости от степени реализации в тексте авторских коммуникативных интенций могут быть выделены доминантные и второстепенные дискурсивные стратегии. Доминантной считается наиболее значимая стратегия, которая в процессе коммуникативного взаимодействия антропоцентров наиболее полно реализует авторские интенции; второстепенной – та, которая репрезентирует

конкретные коммуникативные интенции автора и используется только в текстах определенных дискурсивных типов.

Так, доминантной стратегией в эпистолярных текстах является стратегия поддержания контакта между коммуникантами; в публицистических и литературно-критических – стратегии прямой и косвенной оценки; в художественных доминируют эмотивные стратегии текстопорождения. Второстепенные нарративные стратегии отбираются каждым автором индивидуально в зависимости от конкретных коммуникативных интенций.

Доминантные и второстепенные стратегии реализуются на уровне универсальных и специальных речевых тактик. К универсальным тактикам относятся: тактика авторизации; положительной и отрицательной оценочности; аналогии; резюмирования и кооперации с адресатом. Специальные речевые тактики каждый автор избирает в соответствии с собственными коммуникативными намерениями.

ГЛАВА 2. ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ С. ДОВЛАТОВА

2.1. Эпистолярный дискурс как основа формирования авторского дискурса С. Довлатова

Несмотря на дискуссионность вопроса о некоторых содержательных и дефиниционных аспектах, эпистолярный дискурс в современной науке осмысливается как самостоятельный, активно развивающийся тип дискурса, включающий в себя разнообразные корпуса текстов: опубликованную личную переписку, дневники, записные книжки, заметки. Эпистолярный дискурс входит в сферу научных интересов Т.П. Акимовой, А.В. Курьянович, О.П. Фесенко, А.В. Подчиненова, С.Н. Ефимовой и др. Эпистолярный дискурс в целом представлен учеными как корпус текстов с определенной жанрово-стилевой, тематической, социокультурной направленностью, принадлежащих одной и той же языковой личности автора. Дискурсоориентированность анализа эпистолярных текстов обеспечивается комплексным (с позиций лингвистики и экстралингвистики) подходом их изучения. Под эпистолярным текстом исследователями подразумевается «концептуально, информативно и прагматически значимое письменное речевое произведение, категориальными признаками которого считаются политематичность, стандартная структура, особая роль пресуппозиции и фактора адресатной направленности» [107, с. 256].

В настоящее время отсутствуют целостные специальные лингвистические исследования, посвященные анализу эпистолярных текстов писателя с позиций лингвистики дискурса. На наш взгляд, этот пласт незаслуженно остался без внимания ученых, ведь именно в частной переписке можно увидеть зарождение оригинального, легко узнаваемого индивидуально-авторского довлатовского стиля.

В данном параграфе обратимся к наиболее значимым для осмысления языковой личности С. Довлатова эпистолярным текстам – переписке с отцом, где, с одной стороны, артикулируются мысли прозаика по поводу будущей профессиональной деятельности, с другой, – отмечаются «зачатки» становления и намечается эволюция творческого метода и стиля письма. Кроме того, рассмотрим «Записные книжки» С. Довлатова, которые также содержательно и тематически могут быть соотнесены с корпусом текстов эпистолярного дискурса.

Цель данного параграфа состоит в выявлении общих канонов, то есть традиционных дискурсивных особенностей эпистолярия в частной переписке С. Довлатова. Для достижения цели выполним дискурс-анализ частных писем прозаика; систематизируем используемые автором дискурсивные стратегии создания текстов на уровне использования продуктивных речевых тактик, характерных для частного письма.

Проведенное исследование показало, что частная переписка С. Довлатова с близкими ему людьми, в особенности с отцом (театральным режиссером Д. Мечиком), оказала существенное влияние на формирование авторского дискурса прозаика.

Исследователи эпистолярного дискурса выделяют следующие экстралингвистические факторы: 1) наличие категорий адресата и адресанта, отражающих социальное положение корреспондентов; 2) способы «речевой» экспликации авторского «я»; 3) сочетание монологической и диалогической, устно-разговорной и книжно-письменной речи; 4) соблюдение правил речевого этикета письма. Важно, что коммуникация в рамках эпистолярного дискурса осуществляется дистантно, а идентификация адресатом определенного набора композиционных элементов внутри каждого конкретного письма (зачин, информативная часть, заключение, подпись, датировка) дает возможность дифференцировать деловую и частную переписку.

К настоящему моменту в широком доступе для читательской аудитории находится практически вся частная переписка С. Довлатова: это прежде всего письма к членам семьи; к коллегам и друзьям (А. Арьеву, В. Некрасову,

Н. Сагаловскому и другим); к знакомым женщинам (Ю. Губаревой, Э. Коробовой, Т. Уржумовой и другим). Переписка со всеми адресатами является регулярной и носит преимущественно дружеский интимный характер. Изучение частной переписки С. Довлатова представляет значительный научный интерес для лингвиста, так как позволяет увидеть истоки и осмыслить оригинальность художественного творчества писателя, во многом основанного на органичной стилизации жанра частного письма.

В первой части данного параграфа проанализируем письма С. Довлатова к отцу, театральному режиссеру и драматургу Д. Мечику. «Письма к отцу» С. Довлатова характеризуются весьма слабой изученностью в среде лингвистов, однако, с нашей точки зрения, авторитет Д. Мечика, его эрудиция, культурные предпочтения, советы и критические замечания относительно литературного творчества сына в значительной степени содействовали становлению языковой и творческой личности С. Довлатова. В настоящий момент опубликовано 90 частных писем С. Довлатова к отцу, примерно половина из них была написана в один из сложных периодов его жизни – в годы армейской службы в конвойных войсках в республике Коми. С содержательной точки зрения большинство писем представляет собой обмен бытовой информацией между коммуникантами, кроме того около 60 писем содержат поэтические тексты С. Довлатова и их активное литературно-критическое обсуждение. В каждом письме С. Довлатов выражает признательность и акцентирует внимание на важности и авторитетности мнения отца относительно своих литературных дарований:

– «Донат! Я получил от тебя *прекрасное, назидательное письмо*, вызвавшее общую зависть своей толщиной <...> *Тебе за все спасибо*» [207, с. 23];

– «*Спасибо!* <...> Рад, что ты сумел “*поделиться своими мыслями без тяжеловесных академических претензий*”. *Спасибо тебе за все*» [207, с. 26];

– «*Большое спасибо за все, особенно за подробные и доброжелательные отзывы. Это я о стихах. Это сейчас для меня довольно важно*» [207, с. 35].

Интересен тот факт, что в письмах, равно как и в повседневной действительности (подтверждают современники писателя) С. Довлатов

обращается к отцу исключительно «Донат», что, вероятнее всего, свидетельствует об их теплых, доверительных отношениях, а также о высокой степени уважения к литературному авторитету Д. Мечика. Композиционная структура частных писем С. Довлатова стабильна и относительно традиционна: умышленно упуская момент приветствия, адресант сразу переходит к обращению, изложению информативной части сообщения, заключению; в конце автор ставит дату и подпись, выражает надежду на быстрый ответ. Изучение частной переписки С. Довлатова с отцом представляет значительный исследовательский интерес с точки зрения эволюции авторской языковой и речевой специфики, а также дает возможность утверждать, что именно в переписке зарождается оригинальный стиль письма, доминантной текстопорождающей стратегией которого становится стратегия экспликации комического эффекта. Комическое – «философская категория, обозначающая культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное» [18, с. 24]. В текстах разных типов комический эффект чаще всего достигается при помощи юмора, иронии, сатиры, сарказма. Стратегия экспликации комического эффекта в письмах С. Довлатова чаще всего реализуется при помощи универсальной речевой тактики языковой игры с адресатом, главным образом на уровне иронии и даже самоиронии.

Как показало проведенное нами исследование, в авторском дискурсе С. Довлатова речевая тактика репрезентации языковой игры как с реальным адресатом (в частной переписке), так и с потенциальным адресатом в «Записных книжках» становится универсальным средством экспликации эффекта иронии, порождающим комический эффект. Анализ переписки с отцом, с точки зрения лингвистики дискурса, показал, что именно здесь начинается творческий этап овладения данной речевой тактикой, происходит ее апробация, начинается процесс совершенствования, продолженный в дальнейшем С. Довлатовым в текстах других дискурсивных типов.

Важно подчеркнуть, что, во-первых, в письмах С. Довлатова обнаруживается ограниченный репертуар речевых тактик: авторизации (использование личных местоимений первого лица); языковой игры. Названные

тактики в текстовом поле вербализуются на разных языковых уровнях (фонетическом, лексическом, морфологическом). Речевая тактика авторизации, главным образом, репрезентирует нарративную стратегию поддержания контакта между коммуникантами, от успешности реализации которой напрямую зависит «ход протекания речевого взаимодействия партнеров по коммуникации» [50, с. 60]. Речевые тактики языковой игры и введения в текстовое поле специальных лексико-стилистических средств (отрицательно-оценочной, разговорно-просторечной, жаргонной лексики) реализуют избранную автором стратегию экспликации комического и иронического эффекта. Кроме того, используемые прозаиком речевые тактики, как правило, выполняют еще и функцию оценки, оценочного отношения автора к описываемым лицам и событиям. Намеренное завышение/занижение стилового фона (путем смешения книжной, разговорной, разговорно-просторечной и жаргонной лексики) повествования усиливает комический эффект и общую экспрессивизацию: «я сторожу *полосатиков*» [207, с. 24]; «сонет-ублюдок» [207, с. 55]; «*Преподобному Донату*» [207, с. 14]; «мой *уважаемый* шпак» [207, с. 15]; «За тельняшку спасибо, я *зверски* обрадовался, так как мне не чужд *мелкий пижонтизм* <...> я *немедля* на морозе разделся догола и *напялил* ее» [207, с. 60–61]; «я *не писал тебе по той неприятной причине*, что *сидел на гауптвахте за избивание ротного писаря* <...> для *порядку* намотали мне *двое суток*» [207, с. 68]; «я *покупаю жратву*» [207, с. 85] и другие.

Кроме того, проведенные наблюдения показывают, что универсальная речевая тактика языковой игры с адресатом также часто вербализуется при помощи введения в нарратив эффекта обманутого ожидания и парадокса, что также усиливает комический эффект писем. Приведем примеры: «Она болела, теперь поправляется, но сидит еще дома. *Между прочим, ее отец тоже хорошо готовит*» [207, с. 48]; «У нас тех людей, которым приходят *толстые письма, уважают гораздо больше и считают их более солидными*» [207, с. 29]; «через два-три дня на тебя *посыплются штуки 3 стиха*» [207, с. 27]; «Мне кажется, ты здорово захворал. Но ты не грусти, у меня *тоже очень плохое настроение*»

[207, с. 53]; «Командир внезапно проявил несвойственную ему человечность» [207, с. 77].

Включение в прозаический текст писем к отцу ранних авторских поэтических контекстов С. Довлатова, на наш взгляд, может быть идентифицировано как специфическая речевая тактика, реализующая еще одну нарративную стратегию создания текста – экспликация позиции интерпретатора. Процесс интерпретации адресатом авторских коммуникативных интенций предусматривается адресантом еще на стадии задумки создания литературного факта и продолжается в процессе написания через «расставленные в тексте “вехи”, опорные пункты или средства прагматического фокусирования» [12, с. 39]. Данная стратегия реализуется при помощи включения автором в текстовое поле набора содержательно-тематических и лингвистических подсказок, или специальных дискурсивных маркеров/сигналов, позволяющих исследователю-интерпретатору точнее декодировать авторские коммуникативные интенции. Поэтические тексты С. Довлатова, на наш взгляд, могут быть идентифицированы как специфические маркеры-подсказки, помогающие адресату детальнее осмыслить языковую личность будущего писателя. Перечитывая опубликованную переписку С. Довлатова с отцом, исследователь-интерпретатор, как бы погружаясь в «творческую лабораторию» писателя, знакомится с его поэтическими сочинениями.

Сам С. Довлатов отмечает благотворное влияние процесса написания поэтических текстов на свое психоэмоциональное состояние: «Стихи очень спасают меня, Донат <...> Я не знаю, что бы я делал без них» [207, с. 14]; однако во время армейской службы адресант начинает осознавать будущее профессиональное призвание и отмечает, что стихи – это лишь «проба пера», наброски к более серьезному литературному творчеству: «Я продолжаю мечтать о том, чтоб написать хорошую повесть, куда, впрочем, могут войти кое-какие стихи» [207, с. 39]; «...я сочиняю длинную вещь, наполовину в прозе. Показывать стихи, пожалуй, никому не нужно, так как это все заготовки для длинной вещи»

[207, с. 34]; «Написал я четыре рассказа. До этого несколько раз начинал повесть, да все рвал. Еще рано» [207, с. 54].

Уже в ранней переписке с отцом С. Довлатов осознает, что его жизнь, так или иначе, будет связана с писательством («Я не согласен, что инженер может быть всякий, а писатель – непременно Лев Толстой. Можно написать не слишком много и не слишком гениально, но о важных вещах и с толком» [207, с. 59]. Кроме того, дискурс-анализ частной переписки С. Довлатова показал, что именно в письмах к отцу будущий прозаик обнаруживает свой талант обо всех вещах говорить легко, с юмором, что впоследствии станет главной коммуникативной интенцией его творчества. Этот факт отмечает и сам писатель: «Ты обратил внимание, что о разных страшных вещах я могу говорить спокойно и весело» [207, с. 39].

Становление авторского дискурса С. Довлатова, начавшись в его опубликованной частной переписке, происходило постепенно, за счет кропотливого поиска и последовательной апробации универсальных и специальных речевых тактик, артикулирующих авторские коммуникативные интенции. Письма к отцу могут быть интерпретированы как своего рода точка отсчета, экспериментальная творческая площадка, на которой базируется дальнейшая оригинальность всего авторского дискурса писателя; и, если в первых посланиях в основном обнаруживаются стихотворные пробы и объяснение адресату лексических значений тех или иных жаргонных слов («жмурами здесь называют покойников, от глагола зажмуриться» [207, с. 24], «в миру – т.е. на свободе» [207, с. 29], «”план” – это такой наркотик, иначе говоря ”дурь”. ”Лежневка” – это такая дорога» [207, с. 45]), то в более поздних письмах (примерно через полгода) из-под пера С. Довлатова выходит все больше контекстов, свидетельствующих о возрастающем лингвокреативном мастерстве («со скрытой радостью установил, что мою сестру не слишком тянет в школу <...> лицемерно выступил в защиту среднего образования, так что влияние не было тлетворным» [207, с. 110], «поиграл в городки с каким-то отдыхающим писателем, очевидно, не слишком крупным, во всяком случае в хрестоматии его

портрета я не встречал» [207, с. 110], «фортуна наконец повернулась ко мне харей. 11 ноября я ложусь в Академию, и потом, очевидно, буду отпущен на волю» [207, с. 111], «он лысый настолько, что может причесываться, не снимая фуражки» [207, с. 115]). С. Довлатов с каждым новым письмом демонстрирует незаурядные лингвокреативные способности писать с юмором, иронией, самоиронией обо всех окружающих людях и вещах, вероятно, предчувствуя, что эта особенность и станет одной из доминантных черт, репрезентирующих его авторский дискурс, он пишет: «Я заметил, что у меня установились с окружающим миром странные полушутливые отношения. Я уже давно ни с кем не говорил ни о чем серьезно» [207, с. 110].

Еще одним жанром эпистолярия С. Довлатова, представляющим профессиональный интерес для исследователя с точки зрения дискурсной принадлежности, являются «Записные книжки». В научной литературоведческой среде они осмысливаются то как «заготовки» для будущих произведений, то вовсе как художественный вымысел. Например, В. Попов, автор книги из серии «Жизнь замечательных людей: С. Довлатов», считает, что писатель тщательно собирал «сюжетцы» каких-то бытовых историй, приключавшихся с ним или с кем-то из знакомых, которые остроумно заканчивались и «это были уже зачатки его рассказов» [140, с. 3]. Литературный критик А. Арьев, отмечал, «какую бы “прямую речь” героев в довлатовских текстах ни обнаруживали, их ни в коем случае нельзя расценивать как хроникально-документальное свидетельство. Правдивость вымысла для писателя существеннее верности факту» [211, с. 6]. И. Сухих утверждает, что «Довлатов-литератор начинается с анекдота» [167, с. 39], а его «Записные книжки» называет «экспериментальным полигоном анекдотического мышления, анекдотического видения» [167, с. 37], но только отнюдь не «традиционной писательской записной книжкой», так как подавляющему большинству заметок «не предшествовало никакого реального прообраза, фразы или ситуации» [167, с. 56].

Главным условием того, что тексты записных книжек или дневниковых записей известных творческих личностей станут народным достоянием, является

необходимость быть изданными. С.Н. Ефимова относит записные книжки писателей к корпусу текстов эпистолярного дискурса, так как они выполняют коммуникативную, когнитивную, эпистемическую (накопительную) функции. Исследователь считает, что опубликованный вариант записных книжек или дневников – это «текст, принадлежащий к сфере автокоммуникации (диалога с самим собой)» [75, с. 32]. Автокоммуникация записной книжки проявляется «в отсутствии пояснений, в частом сохранении “фигуры” при утрате “фона”» [75, с. 82]. Кроме того, по справедливому замечанию С.Н. Ефимовой, «заметки из записных книжек писателя могут целиком или частично войти в состав его художественных произведений, публицистики, писем, дневников и других текстов» [75, с. 73].

Несмотря на полемику исследователей по поводу жанровой принадлежности записных книжек писателей, считаем возможным отнести «Записные книжки» С. Довлатова к корпусу текстов эпистолярного дискурса, так как нередко писатель включает в свои художественные произведения целые эпизоды из «Записных книжек», то есть использует их как заготовки для литературного творчества. «Записные книжки» С. Довлатова, состоящие из двух частей («Соло на ундервуде» и «Соло на IBM»), относительно подробно проанализированы в литературоведческой среде, однако характеризуются недостаточной изученностью с позиции лингвистики дискурса. А.В. Подчиненов называет «Записные книжки» С. Довлатова «книгой небывалого жанра» и даже «жизнью, превращенной в “соло на ундервуде”» [135, с. 9]. Зачастую участниками одной коммуникативной ситуации в «Записных книжках» становятся академик и художник (музыкант, писатель), начинающий поэт и общепризнанный гений, генерал и никому не известный сосед-еврей (студент, аспирант). С. Довлатов всегда очень метко воспроизводит и передает их живую разговорную речь.

Общепризнан факт, что С. Довлатов был виртуозным мастером стилизации разговорной речи. Для довлатовского нарратива в целом характерно подражание устному рассказу, дружеской байке; неотъемлемой частью рассказанных/пересказанных историй являются авторские комментарии или

короткие ремарки, отражающие его ироничное отношение к описываемым лицам и событиям. Читатель «Записных книжек» с легкостью мысленно перемещается в закоулки Санкт-Петербурга, где бродили все довлатовские «алкаши», «запущенные алкоголики» и «забулдыги» [210, с. 192], на конференции, куда приходили с опозданием его товарищи «с жуткого похмелья» [210, с. 196]. «Записные книжки» – несомненно, яркий образец стилизации разговорной речи. Подавляющее большинство текстовых частей не только вербально, но и содержательно принадлежит к обиходно-бытовой тематике, главными действующими лицами здесь зачастую становится сам автор и/или его разноплановые знакомые.

Проанализируем «Записные книжки» С. Довлатова с целью определения нарративных стратегий и реализующих их в текстовом поле речевых тактик. Обе части «Записных книжек» представляют собой сборники коротких, состоящих из нескольких строчек, анекдотов и комичных историй, в которых, главным образом, воплощается соответствующая авторской коммуникативной интенции нарративная текстопорождающая стратегия экспликации комического эффекта, для реализации которой автором были выбраны речевые тактики использования в текстовом поле прецедентных имен и включения в текст единиц отрицательно-оценочной лексики.

Важно отметить, что «Записные книжки» С. Довлатова достаточно детально и разносторонне изучены литературоведами (А.В. Подчиненов, Т.А. Снигирева, Я.Р. Симкин, Г.А. Доброзракова, А.Г. Цейтлин), но остаются практически не исследованными лингвистами с точки зрения дискурс-анализа. Задача данного раздела – определить и описать основные коммуникативные стратегии текстопорождения (экспликация комического эффекта и ориентация на позицию интерпретатора) и реализующие их речевые тактики (языковая игра с потенциальным адресатом, введение в текстовое поле прецедентных имен и единиц отрицательно-оценочной лексики) в «Записных книжках» С. Довлатова.

По нашему мнению, речевая тактика использования прецедентных имен в текстовом поле может быть интерпретирована как особый дискурсивный ход –

«инструмент реализации той или иной тактики» [81, с. 114], – с одной стороны, усиливающий экспрессивизацию повествования, с другой, – эксплицирующий специфику социокультурной среды Ленинграда 70–80-х гг. и Нью-Йорка 80–90-х гг. XX века, в которой вращался С. Довлатов.

Сочетание понятий «культура» и «социум» неразрывно, культура присутствует во всех сферах человеческой жизни. П. Сорокин, занимавшийся изучением социокультурного феномена, рассматривал его как «базовую категорию социального мира, которая подразумевает неразрывность личности, культуры и общества», немецкий философ Ф. Тенбрук считал, что «социокультурный феномен – это “бесшовное соединение” трех составляющих: индивида, социума и системы моральных и материальных ценностей, то есть культуры» [206, с. 99].

Как известно, окружение С. Довлатова всегда было социально разнообразным, «пестрым»: от изгоя общества до академика, однако, по словам самого писателя, за ним «как за каждым из нас, кто более или менее серьезно относится к своим занятиям, стоит русская культура» [210, с. 4]. Имена людей, входивших в круг интеллектуального и культурного общения С. Довлатова, являются прецедентными (узнаваемыми), так как дают возможность понять и описать специфику современной автору социокультурной среды и ее влияние на формирование интересов ленинградской интеллигенции 70–80-х гг. и представителей литературной эмиграции в Америке 80–90-х гг. XX века.

Феномен прецедентности, впервые введенный в научный оборот Ю.Н. Карауловым, изначально осмысливался как комплекс текстов, «значимых для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, имеющих сверхличностный характер, т.е. известных и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников и, наконец, таких, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [87, с. 217]. Впоследствии содержательное ядро понятия прецедентности расширилось, например, А.Д. Васильев предложил в состав

прецедентных феноменов включать не только прецедентные тексты, но и прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные ситуации.

Прецедентное имя, по А.Д. Васильеву, – это «индивидуальное имя, связанное: 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных; 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная; 3) имя-символ, указывающее на некую эталонную совокупность определенных качеств» [41, с. 28]. Актуальным для предпринятого исследования является определение прецедентных имен Е.А. Нахимовой, дифференцирующей их как «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека, сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [124, с. 10]. Она же определила роль прецедентных имен как «репрезентов прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов» [124, с. 10].

При анализе «Записных книжек» С. Довлатова методом сплошной выборки была составлена картотека прецедентных имен, насчитывающая 361 единицу, а также проанализирована специфика их использования в соответствии с классификацией, предложенной А.Д. Васильевым. Однако, как показал анализ собранной картотеки, классификацию А.Д. Васильева необходимо дополнить еще одной группой, которую можно условно обозначить как «имена реальных людей, современников С. Довлатова», входящих в круг общения писателя. Первая группа, выделенная А.Д. Васильевым, – это имена, связанные с широко известными литературными текстами. У С. Довлатова это, к примеру, имя главной героини романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» («Самое большое несчастье моей жизни – гибель Анны Карениной» [210, с. 229]). В теории межкультурной коммуникации, выдвинутой В.Г. Костормаровым и Н.Д. Бурвиковой, одним из центральных является понятие «логоэпистемы» – «единицы коммуникативного пространства, характеризующейся как след языка в

культуре или культуры в языке». К логоэпистемам ученые относят «разноуровневые лингвистически ценные единицы», «говорящие имена и названия» [40, с. 1]. Так, имя «Анна Каренина» может быть включено в данную категорию. Кроме того, к логоэпистемам в «Записных книжках» С. Довлатова мы относим следующие прецедентные имена: «Ловелас», «Митя Карамазов», «Наполеон», «Олег Кошевой» которые, отражают лингвистический, литературный и культурный опыт автора, а также реализуют коммуникативную текстопорождающую стратегию экспликации комического эффекта. Нередко речевая тактика включения в текстовое поле прецедентных имен усиливается одновременным использованием в контексте речевой тактики языковой игры с адресатом на уровне:

– парадокса («Простите мне *грубое русское выражение*, но он – типичный *ловелас*» [Довлатов, 2005, т. 4: 197]);

– антитезы и оксюморона («Мог бы *Наполеон* стать учителем *фехтования*?» [210, с. 208]; «*Самые яркие персонажи* в литературе – *неудавшиеся отрицательные герои* (Митя Карамазов). *Самые тусклые* – *неудавшиеся положительные* (Олег Кошевой)» [210, с. 243]).

В соответствии с классификацией, предложенной А.Д. Васильевым, вторая группа прецедентных феноменов состоит из определенных общеизвестных (например, исторических) ситуаций. Считаем необходимым несколько расширить границы данной группы и включить сюда «имена-вехи» в истории России: Ленин, Крупская, Сталин, Брежнев. Названные прецедентные имена зачастую употребляются С. Довлатовым в «Записных книжках» в иронических контекстах, построенных на стилистической фигуре антитезы, выраженной с помощью антонимии и повторов:

– «*Сталин*, как теоретик марксизма, *бессмертен*. Но как *живой человек и материалист* – он *смертен*. *Физически он может умереть, духовно – никогда*» [210, с. 175]; «Указ: “За успехи в деле многократного награждения товарища Брежнева *орденом Ленина* наградить *орден Ленина* – *орденом Ленина!*”» [210, с. 229];

– парадокса: «Перед балериной (в роли Н.К. Крупской. – *Е.Б.*) стоит нелегкая хореографическая задача. А именно, средствами пластики выразить – базедову болезнь» [210, с. 294].

Следующую группу прецедентных имен составляют имена-символы, отражающие совокупность «эталонных» (как положительных, так и отрицательных) личностных качеств. Так, в «Записных книжках» С. Довлатов использует говорящие отрицательно-оценочные имена. К примеру, обращение к реальным лицам, стоящим за псевдонимами «Сцилла Ефимовна» и «Харибда Абрамовна» («две грубиянки – Сцилла Ефимовна и Харибда Абрамовна» [210, с. 209]), обозначает у С. Довлатова специфику общения с невоспитанными хамоватыми людьми. Напомним о крайне затруднительном преодолении морского пути между двумя, находящимися в тесной близости, персонажами древнегреческой мифологии: Сциллой – шестиглавым чудовищем, пожирающим моряков и Харибдой – гигантским водоворотом, поглощающим корабли. В контексте, воспроизводящем диалог заболевшего «родственника» С. Довлатова по фамилии Аптекман с врачом скорой помощи, также звучит ироничный тон повествования: «Долго ли я пролежу в больнице? – При благоприятном стечении обстоятельств – месяц. – А при неблагоприятном, как я догадываюсь, значительно меньше?» [210, с. 228].

Нами выделена четвертая группа прецедентных имен, использованных С. Довлатовым в «Записных книжках», которая насчитывает наибольшее количество примеров. Сюда относятся прецедентные имена из реального круга общения С. Довлатова. В первую очередь, это имена советских и эмигрантских поэтов и писателей, литературных критиков, редакторов журналов, издателей (всего около 180 единиц), репрезентирующие круг интеллектуальных интересов писателя. Интересен тот факт, что С. Довлатов использует различные способы введения прецедентных имен в контекст в зависимости от степени известности и личного отношения/уровня знакомства с тем или иным лицом: с комментариями или без комментариев автора. Например, «Иосиф» (имея в виду И. Бродского), «Рейн» (имея в виду Е. Рейна). К этой же группе отнесем обнаруженные в

текстовом поле имена широко известных представителей различных областей культуры: Марк Шагал [210, с. 219], Шостакович [210, с. 194], Ростропович [210, с. 212], Галина Вишневская [210, с. 212], Хачатурян [210, с. 268] и др. Малоизвестные широкой публике имена С. Довлатов сопровождается соответствующей уточняющей номинацией (поэт, поэтесса, художник, музыкант): поэт Семен Ботвинник [210, с. 171], поэт Шестинский [210, с. 173–174], поэтесса Грудинина [210, с. 175], художник Копеллян [210, с. 190], музыковед Аркадий Штейн [210, с. 273], художник Збарский [210, с. 259].

Личное отношение С. Довлатова (от уважительного до панибратского и ироничного) к упоминаемым лицам эксплицируется при помощи специальных дискурсивных ходов, например, использования зачина, характерного для устной разговорной речи, часто комизм усиливает эффект обманутого ожидания: «Сидели мы как-то втроем – Рейн, Бродский и я» [210, с. 169], «Пришел я однажды к Бродскому» [210, с. 170] «Был день рождения Веры Пановой. Гостей не приглашали. Собрались близкие родственники. И я в том числе» [210, с. 180] и т. п.

Другая группа – имена людей, значимых для автора родственников и близких знакомых, но не известных широкому кругу адресатов. Сюда относятся часто упоминаемые члены семьи, бывшие армейские сослуживцы С. Довлатова, друзья-евреи, соседи: мать [210, с. 159], двоюродный брат Боря [210, с. 161], жена Лена [210, с. 195], сосед Альперович [210, с. 245], ефрейтор Гаенко [210, с. 165], подполковник Яковенко [210, с. 165], рядовой Бабичев [210, с. 165].

Прецедентные имена в «Записных книжках» С. Довлатова вводятся в текстовое поле не только с целью обозначить и очертить круг общения писателя, но также выполняют и дискурсивную функцию, направленную на реализацию нарративной стратегии экспликации комического эффекта. Функционирование выбранной автором текстопорождающей стратегии в тексте усиливается одновременным использованием двух универсальных речевых тактик: включение в текстовое поле прецедентных имен и языковой игры адресанта с потенциальным читателем. Приведем конкретные примеры. Анализ картотеки показал, часто

речевая тактика языковой игры реализуется на уровне создания эффекта обманутого ожидания: «Критик Самуил Лурье и я попали в энциклопедию. *Лурье на букву Ш – библиография, если не ошибаюсь к Шефнеру. А я, еще того позорнее, на букву Р – библиография к Розену*» [210, с. 172]; «Иду вечером домой. Смотрю – в грязи играют дети. *Присмотрелся – мои*» [210, с. 180]; «Поэт Охупкин <...> выгнал невесту. Мотивы: – Она, понимаешь, *медленно ходит, а главное – ежедневно жрет!*» [210, с. 180]; «Молодого Евтушенко представили Ахматовой. В нагрудном кармане поблескивала авторучка. Ахматова спросила: – *А где ваша зубная щетка?*» [210, с. 216–217]; «Лимонов *перерезал себе вены электрической бритвой*» [210, с. 301].

Е.П. Карташова считает, что основным способом, реализующим речевую тактику языковой игры с потенциальным адресатом на лексико-семантическом уровне, является «способ каламбурной игры, построенной на переосмыслении значений многозначного слова, омонимов, в рамках узкого контекста» [91, с. 285]. Так, в «Записных книжках» С. Довлатова встречаются следующие примеры каламбурной игры на лексико-семантическом уровне: (о дочери Довлатова. – *Е.Б.*) «Глаза *Ленины* <...> Глаза *Ленина*, нос – Сталина» [210, с. 188]; «*Какой у тебя рост? – Никакого*» [210, с. 207]; «Начали сажать эвкалиптовые деревья. К сожалению, они не прижились <...> в результате начали сажать агрономов» [210, с. 302].

Встречаются также примеры реализации речевой тактики языковой игры на уровне:

– оксюморона («Зайду в мавзолей. И увижу наконец *живого* Ленина!» [210, с. 197];

– повтора: мемуары под названием «Я *видел* тех, кто *видел* Ленина!» [210, с. 211]);

– «паронимической аттракции, нарочитого сближения слов, в чем-то сходных в своем звуковом составе» [91, с. 259], построенной на созвучии («Архитектор *Расстреллян*» [210, с. 199], «*Гласность вопиющего в пустыне*» [210, с. 281]; (ситуация в бане, герой С. Довлатова хвалит прозу Дж. Апдайка)

«Вольф долго слушал. Затем встал. Протянул мне таз с водой. Повернулся задницей и говорит: – *Обдай-ка!*» [210, с. 185]).

Иногда речевая тактика языковой игры реализуется на словообразовательном уровне (употребление окказионализмов, образованных путем аффиксации): «У меня есть роман “Компромисс”. Хочу написать продолжение. Бахчанян подсказал (заглавие. – *Е.Б.*): “*Компромиссис*”» [210, с. 281–282].

Таким образом, анализ прецедентных имен в «Записных книжках» С. Довлатова позволяет прийти к выводу, что их состав обладает значительным социокультурным потенциалом, так как: 1) транслирует ценностные приоритеты писателя; 2) отражает уровень интеллектуальных потребностей и предпочтений в области литературы, культуры, искусства; 3) демонстрирует широкий круг людей повседневного эмоционального общения автора.

Еще одной лингвокреативной речевой тактикой построения текста, реализующей стратегию экспликации комического эффекта в «Записных книжках» С. Довлатова является умышленное включение автором в текстовое поле единиц отрицательно-оценочной и просторечной лексики. Картотека примеров насчитывает более 50 контекстов с различными типами экспрессии (грубое, вульгарное, фамильярное, пренебрежительное), включенных автором в «Записные книжки» с целью усиления диалогизации повествования и обеспечивающих разговорно-бытовое взаимодействие коммуникативных антропоцентров (адресанта и адресата).

По мнению В.В. Химика, автора словаря русской экспрессивной речи, «русский язык располагает широким набором средств для репрезентации самых разных экспрессивных состояний и характеристик. Это стилистические, мотивационные, оценочные, эмотивные, образные и многие другие языковые и речевые средства, добавочные компоненты экспрессивности в составе значения слова и фразы – экспресемы, либо собственно выразительные слова и идиомы, так называемые экспрессивы» [223, с. 9]. Исследователем выделены три основные группы эмоционально-оценочных лексических единиц: 1) слова, содержащие

элемент оценки в лексическом значении; 2) слова с оценкой, заключенной в переносном значении; 3) слова с субъективной оценкой, содержащейся в словообразовательных аффиксах [223 с. 487].

Сбор и систематизация картотеки примеров, репрезентирующих речевую тактику введения С. Довлатовым в текст «Записных книжек» отрицательно-оценочной лексики, дали возможность прийти к выводу, что данная речевая тактика чаще всего реализуется на уровне: 1) разговорной; 2) грубо-просторечной; 3) жаргонной; 4) обценной лексики. Приведем конкретные примеры.

Так, в группах разговорной и просторечной лексики наиболее частотным оказалось употребление словосочетаний, содержащих в контексте вариации экспрессы «алкоголик» («алкаш», «пьяница», «забулдыга»): «*Алкаш* (прост., неодобр.) оглядел его презрительно <...> не такова селяви, а таково селяви. Это же средний род, *мудила* (вульг., бран.)!» [210, с. 210]; «Повстречали мы как-то с Грубиным *жуткого* (разг., неодобр.) *забулдыгу* (разг., фам.)» [210, с. 192]; «Проходит мимо *алкаш* (прост., неодобр.), *запущенный* (неодобр.) такой» [210, с. 210].

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова анализируемые словарные единицы снабжены двуплановыми функционально-стилистическими пометами с отрицательно-оценочными коннотациями: разговорное, просторечное, неодобрительное, фамильярное, вульгарное.

Следующая группа примеров иллюстрирует использование автором:

– грубо-просторечных слов и выражений («Впервые вижу *мента* (прост., груб.) за решеткой» [210, с. 169]; «Лев Никулин, сталинский *холуй* (презрит., простореч.)» [210, с. 201]; «абсолютно *бестолковая* (разг.) *старуха* (разг.) с брезгливым испугом на лице» [210, с. 230]);

– смешение лексики разных стилей и фигурой парадокса («ой, у вас тут *сборище* (пренебр.), а я без приглашения» [210, с. 183]; «*нахлобучил* (разг., фам.) *изящное соломенное канapé*» [210, с. 286]; «какой *развязный* (неодобр.) *старик* (разг., фам.)» [210, с. 241];

– разговорно-фамильярной лексики «а эти дураки (разг., фам.) за три часа напишут» [210, с. 202]; «*кошмарный* (разг., фам.) Солженицын» [210, с. 216].

Обнаружено несколько примеров использования жаргонизмов: «*Зек* (жарг.) машет лопатой иначе, чем ученый, раскапывающий Трою» [210, с. 238], «в ресторане на Брайтоне *обдывались* (прост.) *темные дела* (жарг.)» [210, с. 240], «Снова мне *отдуваться* (разг.). Снова *говно* (груб.) *хлебать* (жарг.)» [210, с. 299], «Ты *кончишь* (арго), она лопнет» [210, с. 219]; «*Але, мужик* (разг.). Есть *дело* (жарг.). Я *дыхну* (прост.), а ты мне скажешь, пахнет или нет» [210, с. 196].

Картотека насчитывает также около 10 контекстов, содержащих обценную лексику, усиливающую общую экспрессивизацию нарратива и эксплицирующую комический эффект, в некоторых контекстах характеризующую личность персонажа. Т.В. Ахметова, автор «Толкового словаря русского мата», предлагает условное разделение всего пласта обценной лексики на: 1) молодежный сленг; 2) уголовный жаргон; 3) лексика сексуальных меньшинств. При этом исследователь уточняет, что границы между выделенными группами колеблются и едва ли найдутся слова, существующие только в одной среде [215, с. 10].

У С. Довлатова в основном встречаем примеры обценной лексики из уголовного жаргона: «Товарищ майор! Выплюнь сначала *хрен* (арго) изо рта» [210, с. 166], «Значит, ты *п.....ст* (обсц.)?!» [210, с. 207]; «Я тебе, *сволочь* (бран., презр.), *морду* (вульг.) *набью!*» [210, с. 180]; «Рейн, *б...ь* (обсц.), метал *на хер* (арго)» [210, с. 210] и другие.

Таким образом, выбор речевой тактики включения в текстовое поле отрицательно-оценочной лексики в «Записных книжках» объясняется авторской интенцией особого языкового оформления контекстов и выполняет функции: 1) стилизации разговорной речи (интонация и экспрессия живой разговорной речи); 2) речевой характеристики адресата; 3) выражения авторского отношения к адресату.

Проведенный в соответствии с разработанным алгоритмом дискурс-анализ эпистолярных текстов С. Довлатова, представленных опубликованной частной

перепиской и «Записными книжками», дает возможность прийти к следующим выводам:

1) главной коммуникативной интенцией в частной переписке становится обмен бытовой информацией, а также поиск, апробация и последовательное оттачивание индивидуально-авторского стиля письма, где преобладают автобиографическая направленность и ироническая экспрессивная окраска повествования; кроме того, по нашему мнению, именно в письмах С. Довлатова берет исток, ставшая впоследствии доминантной в творчестве писателя, текстопорождающая стратегия экспликации комического эффекта. Данная стратегия в текстовом поле реализуется при помощи универсальной речевой тактики языковой игры с потенциальным адресатом. Основной коммуникативной целью «Записных книжек», на наш взгляд, является развлечение адресата, а также погружение в социокультурную среду Ленинграда 60-хх гг. и в среду литературных эмигрантов в Нью-Йорке в 90-е гг. XX в;

2) адресат писем С. Довлатова – конкретное лицо, находящееся с автором в одном временном пространстве, основной коммуникативной целью в частной переписке становится обмен бытовой, повседневной информацией, кроме того, в переписке с отцом немаловажная роль отводится обсуждению литературных дарований будущего прозаика. Адресат «Записных книжек» С. Довлатова – потенциальный читатель-интерпретатор, способный декодировать авторские коммуникативные интенции (развлечения и погружения в социокультурную среду Ленинграда и Нью-Йорка) путем распознавания и дешифровки специальных маркеров-подсказок, включенным адресантом в текстовое поле;

3) доминантными нарративными стратегиями создания эпистолярных текстов у С. Довлатова становятся стратегия поддержания контакта между коммуникантами, стратегия экспликации комического эффекта и стратегия экспликации позиции интерпретатора;

4) стратегию поддержания контакта в текстовом поле реализует речевая тактика авторизации (187 единиц); стратегия экспликации комического эффекта реализуется при помощи тактик языковой игры (455 единиц), а также введения в

текст прецедентных имен: поэтов и писателей (136 единиц), политических деятелей (25 единиц), художников и музыкантов (25 единиц), членов семьи (47 единиц); введение в текстовое поле интертекстом (13 единиц) и оценочной (грубой, жаргонной) лексики (171 единица) усиливает комическую экспрессию; нарративная стратегия ориентации на позицию интерпретатора реализуется при помощи тактики введения в текстовое поле специальных маркеров-подсказок: включение в текстовое поле поэтических текстов (62 единицы), узнаваемых адресатом прецедентных имен (политических деятелей, деятелей культуры), усиление диалогизации нарратива за счет использования разговорно-просторечной, обсценной и жаргонной лексики, отражающей отношение автора к описываемым событиям и повышающих уровень экспрессии.

2.2. Речевые стратегии и тактики в публицистическом и литературно-критическом дискурсах С. Довлатова

С содержательно-прагматической точки зрения, публицистический, идеолого-политический и литературно-критический дискурсы во многом содержательно и тематически соотносятся, зачастую публицистический и литературно-критический дискурсы взаимодействуют, выступая в неразрывной связи и репрезентируя единое текстовое целое. Данные типы дискурсов, главным образом, реализуют функцию воздействия на сознание адресата. Кроме того, в зависимости от коммуникативной цели могут реализовывать агитационную, информативную, развлекательную, оценочно-аргументационную или назидательную функции. Коммуникативной целью каждой конкретной ситуации общения диктуется отбор нарративных текстопорождающих стратегий и реализующих их речевых тактик.

Главной коммуникативной интенцией авторов идеолого-политических и публицистических текстов, по мнению С.С. Мартемьяновой, прежде всего является «целенаправленное оказание идейно-психологического воздействия, а также побуждение реципиента к определенным действиям и мотивам, когда в

процессе отбора и интерпретации информации в сообщении выявляется воздействующий характер, направленный на убеждение читающей аудитории» [Митрофанова, 2021: 130-131]. Следовательно, для создания текстов, репрезентирующих публицистический и идеолого-политический дискурсы, чаще всего применяются коммуникативные стратегии аргументации, идеологической интерпретации излагаемого события, дебатов, которые реализуются при помощи речевых тактик введения в текстовое поле идеологом, оценочной лексики, цитирования и автоцитирования.

Первостепенной целью текста, репрезентирующего публицистический дискурс, является привлечение внимания и интереса адресата, поэтому базовым свойством его является высокий уровень диалогичности.

В данной работе публицистический дискурс понимается как «совокупность публицистических текстов, погруженных в коммуникативную ситуацию», где основными «дискурсивными (надтекстовыми) характеристиками являются: «идеологема, оценочность, идеологическая интерпретация события» [Клушина, 2008: 290]. При этом идеологема выступает в качестве языковой репрезентации идеологического контекста и может вербализоваться в виде лексической или лексико-фразеологической единицы, содержащей идеологический компонент. Таким образом, с одной стороны, можно констатировать взаимообусловленность публицистического и идеолого-политического дискурсов, с другой, – необходимо подчеркнуть, что корпус текстов публицистического дискурса не ограничивается текстами исключительно идеолого-политической направленности, но также включает тексты других типов (культурно-развлекательные, познавательные).

Характерной чертой текстов, репрезентирующих публицистический дискурс, является их максимальная экспрессивная окрашенность, целесообразность которой диктуется сферой функционирования и необходимостью влиять на сознание адресата, или даже корректировать его картину мира. Экспрессивность публицистического нарратива в текстовом поле реализуется путем включения в него большого количества цитат, что способствует усилению диалогической направленности повествования, а также

активизирует «момент игры и служит порождению подтекста. Эффективным приемом, значительно повышающим выразительность этих средств, является их авторская трансформация, обновление» [78, с. 11].

Материалом для анализа публицистического дискурса С. Довлатова послужил сборник «Марш одиноких» и журналистские материалы прозаика из книги «Речь без повода».

Журналистская деятельность материально поддерживала С. Довлатова на протяжении всего его творческого пути. Биографы-современники подтверждают, что профессия журналиста служила прозаику источником «случайного заработка и приблизительного статуса», при этом С. Довлатова называли «королем многотиражек» за редкий талант «любую халтуру украсить ловкой художественной деталью» [167, с. 6]. Частая смена мест работы и «географические» перемещения С. Довлатова-журналиста обусловлены единственным стремлением «стать писателем – не для круга друзей, а для всех, настоящим, с книжками» [167, с. 3]. Пласт жизни и творческого пути С. Довлатова, связанного с журналистикой, оказывается настолько объемным, что не может быть оставлен без исследовательского внимания.

Все журналистское творчество С. Довлатова было классифицировано, систематизировано, датировано и опубликовано в книге «Речь без повода», подготовленной коллегами и членами семьи писателя к его 65-летнему юбилею. Интересен тот факт, что из всех публицистических текстов С. Довлатов выбрал 64 колонки редактора, вероятно, считая их наиболее важными для понимания своего журналистского творчества, и опубликовал их отдельным сборником «Марш одиноких». Так, 64 из 107 написанных С. Довлатовым колонок редактора газеты «Новый американец» были взяты составителями «Речи без повода» из сборника «Марш одиноких».

«Колонка редактора» в данной работе осмысливается как коммуникативная единица публицистического дискурса, также характеризующаяся значительной степенью экспрессии. И.С. Тимченко считает, что «колумнистика» – это жанр, зародившийся в американской журналистике, расцвет которого пришелся на

середину XX века; а также констатирует дискуссионность вопроса о жанровой принадлежности «колонки редактора»: в зависимости от содержательной части она может представлять собой «эссе», «передовицу», «комментарий», «зарисовку», «литературный монолог», «пост» [172, с. 12]. Колонка редактора является тем звеном, «где автору позволительно высказать частное мнение, опубликовать результаты осмысления своего личного опыта, при этом направив взгляд вглубь себя», поэтому, в зависимости от авторских коммуникативных интенций, в текстах колонок может наблюдаться «насыщенность стилистическими приемами» в большей или меньшей степени [172, с. 13].

Как правило, колонка редактора размещается «на золотых полосах – в начале газеты, чаще всего на 3 полосе» [172, с. 17].

Обратимся к колонкам главного редактора С. Довлатова, отобранным им самим для сборника «Марш одиноких». Главной коммуникативной интенцией публикации данного сборника, на наш взгляд, является желание автора познакомить адресата с еще одной, не знакомой ранее широкому кругу читателей творческой ипостасью С. Довлатова – журналиста. Если адресатом газетных материалов «Нового американца» являются представители русскоговорящей эмиграции 80-х гг. в США, то «Марш одиноких» ориентирован на широкую читательскую аудиторию, для которой творческая личность С. Довлатова представляет значительный интерес. Содержательной базой сборника «Марш одиноких» послужила подборка избранных колонок главного редактора газеты «Новый американец», что, по нашему мнению, позволяет исследовать его как коммуникативную единицу публицистического дискурса. Первая и последняя текстовые части, дописанные автором позже и отделенные от остальных графически (курсивом), подчиняются идее объединения публицистических текстов в единое художественное целое и реализуют авторскую интенцию создания отдельного произведения, отражающего, по словам самого С. Довлатова, если не «историю третьей эмиграции», то историю его «взыскующей души» [212, с. 454]. Кроме того, считаем важным подчеркнуть, что

актуальность исследования сборника С. Довлатова «Марш одиноких» диктуется тем, что до сих пор не предпринималось попыток его изучения с позиций лингвистики дискурса, сборник ни разу не подвергался дискурсивному анализу.

Каждая колонка редактора С. Довлатова представляет собой статью (публицистическое высказывание автора) на произвольную тему и двух (первой и последней) «колонок», отделенных от других курсивом, выполняющих функцию общего орнаментального обрамления. В первой колонке, служащей «предисловием» к последующему повествованию, автор обозначает своего адресата («сборник для тех, кто знал и любил “Новый американец” в период его расцвета. Кто скорбит о былом его великолепии. В ком живет ощущение потери» [212, с. 447]), аргументирует решение издать публицистические тексты отдельной книгой («Эти заметки напоминают речь у собственного гроба <...> Великоискушение произнести обличительную речь у собственной могилы. Вот почему я решил издать этот маленький сборник» [212, с. 447]), подтверждает, что собранные здесь публицистические тексты печатаются без правок и купюр («Переписывать их я не решился. Ведь наши глупости, ошибки, срывы – это тоже история. Так что печатаю все как есть. О некоторых высказываниях я сожалею. Иные готов вытатуировать у себя на груди» [212, с. 454]). В последней колонке-послесловии автор рефлексировал над «неудачным» опытом создания «демократичной газеты» [212, с. 569]. Такое оригинальное авторское решение сигнализирует о неоднородности дискурсивной структуры текста и обеспечивает функционирование внутри текстового целого одной из доминантных текстопорождающих стратегий, репрезентирующих авторский дискурс С. Довлатова, – интердискурсивность повествования. Кроме того, использование писателем паралингвистических средств (курсива) фокусирует внимание интерпретатора на особой значимости отдельных текстовых частей. Выделение, анализ и систематизация языковых маркеров дискурсов разных типов в сборнике «Марш одиноких», реализующих общую нарративную стратегию интердискурсивности повествования, позволяет определить взаимосвязь лингвистических и экстралингвистических параметров институциональности и

лингвокреативной авторской оригинальности построения публицистического текста.

Обратимся к колонкам главного редактора С. Довлатова, включенным в соответствии с эстетическими предпочтениями автора в сборник «Марш одиноких», с целью выявления и систематизации главных нарративных стратегий текстопорождения, и репертуара речевых тактик, обеспечивающих успешное функционирование выявленных стратегий в текстовом поле. Интересен тот факт, что так же, как и в реальных газетных текстах каждая колонка сборника озаглавлена ее начальной фразой, единственным изменением по сравнению с газетным текстом является отсутствие указания очередного номера и даты выхода в конце.

О выборе С. Довлатовым нарративной стратегии интердискурсивности повествования «Марша одиноких» (то есть взаимодействия элементов нескольких дискурсивных типов в едином текстовом поле) сигнализируют лингвистические и содержательно-стилевые маркеры идеолого-политического, публицистического, бытового дискурсов. Одновременное использование автором фрагментов выявленных дискурсивных типов внутри текстового целого обеспечивает переключение повествования с институциональности публицистики, то есть реализации авторской интенции, направленной на идеологическую интерпретацию события, к художественной образности, эксплицирующей авторскую иронию, комический эффект.

К обнаруженным маркерам публицистического и идеолого-политического дискурса, с нашей точки зрения, относится активное использование:

а) прецедентных имен (имен друзей, коллег по работе (П. Вайля, А. Гениса, А. Седых, И. Бродского);

б) прецедентных имен политических деятелей (Ленина, Сталина, Брежнева, Сахарова), которые воспринимаются как идеологемы в составе советского идеологического дискурса;

в) намеренно искаженных автором известных цитат и автоцитации («Я люблю тебя, жид, что само по себе и не ново» [212, с. 559], «В Воронеж где-

то Бог послал кусочек сыра» [212, с. 531], «Хорошо, начальник, в лагере! Можно не думать. За нас опер думает» [212, с. 543], «Сергея у нас – интеллигент. Политуры и одеколону не употребляет. А только – красное, белое и пиво» [212, с. 482]);

г) эксплицитно выраженной отрицательно-оценочной авторской позиции относительно описываемых событий («Русскую литературу создал Пушкин. Выволакивают ее из провинциальной трясины Бродский с Набоковым» [212, с. 512], «Дураки не подлежат законам гравитации. У них своя биология, своя арифметика. Им все нипочем. Они бессмертны» [212, с. 517], «Наше духовное отечество – многострадальная русская культура» [212, с. 457]);

д) политической иронии («Все мы очень любим давать советы. Такое уж государство нас воспитало – советское» [212, с. 472], «есть такое понятие – лицо народа. А лица бывают разные» [212, с. 474];

е) политической сатиры («впервые партийные льготы коснулись достойного объекта» – собаки [212, с. 471], «Ленину нравилось пиво. В этом заурядном факте проглядывало нечто человеческое», «Брежнева и Косыгина еще можно узнать. Пельше и Сулов – однотипны и взаимозаменяемы. Остальные неотличимы, как солдатское белье» [212, с. 519].

Часть текстовых фрагментов содержит маркеры бытового дискурса:

а) с содержательной точки зрения (эссе о тараканах в эмиграции, рассуждения автора по поводу разницы в ведении бракоразводного процесса в СССР и Америке, воспоминания о застольных посиделках, ностальгия по улицам и пивным ларькам Ленинграда и др.);

б) доверительный тон повествования, воспроизводящий живое непринужденное общение коммуникантов («Здравствуйте. Как поживаете? У меня произошла такая история» [212, с. 477], «Ты ехал не за джинсами и не за подержанным автомобилем. Ты ехал – рассказать <...> Ты, которого вспоминают у пивных ларьков от Разъезжей до Чайковского» [212, с. 487], «Я вас не забыл и постоянно думаю о Ленинграде» [212, с. 492], «Бывает, что и в очереди постоишь... Как дома» [212, с. 567]).

Кроме того, в сборнике «Марш одиноких» отмечается тесное переплетение фактической реальности (имена, события, пространственно-временной фактор) с вымышленной, фикциональной, что свидетельствует об авторской оригинальности построения публицистического текста. С. Довлатов считает, «на то и колонка редактора, чтобы помечтать» [212, с. 520], себя же видит в роли «посредника между читателем и газетой», который с юмором рассказывает обо всем; а «чересчур серьезным людям», ищущим строгого совпадения фактов и событий, писатель рекомендует читать “Большую советскую энциклопедию”» [212, с. 477].

Стратегия экспликации комического эффекта в публицистических текстах С. Довлатова часто реализуется при помощи политической иронии, сарказма. Как показали наблюдения, в становлении творческой личности С. Довлатова немаловажную роль сыграл советский идеолого-политический дискурс. Мировоззренческие взгляды и суждения, порожденные советским прошлым, создают целостную картину авторского нарративного мира. «Такое уж государство нас воспитало – советское» [212, с. 472], – неоднократно признавался С. Довлатов на страницах своих произведений. Иногда автор рефлексировал по поводу советского прошлого («Есть в российском надрыве опасное свойство. Униженные, пуганые, глухонемые – ищем мы забвения в случайной дружбе. Выпьем, закусим, и начинается <...> А кто в Союзе написал за 60 лет 15 миллионов доносов? Друзья или враги?» [212, с. 550]), но чаще всего маркеры идеолого-политического дискурса в публицистических текстах С. Довлатова обеспечивают комический эффект: «Зина, сметану не разбавляй. Я уже разбавила» [212, с. 186], «Друзья в СССР заменяют государство. То, что обязано проделывать государство, берут на себя ваши друзья» [212, с. 350], «В детстве я был невероятным оптимистом. В дневнике и на обложках я рисовал портреты Сталина. И других вождей мирового пролетариата. Особенно хорошо получался Карл Маркс. Обыкновенную кляксу размазал – и уже похоже <...>, а потом задумался <...> и стал оптимизм мой таять» [212, с. 551].

Ориентация автора на потенциального адресата при написании публицистических текстов, а также распознавание и декодирование авторских коммуникативных интенций читателем за счет выявления специальных содержательных и лингвистических маркеров-подсказок, «разбросанных» по текстовому полю реализуют еще одну текстопорождающую стратегию – экспликация позиции интерпретатора.

Проведенный анализ показал, доминантными нарративными текстопорождающими стратегиями в сборнике С. Довлатова «Марш одиноких» являются интердискурсивность, экспликация комического эффекта, ориентация на интерпретационную программу адресата. В текстовом поле названные стратегии реализуются при помощи устойчивого репертуара речевых тактик: языковой игры на разных уровнях; введения прецедентных имен и ситуаций; оценочной лексики; монтажа дискурсов, позволяющего прихотливо переключать способы повествования с помощью маркеров публицистического, идеолого-политического и бытового дискурсов. Речевая тактика языковой игры с потенциальным адресатом на уровне парадокса артикулируется и в самом названии анализируемого произведения «Марш одиноких». Маршем – способом торжественной строевой ходьбы коллектива – идут у С. Довлатова «одинокие», то есть индивидуалисты, те, из которых принципиально не может состоять коллектив. Кроме того, в сборнике С. Довлатова «Марш одиноких» речевая тактика языковой игры часто реализуется на уровне политической иронии, сатиры, сарказма, что еще раз подтверждает гипотезу об особой значимости идеолого-политического дискурса в формировании авторского.

В следующей части параграфа проанализируем публицистические тексты С. Довлатова, включенные в сборник «Речь без повода». Сборник «Речь без повода» был подготовлен и издан к 65-летию юбилею С. Довлатова по инициативе близких друзей, бывших коллег, членов семьи писателя. Книга ценна тем, что здесь собраны все публицистические тексты С. Довлатова (141 единица), написанные им за время работы в еженедельнике «Новый американец»: это, прежде всего, колонки главного редактора, а также журналистские материалы

автора (интервью, очерки, высказывания на литературные и бытовые темы), подготовленные к выходу очередных номеров газеты. Многие тексты снабжены рисунками, шаржами, автопортретами, принадлежащими С. Довлатову, а также уникальными фотографиями из семейного и рабочего архивов. Композиционная организация сборника представлена пятью «главами»: «Сентиментальный марш», «Писатель в роли Кассандры», «Дзен-буддист с лопатой», «Верхом на улитке», «А также».

Комментируя в предисловии целесообразность издания «Речи без повода», дочь писателя К.С. Довлатова акцентирует внимание на том, что журналистская деятельность отца весьма слабо изучена: «о Довлатове-человеке все, кто считает себя вправе, уже рассказали подробно. А вот о работе Довлатова в газете почти не говорят» [208, с. 36]. Также К.С. Довлатова отмечает, насколько полезными для интерпретатора могут оказаться эти материалы, так как, по справедливому наблюдению дочери прозаика, «сравнив литературное творчество с первоисточником, можно наблюдать эволюцию довлатовского слога, довлатовского стиля. Становится видно, какую работу он проделал, чтобы добиться той отточенности, того изящества, легкости и чистоты, которые были присущи ему как литератору» [208, с. 40].

Интересен тот факт, что сборник «Речь без повода», будучи подготовленным без физического участия С. Довлатова, репрезентирует одну из доминантных нарративных стратегий всего литературно-художественного творчества писателя – интердискурсивность повествования. Объединенная одним общим названием, книга содержит в себе: а) колонки главного редактора газеты «Новый американец»; б) материалы, подготовленные С. Довлатовым для выхода очередного номера, содержащие литературно-критические оценки деятельности некоторых творческих личностей; в) авторские рассуждения на бытовые темы; г) авторскую графику (рисунки, шаржи, автошаржи), сопровождающую журналистские тексты. Содержательно-жанровое разнообразие публицистических текстов, образуя единое текстовое целое, обеспечивает возможность

переключения авторского нарратива между несколькими типами дискурсов: публицистическим, идеолого-политическим, литературно-критическим, бытовым.

Публицистические тексты в сборнике «Речь без повода» представлены колонками главного редактора С. Довлатова, которые чередуются с журналистскими материалами прозаика, вошедшими в номера еженедельника. В материалах, подготовленных С. Довлатовым для «Нового американца», автор то рефлексирует о прошлой жизни в «тоталитарном государстве», то размышляет на бытовые темы (как выжить в эмиграции, как заработать «шальные деньги» и даже стать миллионером, брака и развода «по-эмигрантски» и т.д.), то дает критическую оценку различным литературным фактам («Быть мужчиной. О статье Вайля и Гениса “Бардак в мире секса”», «В окопах “Континента”, или Малая земля Виктора Некрасова», «Дезертир Лимонов» и др.). Кроме того, С. Довлатовым было подготовлено два интервью (с американским писателем К. Воннегутом и главой издательства «Серебряный век» Гр. Поляком).

Большинство публицистических текстов С. Довлатова носит развлекательный характер и ориентировано на широкую читательскую аудиторию, чем, на наш взгляд, обуславливается отбор соответствующих коммуникативных стратегий текстопорождения – экспликации комического эффекта, интердискурсивности, обеспечивающей легкое прочтение за счет включения автором нескольких текстотипов в единое содержательно-тематическое и прагматическое целое. Ориентация публицистических текстов С. Довлатова на потенциального адресата способствует запуску когнитивных процессов в сознании реципиента, что, на наш взгляд, реализует нарративную стратегию интерпретации и декодирования авторских коммуникативных интенций. Каждая нарративная стратегия в текстовом поле реализуется при помощи определенного репертуара речевых тактик, а конкретные дискурсивные (речевые) ходы (как «коммуникативные приемы более низкого порядка») служат инструментом успешной «реализации той или иной тактики» [81, с. 111].

Колонки главного редактора и другие журналистские материалы С. Довлатова в сборнике «Речь без повода», являясь целостным корпусом

публицистических авторских текстов, отделены друг от друга графически: колонки редактора напечатаны в виде стилизованных газетных страниц с аббревиатурой «КР» в левом верхнем углу, остальные тексты – стандартной книжной печатью. Как было отмечено выше, некоторые публицистические тексты обогащены дополнительными паралингвистическими элементами, интерпретируемыми нами как специальные дискурсивные ходы, реализующие тактику языковой игры и фокусирующими внимание адресата на значимых для автора деталях таких, как вариативность выбора шрифта:

а) курсив в эпиграфах: *«У меня было в жизни четырнадцать главных редакторов. И все они меня раздражали <...> Теперь я сам превратился в главного редактора. У меня – 14 подчиненных <...>. И все они меня раздражают. Видимо, надо менять характер, а не должность»* [208, с. 136], *«Три часа в казино избавили автора от бремени всех его сбережений. И он вернулся домой куда умнее, чем был»* [208, с. 222];

б) курсив внутри текстового поля в виде авторских комментариев к собранным С. Довлатовым примерам «литературного безобразия»: *«“Все доходы идут на покрытие расходов”. Далек пойдешь, бизнесмен! “Катюша поделилась своим спором с мужем” А муж с Катюшей оплеухой?»* [208, с. 403–405];

в) печать отдельных фрагментов заглавными буквами: «**мы – РУССКАЯ ГАЗЕТА**», «**мы – АМЕРИКАНСКАЯ ГАЗЕТА**», «**мы – ЕВРЕЙСКАЯ ГАЗЕТА**» (134), «**ГАЗЕТА ЯВЛЯЕТСЯ НЕЗАВИСИМОЙ ТРИБУНОЙ...**» [208, с. 149], «**СТРЕЛЯЙТЕ В НАПРАВЛЕНИИ МЕНЯ**» [208, с. 177] и др.

В публицистических текстах С. Довлатова, снабженных авторской графикой, рисунки выполняют определенные функции: рекламы (см. Приложение на с. 172); 2) развлечения читателей на основе экспликации комического эффекта в остальных текстах (см. Приложение на с. 173-177).

В публицистических текстах С. Довлатова, собранных в книге «Речь без повода», одной из доминантных нарративных текстопорождающих стратегий является стратегия экспликации комического эффекта. В текстовом поле данная стратегия чаще всего реализуется при помощи универсальной речевой тактики

языковой игры с потенциальным адресатом – читателем газеты «Новый американец» на уровне:

а) полисемии («Как-то беседовали мы с одним почтенным *лицом*. *Лицо* сказало» [208, с. 132], «Бродского спросили: “*Над чем работаете? - Над собой*”» [208, с. 202], «*Чехов выше Довлатова <...> Неправда. Довлатов значительно выше. Его рост – шесть футов и четыре дюйма*» [208, с. 277]);

б) парадокса («*Я – атеист, мой долг <...> противостоять Богу! <...> Как можно противостоять тому, чего нет?*» [208, с. 160], «*Скажите, вы еврей? – Нет, у меня просто интеллигентное лицо*» [208, с. 339], «*Садат творил добро неумолимо и жестко*» [208, с. 358], «*Я вам не еврей, чтобы всюду запятые расставлять! И тем более – ваши паршивые дефисы*» [208, с. 167]);

в) паронимии («*Мы – не рыбы. Рыбы – немые*» [208, с. 190], «*Обрели свободу <...> брели, брели и обрели*» [208, с. 131], «*девки <...> быкини. Быкини и есть. Парни за ними как быки, как быки*» [208, с. 291]);

г) иронии («*Трудно ли найти двойника в Китае*» [208, с. 295], «*Еврей, а хулиганит. Здесь усматривается двойное преступление*» [208, с. 340]) и политической иронии («*Вас гримируют под нормального человека. Вернее под коммуниста с человеческим лицом*» [208, с. 296], «*Что мы знали о Сталине? Что он курил трубку и был лучше всех. Что мы знали о Ленине? Что он носил кепку и тоже был лучше всех. О Брежневе мы даже этого не знали. Известно только, что у него есть брови*» [208, с. 172]; «*лицо Косыгина. Беременным нельзя показывать такие вещи*» [208, с. 175]);

д) интертекстуальности («*ты не вейся, черный Уоррен*» [208, с. 153], «*Крайм родной, навек любимый*» [208, с. 185], «*Дан отказ ему на Запад*», «*Наш паровоз вперед лети! / В Кабуле остановка*» [208, с. 223], «*Так кто ж мы, наконец*» [208, с. 340].

С целью реализации нарративной стратегии экспликации комического эффекта С. Довлатовым используется речевая тактика введения в текстовое поле прецедентных имен. Во-первых, это имена советских политических деятелей Ленина, Сталина, Дзержинского, которые иногда сопровождаются узнаваемыми

звукографическими элементами: «бежали от красного теггога. Остались вены своему госудагю», «вместе с нами уходит Госсия» [208, с. 169]; «у Ленина был незначительный дефект речи. У Сталина – рыночный акцент торговца гладиолусами. У Брежнева во рту происходит что-то загадочное. Советские лингвисты особый термин придумали для этого безобразия – “фрикативное Г” <...> у инопланетян должны быть какие-то этнические особенности. Иначе они будут похожи на людей. А это – нельзя» [208, с. 172].

Во-вторых, в текстовое поле включаются прецедентные имена друзей и коллег С. Довлатова (П. Вайля, А. Гениса, Б. Меттера, И. Седых и др.), зачастую комический эффект усиливается одновременным использованием речевой тактики языковой игры на уровне полисемии и сравнения: «Меттер вяло топтался у подножия социальной лестницы. Он был лифтером» [208, с. 138], «Бродский. Судьба которого уникальнее его поэзии» [208, с. 150] и на уровне политической иронии: «Был тот же стукач Воскобойников. Может, по заданию, а может, и от души» [208, с. 143].

Нарративная стратегия интердискурсивности повествования, обеспечивающая гетерогенную структуру текстового поля, также артикулируется в публицистических текстах С. Довлатова. Данная стратегия реализуется при помощи речевой тактики монтажа нескольких типов дискурсов внутри текстового целого, которая дает возможность автору непринужденно переключать нарратив то на один, то на другой тип дискурса. Так, в ходе исследования журналистских материалов С. Довлатова для газеты «Новый американец» были выявлены маркеры публицистического дискурса:

– высокий уровень диалогизма, эксплицируемый за счет явной адресатоцентричности на уровне обращений: «Уважаемый господин Моралевич!» [208, с. 405], «Надеюсь, ты узнаешь себя, читатель?», «Перед тобой, читатель, свежий номер. Он был сделан тобой. И для тебя!» [208, с. 135];

– доверительный тон повествования: «Я прилетел в Америку с тремя чемоданами информации. Я знал все, хоть и не совсем точно. Я знал, что

литература меня не прокормит» [208, с. 137], «еще в молодости я понял, что способен заниматься только любимым делом» [208, с. 138];

– намеренно искаженное цитирование: «В человеке все должно быть прекрасно – и пиджак, и штаны, и рубашка, и галстук!» [208, с. 291];

– автоцитирование: «Дом Михаила Ивановича производил страшное впечатление...» из «*Заповедника*» [208, с. 363–364], «На Коломенской дают оператив», «Третий раз их пью. Он был с шампанским на “вы”» из «*Записных книжек*» [208, с. 366]).

Кроме маркеров публицистического дискурса, в текстовых фрагментах нами были обнаружены маркеры:

а) идеолого-политического дискурса: использование прецедентных ситуаций и имен советских политических деятелей в качестве идеологем эпохи часто в контексте политической иронии «Если ты женат на бэ, / Виновато КГБ! / Если вовсе не женат, / Тоже Брежнев виноват» [208, с. 334]; смешение профессиональной (религиозной терминологии, политических терминов) и разговорной лексики «*кумачовый алтарь. Иконостас с физиономиями членов Политбюро*» [208, с. 301], «Инфляция, безработица, марихуана – все это коммунистические происки» [208, с. 333], «Галстук затянул так, что башка не поворачивается» [208, с. 293]; парадокса, выделенного автором графически, «Заведующий кафедрой НАУЧНОГО АТЕИЗМА ЛГУ сочетался ЦЕРКОВНЫМ БРАКОМ с юной практиканткой» [208, с. 301];

б) научного дискурса на тематико-контекстологическом уровне: «Я мечтал о филологии. Об академической карьере. О прохладном сумраке библиотек» [208, с. 138], «Людьми науки установлено, что время имеет форму, цвет, объем» [208, с. 288]; на уровне иронии: «русскую грамматику выдумали коварные евреи» [208, с. 167], «Удостоился кандидатской степени – покупай дубленку. Или, на худой конец, – тулуп. Ведь кандидат – не дворник. Кандидату без тулупа – нельзя» [208, с. 292]; на уровне сравнения («Мы не хотим быть лифтерами с окладами доцентов. Мы предпочитаем быть доцентами с окладами лифтеров» [208, с. 303], «Безработных грамотеев вокруг сколько угодно. (Из одних докторов наук можно

сколотить футбольную команду)» [208, с. 141]; обсценной лексики: «бля <...> соображали на троих <...> а теперь мы, интеллигенция. Доценты, бля, с кандидатами» [208, с. 169]);

в) литературно-критического дискурса: авторизация, эксплицируемая повествованием от первого лица «Русская Литература <...> Лучшее, что *нас* объединяет. *Убежден*» [208, с. 227]; субъективное обоснование собственного мнения «В названии *я* использовал заглавие одного из романов Оноре де Бальзака», «В сопоставлении литературы с дамой полусвета *я* не вижу ничего кощунственного» [208, с. 228], «писателя в России всегда воспринимали как пророка» [208, с. 229]; прогнозирование будущего: «я хотел бы дожить до тех дней, когда возродится наше опозоренное отечество <...> и это будут дни возрождения нашей многострадальной литературы» [208, с. 239]; высказывание субъективного мнения по поводу разных творческих личностей «Вспомните Алданова, Ремизова, Зайцева, Куприна. Это были необычайно русские писатели. А мирового признания добился один Набоков» [208, с. 252], «Я думаю, у литераторов третьей волны хорошие перспективы на Западе <...> Мы избавились от кровавадной внешней цензуры» [208, с. 253]. Кроме того, литературно-критическая оценка творческих личностей ряда писателей (А. Синявского, Э. Лимонова, Н. Коржавина, В. Некрасова, В. Аксенова) объединена в разделе под названием «Литература продолжается», все отклики дополнены портретами, выполненными С. Довлатовым (см. Приложение с. 174-175).

Сборник публицистических текстов С. Довлатова «Речь без повода» обращен к широкой читательской аудитории, интересующейся литературным творчеством прозаика, с целью знакомства с новыми, возможно, неизвестными гранями его творческой личности. В ходе исследования сборника «Речь без повода» нами были обнаружены нарративные текстопорождающие стратегии экспликации комического эффекта, интердискурсивности повествования, направленности на диалог с адресатом (позиция интерпретатора). Стратегию экспликации комического эффекта реализуют универсальные речевые тактики языковой игры на уровне иронии, политической иронии; введения в текстовое

поле прецедентных имен и ситуаций. Нарративная стратегия интердискурсивности реализуется при помощи речевой тактики монтажа дискурсов, обеспечивающей переключение повествования между публицистическим, эпистолярным, идеолого-политическим, научным и литературно-критическим дискурсами внутри текстового целого. Нарративная стратегия экспликации позиции интерпретатора реализуется за счет намеренно «разбросанных» по текстовому полю специальных лингвистических маркеров-подсказок (прецедентных имен и ситуаций, интертекстем, авторизации, прямого обращения к читателю и др.), репрезентирующих авторские интенции, которые, в соответствии с замыслом адресанта, должны быть обнаружены и дешифрованы адресатом. От степени адекватности декодирования авторских интенций интерпретатором зависит успех или блокировка литературной коммуникации в целом.

Таким образом, проведенный дискурс-анализ публицистических текстов С. Довлатова (из сборников «Марш одиноких» и «Речь без повода») позволяет прийти к следующим выводам:

1) главными коммуникативными интенциями автора являются развлечение адресата, критическая оценка некоторых литературных фактов и явлений, бытовые и практические советы для русскоговорящих эмигрантов;

2) все тексты ориентированы на потенциального адресата: во-первых, это русскоговорящие эмигранты третьей волны, во-вторых, – широкая аудитория читателей-интерпретаторов, для которой творческая личность С. Довлатова представляет значительный интерес;

3) основными нарративными текстопорождающими стратегиями публицистических текстов С. Довлатова являются экспликация комического эффекта, интердискурсивность, ориентация на интерпретационную программу адресата;

4) данные стратегии в текстовом поле реализуются при помощи репертуара универсальных речевых тактик: языковая игра с адресатом на разных уровнях (139 единиц); введение в текст прецедентных имен и ситуаций (127 единиц);

монтаж дискурсов разных типов (публицистического, идеолого-политического, бытового); включение в текст лингвистических и содержательно-стилевых маркеров-подсказок (цитация (25 единиц) и автоцитация (15 единиц), идеологическая интерпретация излагаемых событий (28 единиц), эксплицитно выраженная авторская позиция (в каждом из 141 публицистического текста).

В следующей части параграфа обратимся к дискурс-анализу литературно-критических текстов С. Довлатова.

Содержательно-прагматическая и функциональная организация литературно-критических текстов во многом соотносится с текстами, репрезентирующими публицистический дискурс (убеждение, воздействие на сознание адресата, корректировка его картины мира, экспрессивность повествования), кроме того, они нередко выступают в неразрывной связи, представляя единое текстовое целое. Так, например, все литературно-критические тексты С. Довлатова были опубликованы в зарубежных периодических печатных изданиях (СМИ). Исследовательской целью данного параграфа является выявление и систематизация нарративных текстопорождающих стратегий и реализующих их речевых тактик построения литературно-критических текстов С. Довлатова.

Рассуждая о сходстве публицистики с литературной критикой, Е.С. Садовская отметила тождественность их основных функций: функция эстетического воспитания, агитирующая, ориентирующая, информирующая, оценивающая, развлекающая [152, с. 15].

Основными коммуникативными целями литературно-критического текста являются «информирование адресата (с целью восполнения пробелов в знаниях, а также привлечения внимания к отдельным литературным произведениям или творчеству писателя) и побуждение его к конкретным действиям (прочтения или отказа от прочтения рассматриваемого произведения, изучению творчества литературных деятелей)» [152, с. 85]. Большинство современных исследователей (Н.В. Довгань, Ю.А. Крикунов, Н.В. Пасынкова, Е.С. Садовская и др.) относят литературно-критические жанры к «аналитическим жанрам журналистики» [152,

с. 86], что позволяет ученым рассуждать о взаимодействии литературно-критического и публицистического дискурсов. Если главной текстопорождающей стратегией публицистических текстов, отмечает Е.С. Садовская, является стратегия аргументации, то для литературно-критического текста доминантными текстопорождающими стратегиями становятся смежные со стратегией аргументации персуазивные стратегии прямой и косвенной оценки. Данные стратегии репрезентируют, главным образом, коммуникативную интенцию «изменения поведения реципиента», побуждению к «совершению или отказе от совершения определенных посткоммуникативных действий в интересах адресанта» [152, с. 87]. Под стратегией прямой оценки Е.С. Садовская понимает «эксплицитно выраженные оценки по отношению к рассматриваемому объекту критики, которые без труда могут быть распознаны в тексте, восприняты и однозначно интерпретированы» адресатом, стратегия косвенной оценки не подразумевает прямого выражения коммуникативных интенций литературного критика, что требует больших «интерпретативных усилий со стороны адресата» [152, с. 90]. Главной коммуникативной целью автора литературно-критического текста становится убеждение читателя в необходимости (или ее отсутствии) прочтения реферируемого литературного факта/явления.

Коммуникативная стратегия прямой оценки, по мнению Е.С. Садовской, в текстовом поле чаще всего реализуются при помощи речевых тактик положительного/отрицательного оценивания. Речевые тактики аналогии, резюмирования, кооперации с адресатом и «оценки через обобщение» могут считаться универсальными тактиками, реализующими стратегию косвенной оценки в литературно-критическом тексте [152, с. 101].

Обратимся к корпусу литературно-критических текстов С. Довлатова с целью определения в нем главных нарративных стратегий и речевых тактик текстопорождения.

Собрание сочинений С. Довлатова содержит 16 опубликованных откликов, объединенных в раздел «На литературные темы». Этот блок текстов хронологически может считаться последним в творчестве прозаика, так как, по

свидетельству одного из авторитетных современных довлатоведов А. Арьева, все литературные комментарии-отклики были подготовлены и написаны С. Довлатовым в эмиграции. Несмотря на то, что «на родине Довлатов художественную критику печатал тоже довольно часто, но вновь к ее текстам в эмиграции не возвращался» [210, с. 477]. Все литературно-критические тексты С. Довлатова на момент их создания обращены к русскоговорящей аудитории в Нью-Йорке (адресат), главной коммуникативной интенцией автора является ознакомление читательской аудитории с реферируемой русской литературной действительностью и событийностью, убеждение в необходимости знакомства с ней.

В отклике «В жанре детектива» С. Довлатов рецензирует повесть М. Поповского «Дело академика Вавилова». Доминантной текстопорождающей стратегией здесь является традиционная для литературно-критического текста стратегия прямой оценки, которая реализуется при помощи:

а) тактики положительной оценки реферируемого литературного факта на уровне использования в словосочетаниях превосходной степени прилагательных «начнем с самого поразительного и невероятного» [210, с. 370], «лучшая книга Марка Поповского» [210, с. 371], «детектив в самом высоком и точном значении этого слова» [210, с. 372], «богатейшая научная эрудиция автора» [210, с. 372], а также эпитетов, содержащих в гиперболизацию признака «гигантский объем изученного материала», «распутанные автором бесчисленные клубки человеческих взаимоотношений» [210, с. 369], «великий ученый» [210, с. 372]; цитат из источника: «Вы арестованы как активный участник антисоветской вредительской организации и шпион иностранных разведок. Признаете ли вы себя виновным?» [210, с. 368] и цитат «одного из благодарных читателей» (академика А. Сахарова): «Книга показывает истинное <...> величие Николая Вавилова», «Я сожалею, что не был знаком с этой книгой, когда Марк Поповский находился еще в СССР» [210, с. 373]; авторизации: «чем глубже я вчитывался в текст...» (369), «я хорошо помню обстановку...» [210, с. 370], «мы умоляли Поповского» [210, с. 371], «я хотел бы остановиться лишь на одном из качеств» [210, с. 372];

б) тактики отрицательной оценки социокультурного фона (советской эпохи 30-х гг. XX в.), содержащей маркеры советского идеолого-политического дискурса, на уровне смены регистра: *«мерзавцы-коллеги и функционеры НКВД, которые дружно загубили первого агронома страны»* [210, с. 369], *«тайники, где несколько поколений душегубов бдительно хранят свои секреты, в тайники, к которым едва ли имеют свободный доступ рядовые члены Политбюро»* [210, с. 372].

Нарративная стратегия косвенной оценки реализуется в тексте при помощи речевой тактики аналогии на уровне сравнения: книга Марка Поповского *«Дело академика Вавилова»* – это *«классическая монография, историко-социальный памфлет, психологическая драма»* [210, с. 372].

Таким образом, реципиентом могут быть интерпретированы главные авторские коммуникативные интенции информирования адресанта и побуждения к ознакомлению с данным литературным фактом.

Текст литературно-критической статьи *«Против течения Леты»* посвящен мемуарной прозе Василия Яновского. Здесь также артикулируется выбранная С. Довлатовым нарративная текстопорождающая стратегия прямой оценки, реализующаяся в текстовом поле при помощи речевой тактики положительной оценки рецензируемого литературного факта на уровне:

– использования превосходной степени прилагательных: В. Яновский – один из *«старейших и наиболее заслуженных прозаиков эмиграции»*, *«Яновский бесспорно принадлежит к числу самых талантливых и наиболее оригинальных прозаиков первой эмигрантской волны»* [210, с. 384], *«к ценнейшим преимуществам Яновского относится»* [210, с. 387];

– лексики *«с семантикой успеха»* [152, с. 101]: прозу В. Яновского С. Довлатов относит к *«достойным образцам мемуарной литературы»*, *«инструмент Василия Яновского интеллектуален, его воспоминания ценны»* [210, с. 387], *«каждое ординарное лицо запечатлевается благодаря ярким, выразительным деталям, которые использует автор»* [210, с. 386], проза

В. Яновского сочетает в себе *«интеллект, пронизательность, способность к обобщениям»* [210, с. 383];

– кроме того, с целью большей доказательности авторского осмысления реферируемого литературного факта в текстовое поле писателем активно включаются цитаты. Во-первых, С Довлатов цитирует предыдущих авторитетных рецензентов – отечественных литераторов Г. Адамовича (В. Яновский – «серьезный писатель») и М. Осоргина («Нельзя не признать в Яновском ясно выраженной и при этом какой-то особой, напористой талантливости») [210, с. 384], а также «крупнейшего англоязычного поэта» [210, с. 384] У. Одена. Среди цитат из источника приводится эпитафия и комментарий В. Яновского к нему: «Я должен вас предупредить, чтобы вы не удивлялись, если я буду о мертвых повествовать как о живых» [210, с. 386].

Следующей доминантной текстопорождающей стратегией в критическом отклике является стратегия косвенной оценки, реализующаяся при помощи речевой тактики аналогии на уровне сравнения: наряду с дневниками *«окололитературных дам и претенциозных неудачников»* [210, с. 369] существуют весьма *стоящие материалы* (проза В. Яновского), мемуары Яновского – *«объективный исторический документ»* [210, с. 386], «память – единственная река, которая движется *против течения Леты*» [210, с. 387].

Таким образом, здесь также артикулируется авторская коммуникативная интенция побуждения адресата к ознакомлению с реферируемой литературной действительностью.

Рассмотрим еще один литературно-критический текст С. Довлатова – «Умер Борис Шрагин», который в большей степени напоминает некролог, воспоминание о дорогом С. Довлатову человеке. Начав с присущей критику иронии (коммуникативная стратегия экспликации комического эффекта): «В Борисе Шрагине мне нравилось многое, начиная с его фамилии <...> В ней звучали и “брага”, и “шпага”, и “шарага»» [210, с. 388]), он заканчивает свое воспоминание с грустным оптимизмом («он хотел съездить в Москву <...> но не успел, не вышло, не получилось», «Я надеюсь, что в Москву вернутся его книги и статьи, а

главное – память об этом *подлинном, храбром и чистом человеке*» – стратегия прямой оценки, реализуемая при помощи тактики положительной оценки [210, с. 389]).

В основной части отклика описаны личностные качества и интеллектуальные способности философа и публициста. При помощи речевой тактики авторизации (воспоминания от первого лица) С. Довлатов выражает прямую оценку творческой личности: «у него была эрудиция, юмор, вкус к слову», «Шрагин был единственным *знаменитым* человеком другого поколения, с которым я сразу перешел на “ты”» [210, с. 389].

Описание личностных качеств Б. Шрагина и его творческого наследия, введение в текстовое поле прецедентных имен (Андрея Синявского, Леонида Баткина), воспроизведение осуществленных ранее диалогов между автором и героем отклика, на наш взгляд, реализуют коммуникативную стратегию интердискурсивности повествования.

При создании критического отклика «Красные дьяволята», в котором С. Довлатовым рецензируется рассказ Г. Владимова «Не обращайтесь вниманья, маэстро!», автором также избрана стратегия прямой оценки, реализующаяся при помощи:

– эксплицитно выраженной речевой тактики положительной оценки на уровне лексики «с семантикой успеха»: «Владимов – *мастер*, и он *замечательно* подметил одну из чрезвычайно характерных особенностей карательной системы в России» [210, с. 360], он «с *редкой пронизательностью* воспроизводит самую дикую черту нынешней советской действительности», «в рассказе дан *тонкий психологический анализ*» [210, с. 361], «рассказ написан *легко, изящно*, со свойственным Владимову юмором» [210, с. 362];

– тактики отрицательной оценки социокультурного фона: советский режим – «сплав ужаса и скуки, обыденности и безумия» [210, с. 361], представители карательной системы – «функционеры, люди функции, а не чувства и долга» [210, с. 361], «приезд из страны абсурда был не только физическим спасением, но и единственной возможностью защититься от безумия» [210, с. 361].

Стратегия косвенной оценки реализуется при помощи тактики аналогии на уровне сравнения: описанные в рассказе события отечественной аудиторией воспринимаются «как полудокументальная бытовая хроника», западной – как «фантасмагория на уровне Кафки» [210, с. 359].

Интердискурсивность повествования обеспечивают маркеры советского идеолого-политического дискурса, включенные автором в литературно-критическое текстовое поле («функционеры КГБ», «узурпировавшие чужую квартиру» [210, с. 360]).

Некоторые тексты С. Довлатова соотносятся с литературно-критическим дискурсом в основном за счет упоминания в них имен литераторов-современников автора. Главными текстопорождающими стратегиями здесь становятся экспликация комического эффекта, интердискурсивность повествования и ориентация на интерпретационную программу адресата, репрезентирующие авторский дискурс С. Довлатова в целом. Приведем примеры.

Литературно-критический отклик «Уроки чтения» своим заглавием отсылает адресата к дальнейшему рассуждению автора на литературные темы. Однако уже первой фразой, тематически соотносящейся с бытовым дискурсом («Был чей-то день рождения, не помню» [210, с. 307]), С. Довлатов сигнализирует о гетерогенной структуре последующего повествования. Нарратив построен в стиле довлатовской байки: описывается дружеская встреча на дне рождения (бытовой дискурс), в текстовое поле автором включаются шутки из «Записных книжек», реализующие речевую тактику языковой игры с адресатом. Текстовые фрагменты «Записных книжек», содержащие лингвистические маркеры советского идеолого-политического дискурса, с одной стороны, усиливают действие стратегии экспликации комического эффекта, с другой, – позволяют переключать повествование между бытовым и идеолого-политическим дискурсами: «За успех в деле многократного награждения *товарища Брежнева орденом Ленина* – наградить *орден Ленина орденом Ленина*»; «*Именоват*ь журнал “Континент” журналом “*КонтинГент*”» [210, с. 307].

С корпусом текстов литературно-критического дискурса «Уроки чтения» сближает речевая тактика включения в текстовое поле прецедентных имен писателей, о которых за праздничным столом разговаривают друзья-литераторы: «третий год я читаю одну нелегальщину <...> даже *Фолкнера* не перечитываю»; «снабжает меня книгами <...> *писатель Ефимов*» [210, с. 308]. Часто С. Довлатовым одновременно с тактикой введения прецедентных имен используется речевая тактика языковой игры с адресатом на уровне авторской иронии, усиливающей экспрессивизацию повествования: «Я у *Лосева* справку возьму <...> Что я восхищался *Солженицыным*» [210, с. 310]; или фольклорно-сказочным ритмом: «*Жил* в Ленинграде талантливый писатель *Успенский*. *Не Глеб, и не Лев, а Кирилл Владимирович*. *И жил* в Ленинграде талантливый поэт *Горбовский*. Его как раз звали *Глебом*» [210, с. 312]. Иногда политическая ирония в текстовом поле усиливается введением интертекстом: «В этом доме аукнется – в Большом доме откликнется!» [210, с. 312].

Литературно-критический текст С. Довлатова «Рыжий» позиционируется как рецензия на поэтическое творчество В. Уфлянда: при помощи нарративной стратегии прямой оценки автор характеризует стиль письма («есть такое филологическое понятие – сказ <...>, писатель создает своего лирического героя и от его имени высказывается <...> Так пишет Уфлянд» [210, с. 323]) и лирического героя поэта («простодушный усердный балбес, вполне довольный жизнью» [210, с. 323]); в тексте приводится значительное количество цитат из источника.

При создании данного текста автором также активно применялась стратегия экспликации комического эффекта, повествование выстроено в духе литературного анекдота: приводятся факты и ситуации «реального» общения творческих личностей, тактика языковой игры реализуется здесь на уровне:

а) иронии и комизма ситуации: «С тобой, брат, хорошо, а одному лучше» [210, с. 322]; совет Уфлянда С. Довлатову «Напиши тысячу замечательных рассказов. Хоть один да напечатают» [210, с. 326];

б) парадокса: «Уфлянд (вес 52 кг) избил нескольких милиционеров <...>, разрушил капитальную стену <...>, работает в географическом музее <...> экспонатом» [210, с. 322–323].

С бытовым дискурсом (стратегия интердискурсивности повествования) текст сближает упоминание о «семейной драме Уфлянда»: жена упрекает поэта «Все пишет, пишет... Хоть бы напился» [210, с. 325].

Проанализируем еще один литературно-критический отклик С. Довлатова, в заглавии которого уже содержатся две аллюзивные отсылки: к классическому поэтическому источнику (М.Ю. Лермонтов) и названию повести В Катаева, – это *фельетон* «Чернеет парус одинокий». Данный текстовый фрагмент интересен тем, что он написан в резко негативном ключе, что, как правило, не характерно для стиля С. Довлатова. Рецензия начинается картиной недавнего прошлого: «Раскрываю газету “Комсомольская правда”. Внимание останавливает “Встреча для вас”» [210, с. 354], далее цитируется фрагмент интервью с В. Катаевым, положительно охарактеризовавшим «ленинские нормы отношения к людям и делу» [210, с. 354].

В данном тексте автором используется персуазивная стратегия косвенной оценки, реализующаяся при помощи речевых тактик «оценки через обобщение» и кооперации с потенциальным адресатом на уровне активного использования риторических вопросов (восемь единиц на двух с половиной страницах текста): «К чему пришел Валентин Катаев на склоне лет?», «За что боролись?! За что чужую кровь проливали?» [210, с. 358]. Негативная экспрессия интенсифицируется цитатой из А.С. Пушкина: «что же заставило этого человека <...> произнести слова, от которых смущенно зарделись бы “и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей – калмык“» [210, с. 358]. Данный дискурсивный ход усиливает аргументацию авторской позиции, а также служит дополнительным средством диалогизации монолога, вовлекающим адресата в коммуникативный процесс.

Стратегия прямой оценки реализуется в данном текстовом фрагменте при помощи эксплицитно выраженной речевой тактики отрицательной оценки,

усиленной включением в текст оценочной лексики: *«раболенные, избитые, почти юмористические в своем идейном рвении слова»* [210, с. 358]; *«жалкий, верноподданический, угодливый лепет»*; *«унизительный лакейский гимн»*; *«холуйская триада»* [210, с. 355].

Основной коммуникативной интенцией данного фельетона, на наш взгляд, является поиск ответа С. Довлатовым на заданные им самим риторические вопросы, смысл которых сводится к одному: с какой целью дал это интервью В. Катаев. Ответ, в конце концов, сформулирован. Заручившись свидетельствами «друга-литератора» и И.А. Бунина, С. Довлатов приходит к выводу, что В. Катаевым, рассуждавшим примерно так: *«Солженицыну, понимаешь, все, а мне, Катаеву, ничего?! Так я его хотя бы в “Правде” оттяну как следует»* [210, с. 357], двигала банальная творческая зависть.

Таким образом, главной коммуникативной интенцией С. Довлатова-критика является ознакомление читательской аудитории с реферируемыми им литературными фактами с целью убеждения адресата в необходимости ознакомления с ними; адресат литературно-критических текстов С. Довлатова – представители эмиграции третьей волны, интересующиеся русской литературой.

Доминантными текстопорождающими стратегиями литературно-критических текстов С. Довлатова являются стратегия прямой оценки и стратегия косвенной оценки литературных фактов/явлений. Текстопорождающую стратегию прямой оценки в текстовом поле чаще всего реализуют универсальные речевые тактики положительной и отрицательной оценки; стратегия косвенной оценки реализуется при помощи тактик аналогии, резюмирования, «оценки через обобщение», кооперации.

Автором также часто используются специальные дискурсивные ходы, усиливающие артикуляцию названных речевых тактик. Так, для более успешной реализации тактики положительной оценки С. Довлатов часто использует форму превосходной степени имен прилагательных (177 единиц), лексику с семантикой уникальности и успеха (86 единиц); положительных или отрицательных эпитетов (128), тактику отрицательной оценки продуктивно реализует прием «смена

регистра», то есть смешение книжной и разговорной лексики; тактика аналогии реализуется при помощи сравнения (23 единицы); продуктивным приемом, реализующим тактику резюмирования является ирония (45 единиц), ироническая интонация адресанта (111 единица); тактика «оценки через обобщение» и тактика кооперации с адресатом в литературно-критических текстах С. Довлатова успешно реализуется при помощи риторических вопросов (12 единиц), эмоционально усиливающих аргументацию и выступающих в качестве оригинального «способа формулирования тезисов» [152, с. 118].

В литературно-критических текстах С. Довлатова наряду с традиционными для литературно-критического дискурса текстопорождающими стратегиями прямой и косвенной оценки, нами были выявлены нарративные стратегии экспликации комического эффекта, интердискурсивности и ориентации на позицию интерпретатора. Названные стратегии реализуются с помощью устойчивого репертуара универсальных речевых тактик языковой игры с адресатом на разных уровнях (58 единиц), переключения авторского повествования между литературно-критическим, идеолого-политическим, бытовым типами дискурсов.

2.3. Художественный дискурс С. Довлатова как монтаж дискурсов разных типов

Заключительный параграф настоящего диссертационного исследования посвящен художественному творчеству С. Довлатова. На примере самых значимых, с нашей точки зрения, концептуально важных в осмыслении языковой личности писателя художественных произведений, подтвердим главную исследовательскую гипотезу о том, что для создания художественных текстов С. Довлатов использует набор определенных нарративных стратегий, которые реализуются при помощи устойчивого репертуара речевых тактик, репрезентирующих оригинальность авторского дискурса прозаика.

Проанализируем последовательно повести С. Довлатова «Зона», в которой отразился опыт армейской службы писателя в конвойных войсках, «Компромисс» – как образец литературной обработки публицистических текстов таллиннского периода творческого пути прозаика, и «Иностранка» – одно из последних значимых произведений прозаика, в котором описана жизнь русскоговорящих эмигрантов в Америке.

Прежде чем приступить к дискурс-анализу повести С. Довлатова «Зона» считаем необходимым сделать небольшой экскурс в историю и изучить предпосылки ее создания. Общеизвестен факт, что повесть «Зона» – одно из самых значимых произведений С. Довлатова – создавалась и редактировалась им более двух десятилетий. Писатель начал собирать сюжеты для будущего прозаического текста еще во время армейской службы в начале 60-х гг., но завершить работу над окончательным вариантом рукописи и издать его удалось только в эмиграции.

На наш взгляд, важную роль в создании текста повести «Зона» сыграло «личное» знакомство С. Довлатова с лагерным языком и фольклором во время армейской службы в конвойных войсках, что нашло отражение в литературных опытах будущего писателя. Пребывая в культурном шоке от армейской среды, диаметрально противоположной привычной интеллигентской, С. Довлатов находит единственное спасение в поэтическом творчестве и пишет обо всем, что его окружает: «Тайга! Я представлял ее иной / Здесь оказалось мусорно и грязно, / И тесно, как на Лиговке в пивной» [207, с. 108]. Стихотворные тексты, которые он особенно активно писал в первые полгода армейской службы, критически обсуждались в их переписке с отцом.

Актуальность изучения поэтических опытов писателя объясняется отсутствием работ, посвященных анализу ранних стихов С. Довлатова в филологической среде. Возможно, его стихи не представляют особой художественно-эстетической ценности, однако, на наш взгляд, именно этот литературный опыт послужил своеобразным «творческим трамплином» для прозаика, с помощью которого впоследствии автор нашел и отточил свой

оригинальный стиль письма. По словам И. Бродского, С. Довлатов «был прежде всего замечательным стилистом. Рассказы его держатся более всего на ритме фразы; на каденции авторской речи. Они написаны как стихотворения: сюжет в них имеет значение второстепенное, он только повод для речи. Это скорее пение, чем повествование» [39, с. 33].

Стихотворные тексты С. Довлатова стилистически и тематически соотносятся с тюремно-лагерным дискурсом, главными коммуникативными интенциями которого является психологическое воздействие на сознание адресата: давление, нападение, защита, – трансформирующее традиционные культурные ценности. Данными интенциями, на наш взгляд, диктуется принцип выбора главной нарративной текстопорождающей стратегии прямой оценки, реализующейся в основном при помощи речевой тактики отрицательной оценки на уровне смены регистра, то есть включения в текст отрицательно-оценочной, сниженной, вульгарной, жаргонной лексики. А.П. Суходолов определяет данный тип дискурса как «обязательную составляющую общесоциального дискурса преступности, в котором участвуют все субъекты социальных отношений» [168, с. 182], при этом с содержательной точки зрения тюремно-лагерный дискурс представляет собой «совокупность высказываний или совокупность знаков, элементов языка, которые отсылают к содержанию или репрезентации объекта дискурса», объектом лагерного дискурса является «преступность во всех ее проявлениях» [168, с. 182].

Находясь в полной изоляции от общества, заключенные на протяжении долгого времени создавали свой особый мир, наполненный специфической атрибутикой, обрядами, образами и живущий по собственным законам. В данной связи традиционные фольклорные жанры (присказки, песни, пословицы, поговорки, небылицы, легенды) трансформируются и приобретают новое характерное звучание в тюремно-лагерном дискурсе. Исследовательский интерес лингвистов к изучению такой специфической закрытой сферы как тюремно-лагерная субкультура, на наш взгляд, определяется ее влиянием на процессы жаргонизации литературного языка, особенно через эпистолярные и

художественно-литературные источники. Тюремно-лагерный дискурс изучается на различных уровнях (лексико-фразеологическом, лексико-семантическом, сравнительно-типологическом, историко-контекстуальном, жанровом). Корпус текстов, репрезентирующих тюремно-лагерный дискурс, представлен лирикой, прозой, анекдотами, песенниками и дневниками заключенных. Мотивы и сюжеты «лагерного» творчества постоянны и эксплицируют тоску по матери, любимой женщине; думы о воле и свободе; мечты заключенных о побеге; провокации и наказание «стукачей» [74, с. 128].

Обратимся к анализу поэтических текстов С. Довлатова.

На сегодняшний день опубликовано 62 единицы стихотворных опытов С. Довлатова. Однако, как следует из авторских ремарок («показывать стихи, пожалуй, никому не нужно» [207, с. 154], «это заготовки для будущей большой вещи в прозе» [207, с. 176] и т.д.) можно предположить, что адресант данных текстов тождествен адресату, т.е. стихи были написаны автором в основном с целью автокоммуникации (диалога с самим собой). Проведенное исследование показывает, что в большей части стихов реализуются авторские коммуникативные интенции описания «колорита» тюремно-лагерной среды, изображение социально-психологической атмосферы в зоне. Содержательно и тематически стихи находятся в зависимости от мотивного комплекса лагерной художественной культуры и могут быть классифицированы следующим образом: 1) жестокость и правила жизни на зоне; 2) любовная лирика; 3) свобода и воля как мечта. Речевая тактика отрицательной оценки социокультурного фона на уровне смены регистра (включения в текст оценочной, жаргонной и обсценной лексики) усиливает общую экспрессивизацию повествования и эксплицитно реализует коммуникативную стратегию прямой оценки в текстовом поле.

Нужно отметить, что С. Довлатов был объективен к себе, критически оценивая свои стихи («я пошлю стишок, впрочем, довольно плохой» [207, с. 34], «Очень прошу <...> никому не показывать стишков» [207, с. 39], «Это плохое стихотворение. И это плохое» [207, с. 40], «Это просто кошмарное» [207, с. 41]). Так, в стихах часты неудачные рифмы, на что указывала С. Довлатову его

родственница М.С. Довлатова, старший редактор издательства «Молодая гвардия»: «Мара пишет, что у меня нелады с рифмой» [207, с. 43]. Приведем примеры, демонстрирующие авторский поиск рифмы: «Часть идет дорогами прямыми / Я вот, извини меня, такой» [207, с. 21], «сердце мое стучит по ночам / едри ее в душу, печаль» [207, с. 21], «я поверил им этим последним словам / те руки, которым я след от кольца целовал» [207, с. 21], «Лежим в казармах / Мы тоже армия» [207, с. 39], «Печной уют и таракан домашний / Кривая хатка на второй Весляне» [207, с. 40], «Я знаю, что лихие мастаки / Порою нам, бездельникам, завидуют. / Они себе конторами заведуют / А мы царапаем стихи» [207, с. 68].

Во многих случаях С. Довлатов категорически не согласен с низкой оценкой его способа рифмовки строк, считая, что «это, пожалуй, единственное, что <...> без труда дается» [207, с. 43], видя в неточной рифме оригинальность собственного стиля. Нарративная стратегия прямой оценки реализуется прежде всего на содержательно-тематическом уровне: «Песня, хмурая, острожная, / Да могила без креста» [207, с. 29], «Давай споем, товарищ по несчастью / Вполголоса споем про нашу жизнь» [207, с. 59], «На гитаре играет солдат / Заключение рядом сидят» [207, с. 83]; на уровне авторской иронии «Но я не собираюсь умирать / Еще так мало выпито и съето» [207, с. 60], «Мне от рожденья было суждено / Не от ножа, а от любви подохнуть» [207, с.:41].

Еще одной доминантной текстопорождающей стратегией в поэтических текстах С. Довлатова является стратегия экспликации комического эффекта, реализующаяся при помощи универсальной речевой тактики языковой игры с адресатом, которая впоследствии станет доминирующей в его творчестве: «Не набить ли мне морду себе самому / И не сесть ли потом на пять суток за драку» [207, с. 49]; «Не зря интеллигентного меня / Четырежды проигрывали в карты» [207, с. 57]; «Ест Федька с водкой редьку / Ест водка с редькой Федьку» [207, с. 94]; «На станции метро, среди колонн, / Два проходимца пьют одеколон» [207, с. 97].

Несмотря на нарочитую традиционность тематики стихов, основным лирическим мотивом авторской рефлексии, являются грубость и жестокость лагерной среды, рождающие настроения тоски, депрессии, скуки: «Не знаю я, что вытертый талмуд / Толкует о чистилище и аде / Но я не сам пришел в твою тайгу» [207, с. 18]; «И скука, проклятая скука / Сильней с каждым днем и сильней / Земля тоже вертится, сука! / И нет порядка на ней» [207, с. 24]; «Я – солдат, иду, куда пошлют / Скажут в Ропчу, я поеду в Ропчу / Меньше офицеров, больше шлюх, / То, что нам и требуется в общем» [207, с. 25].

Таким образом, основной текстопорождающей стратегией создания стихотворных текстов у С. Довлатова стала стратегия прямой оценки, соответствующая коммуникативной интенции автора: изображение социокультурного фона тюремно-лагерной среды, изображение окружающей психологической атмосферы, также в стихах автором впервые апробируется ставшая впоследствии доминантной в его авторском дискурсе стратегия экспликации комического эффекта. Выбранные текстопорождающие стратегии реализуются при помощи речевых тактик отрицательной оценки и языковой игры с адресатом. Кроме того, несмотря на невысокую художественно-эстетическую ценность стихов, нельзя умалять значимость поэтического опыта в становлении творческой личности С. Довлатова-прозаика. Ту же мысль транслирует и отец прозаика, утверждая, что, несмотря на то что «Сережа считается одаренным писателем по последующим литературным работам. Стихи никоим образом его не дискредитируют» [207, с. 9]. В следующей части параграфа обратимся к дискурсу-анализу повести С. Довлатова «Зона. Записки надзирателя».

В настоящий момент тема тюремно-лагерной культуры актуализируется не только в пределах художественного дискурса в творчестве таких авторов, как А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов, Л. Разгон, В. Гроссман, но также и в литературно-критических текстах О.В. Васильевой, Е.В. Волковой, В.В. Есипова, Л.В. Жаравиной, Ю.В. Маловой, А.В. Сафронова, И.Н. Сухих, репрезентирующих литературно-критический дискурс.

Новый и достаточно оригинальный материал по исследованию традиций тюремно-лагерной субкультуры, литературы и фольклора содержится в художественном дискурсе С. Довлатова. Исследовательский фокус в настоящем фрагменте работы направлен на повесть С. Довлатова «Зона» с целью выявления нарративных текстопорождающих стратегий и реализующих их речевых тактик в художественном творчестве С. Довлатова.

Необходимо отметить, что в литературоведении ранее предпринимались попытки разноаспектного осмысления повести «Зона»: с содержательно-тематической точки зрения (М.Н. Дмитриева), с позиции жанровой специфики (М.Н. Миркурбанов), с точки зрения интертекстуальных связей (О. Богданова, Е. Власова), с композиционно-содержательной точки зрения (А.О. Большев) и метаповествовательного компонента повести (М.Ю. Егоров). Однако, несмотря на существование достаточного количества научных работ, посвященных литературоведческому анализу творчества С. Довлатова, языковые и стилистические средства экспликации культурных традиций тюремно-лагерной тематики, зависящие от характера адресанта или структуры категории автора в художественных текстах писателя, до сих пор остаются не изученными. Кроме того, необходимость изучения оригинально-авторской репрезентации тюремно-лагерной субкультуры в художественном и эпистолярном типах текстов диктуется отсутствием исследований в рамках проблематики лингвистики дискурса.

В современной гуманитарной науке на данный момент существует около 40 определений тюремно-лагерной субкультуры. Так, И.В. Лысак и Ю.Ю. Черкасова под тюремной субкультурой понимают «совокупность образа жизни, норм, ценностей, ритуалов, культурных артефактов, выработанных лицами, отбывающими наказание в учреждениях пенитенциарной системы» [114, с. 18]. Оценивая коммуникативную сущность и специфику лагерной субкультуры, И.В. Абрамкин [2] и Ю.К. Александров [10] дифференцируют понятия «тюремной» и «лагерной» субкультуры по типу исправительного учреждения (лагерный или тюремный): для обоих из них характерны особые ритуалы,

традиции, фольклор, язык. И.В. Абрамкин считает, что «в основе российской тюремно-лагерной субкультуры лежат базовые (терминальные) ценности традиционной русской культуры: не народ у нас криминален, а криминал (точнее, арестантское сообщество) народен (культурен)» [2, с. 114]. Значительной частью тюремно-лагерной субкультуры является «лагерная» авторская литература.

В настоящее время в литературоведении «лагерная» проза осмысливается как особый жанр со своей спецификой (тематическая близость произведений, их социально-философская направленность: в центре – образы лагеря и его обитателей). Так, М.И. Райзман выделяет пять наиболее характерных для тюремно-лагерной литературы черт: 1) автобиографичность; 2) установка на документальную точность повествования; 3) фактографичность; 4) включение в композицию сцен насилия и реакции на него людей; 5) широкое жанровое разнообразие (рассказы, повести, записки, документальные очерки) [146, с. 13–16].

С.Б. Пономарев и Г.Б. Тихонов, обобщая предыдущий опыт исследователей, характеризуют «тюремную субкультуру как альтернативную, конфронтационную базовой культуре общества субкультуру (контркультуру)» [138, с. 118].

Е.С. Ефимова, изучив историю возникновения тюремной субкультуры, отмечает, что «русская криминальная субкультура зародилась в глубокой древности. Ранние свидетельства о ней находим в былинах, разбойничьих песнях и преданиях о разбойниках <...> Наиболее древний пласт арготизмов восходит к лексике новгородских и волжских речных разбойников, бурлаков, калик переходящих. Создателями арго и криминального фольклора являлись и бродячие ремесленники, торговцы (офени)» [74, с. 57]. Древнейшие образцы использования обценной лексики в письменных источниках, как отмечает А.Ю. Плущер-Сарно [219], были обнаружены еще в берестяных грамотах XII–XIII веков. По утверждению Е.С. Ефимовой, первые произведения в жанре тюремно-лагерной литературы, а также песенники тюремно-лагерного фольклора на Руси, датируются серединой XVIII века.

Научный интерес к тюремной субкультуре исследователи проявили лишь в XIX веке. Первые публикации литературоведов, рассматривающих лагерные тексты с точки зрения жанровой принадлежности, появились только в конце XX в [74].

Е.В. Нарбут заключает, что «каторжная» литература, которая существует на протяжении нескольких веков, послужила своеобразным прообразом современной лагерной прозы, и отчасти ее происхождение связано с потребностью авторов поделиться с читателем пережитым опытом [123, с. 121].

Изучение творческого наследия С. Довлатова с точки зрения лингвистики дискурса и применения метода дискурс-анализа позволяет выявить и систематизировать главные нарративные стратегии построения текста тюремно-лагерной тематики и определить репертуар речевых тактик, реализующих выбранные стратегии.

В художественной прозе С. Довлатова исследовательский интерес привлекает изучение экстралингвистических факторов, особенно – категорий адресанта (автора) и адресата (читателя), организующих текст с точки зрения активности применения определенных текстопорождающих стратегий и реализующих их речевых тактик.

Ранее нами было установлено, что идея «написать занятную повесть» назревала у будущего писателя еще во время прохождения армейской службы в качестве надзирателя в лагере особого режима. Времени армейской службы оказалось достаточно, чтобы собрать необходимое количество материала для будущего произведения, С. Довлатов резюмирует: *«я знаю множество историй и легенд преступного мира»* и *«подобно Шахерезаде могу рассказывать их три года подряд»* [Довлатов, 2005: 89].

В повести С. Довлатова «Зона. Записки надзирателя» содержится художественное осмысление темы тюремно-лагерной субкультуры. Данный текст представляет научно-исследовательский интерес прежде всего с композиционной точки зрения: писатель использует «сразу несколько “внешних” структурных компонентов: эпитафия, письма к издателю и микророманы, которые объединяет в

единое смысловое целое категория автора» [90]. Такой сложной композиционной организацией обеспечивается гетерогенность текстового поля (нарративная стратегия интердискурсивности повествования). Кроме того, концептуально важной текстообразующей категорией здесь становится категория автора, которая репрезентируется следующими типами нарратора: 1) автор писем к издателю (абстрактный автор); 2) рассказчик Борис Алиханов (эксплицитный диегетический нарратор); 3) форма «авторского всеведения» (имплицитный нарратор). Как показало проведенное исследование, смена типа нарратора внутри текстового целого определяет стилистико-языковую организацию текста в художественной репрезентации тюремно-лагерной субкультуры.

Важно отметить, что категория автора присутствует только в художественной коммуникации, где традиционно дифференцируются три «ведущие смысловые категории» – «автор, нарратор, персонаж» [12, с. 7]. В основе типологии нарратора лежит множество критериев: тип присутствия в тексте (эксплицитный / имплицитный); участие в истории (диегетический / недиегетический); степень осведомленности и пространственной позиции (вездесущий / ограниченный), степень выявленности, информированность (всеведущий / ограниченный по знанию) и др.

Немецкий нарратолог В. Шмид дифференцирует следующие ипостаси автора: 1) конкретный автор – создатель художественного произведения; 2) абстрактный автор, «семантический центр произведения, та точка, в которой сходятся все творческие линии текста» [187, с. 48); 3) фиктивный нарратор: а) недиегетический (не присутствующий эксплицитно) и б) диегетический, вербализованный одним или несколькими способами (главный герой, второстепенный персонаж, и т.д.).

Рассмотрим структуру категории автора в повести С. Довлатова «Зона». Номинация «автор» впервые появляется в виде подписи в эпитафии, с одной стороны, – это комментарий к тексту самого С. Довлатова, который обозначает себя как «автор». С другой стороны, эпитафия может быть интерпретирована как один из структурных элементов категории автора, как отвлечение от

биографического автора, указание на фигуру рассказчика С. Довлатова, эксплицированного в дальнейшем в письмах к издателю. Построенный на фигуре словесного парадокса и направленный на создание эффекта неожиданности, алогичности авторского суждения, эпиграф настраивает читателя на непринужденный, легкий, остроумный стиль повествования: «Имена, события, даты – все здесь подлинное. Выдумал я лишь те детали, которые несущественны, сходство между героями книги и живыми людьми является злонамеренным... художественный домисел – непредвиденным и случайным» [212, с. 7].

Категория автора в повести С. Довлатова «Зона» представлена несколькими типами нарратора. Проанализируем способы языковой репрезентации тюремно-лагерной субкультуры с точки зрения всех типов нарратора: 1) автора писем к издателю; 2) рассказчика Бориса Алиханова и 3) формы «авторского всеведения» – в микроновеллах.

Письма к издателю в повести «Зона» насчитывают 15 единиц, в которых автор-нарратор С. Довлатов напрямую (от первого лица) обращается к реальному лицу – издателю И. Ефимову. С одной стороны письма к издателю выступают в функции ремарок, пояснений, поэтому реальный автор и нарратор С. Довлатов оказываются максимально приближенными друг к другу. С другой стороны, письма к издателю интерпретируются как неотъемлемая смысловая часть повести, образующая единое целое с эпиграфом и 14 микроновеллами. Письма к издателю отделяются от художественных фрагментов повести (микроновелл) визуально-графически, они набраны курсивом и могут быть восприняты адресатом как оригинальная форма организации текста, репрезентирующая сложную многокомпонентную структуру категории автора.

На то, что автором писем к издателю является личность, близкая биографическому С. Довлатову, указывают следующие структурные элементы:

1) фиксируется место написания и отправления письма (12 писем из Нью-Йорка, остальные – из Миннеаполиса, Бостона, Принстона);

2) называется год знакомства с издателем И. Ефимовым: «мы познакомились в шестьдесят четвертом году» [212, с. 16];

3) приводятся реальные факты биографии С. Довлатова (рассказы о детстве, юношестве, упоминаются родственники (родители, брат, жена) и друзья (П. Вайль и А. Генис);

4) включаются воспоминания об армейской службе надзирателем в конвойных войсках;

5) нарратор в повести – тезка писателя («Сережу мысли не интересуют»).

Несмотря на перечисленные биографические и событийные параллели – это все же не конкретный, исторически существующий писатель С. Довлатов, а абстрактный автор, художественная инстанция, которой дано определенное знание, а также право размышления на отвлеченные темы, рассуждения о добре и зле, о жизни, о литературе, собственном литературном призвании. По В. Шмиду, «абстрактный автор является только антропоморфной ипостасью всех творческих актов, олицетворением интенциональности произведения. Абстрактный автор реален, но не конкретен. Он существует в произведении не эксплицитно, а только имплицитно, виртуально, на основе творческих следов-симптомов, и нуждается в конкретизации со стороны читателя» [187, с. 31].

Первое и последнее письмо в целом соответствуют классическим эпистолярным канонам: указаны дата и место написания, далее следует обращение к адресату (причем, первое письмо содержит официально-уважительное обращение: «Дорогой Игорь Маркович!» [212, с. 7]), последнее письмо демонстрирует остроумно-дружеское обращение «накоротке»: «Дорогой Игорь! (Ваше отчество растряслось на ухабах совместного путешествия.)» [212, с. 191]). Оба письма содержат информативную и финальную, без традиционного заключительного прощания, части.

Другие 13 писем к издателю далеки от классической композиции жанра письма, в них сохраняются только дата и место отправления, в остальном они соответствуют характерной для авторского дискурса С. Довлатова нарративной стратегии экспликации комического эффекта: автор писем рассказывает то личные житейские истории, то анекдоты и шутки, то остроумно и живо иронизирует над «русскими американцами».

В пяти письмах содержатся истории из лагерной жизни, предвосхищая появление в микроновеллах еще одного рассказчика (Бориса Алиханова), а пока как бы вместо него повествователь вводит читателя в основную тему произведения с позиций рассказчика, который не в силах долго находиться в стороне и хранить молчание. Во всех письмах повествование ведется от 1 лица, что максимально сближает абстрактного и конкретного автора. В. Шмид видит главную роль реального автора художественного произведения в «вымысливании излагаемых событий и излагающего их нарратора» [187, с. 44].

Исследовательский интерес представляет девятое письмо к издателю от 17 мая 1982 г., – своеобразное лирическое отступление-эссе, где автор пытается показать жизнь «запретки» с непривычной для читателя стороны (ад – не тюрьма, *«ад – это мы сами»* [Карташова, Бобыкина, 2021: 367]). С точки зрения автора, доминирующей составляющей лагерной субкультуры является язык. С одной стороны, лагерный язык существует и функционирует по своим особым законам, далеким от канонов языкознания, это *«не цель, а средство»* [212, с. 102]. Язык на зоне часто не используется по своему прямому назначению, *«зеки экономят на бытовом словесном материале, предельно кратко выражая свои мысли»* [212, с. 102]. С другой стороны, язык является инструментом для словотворчества: *«лагерная речь – явление творческое, сугубо эстетическое, художественно-бесцельное, лагерный язык – затейлив, картинно живописен, орнаментален и щеголеват»* [212, с. 102]). Эссе заканчивается мыслью автора о том, что *«есть красота и в лагерной жизни. И черной краской здесь не обойтись»* [212, с. 102]. Автор писем к издателю присутствует в тексте эксплицитно, дает комментарии от первого лица.

Реализация категории автора завершается в третьем архитектурном элементе повести – микроновеллах (14 единиц), в которых изображается жизнь заключенных и надзирателей в зоне. В новеллах наблюдается постоянная смена типа нарратора: изложение ведется то от лица рассказчика Бориса Алиханова (эксплицитный тип нарратора), то активно используется форма повествования от третьего лица (всезнающий имплицитный тип нарратора). Смена типа нарратора

внутри единого текстового целого, на наш взгляд, может быть интерпретирована как авторский дискурсивный ход, обеспечивающий репрезентацию элементов тюремно-лагерной субкультуры в «художественном осмыслении» на основе использования определенных нарративных текстопорождающих стратегий и реализующих их речевых тактик.

Важно подчеркнуть, что письма к издателю и микроновеллы то сближаются, то противопоставляются друг другу в зависимости от типа нарратора. Согласно авторскому замыслу, каждое письмо к издателю сопровождается законченным фрагментом текста – микроновеллой, которая как бы высылается издателю для прочтения и рецензирования: в нескольких письмах содержится настоятельная просьба высказать мнение о прочитанном. Микроновеллы отделены от писем к издателю визуально-графически, набраны обычным прямым шрифтом, который используется в книгоиздании. Особый исследовательский интерес в микроновеллах представляет структура категории автора, точнее переключение способов повествования между несколькими типами нарратора: 6 новелл написаны от третьего лица (имплицитный всеведущий тип нарратора), 8 новелл – от первого лица (диегетический эксплицитный тип нарратора – Борис Алиханов).

Обратимся к анализу микроновелл, в которых повествование ведется от третьего лица. Несмотря на то, что каждая из них может прочитываться как самостоятельная, законченная история из жизни заключенного или надзирателя, в них имплицитно присутствует рассказчик, который находится «в гуще событий», все видит, знает, оценивает. Такой имплицитный тип повествователя является «антропоморфной ипостасью всех творческих актов, олицетворением интенциональности произведения» и реализует «принцип вымышления нарратора и всего изображаемого мира. У него нет своего голоса, своего текста. Его слово – это весь текст во всех его планах, все произведение в своей сделанности» [12, с. 31].

В контекстах новелл, где используется повествование от 3 лица, нарратор репрезентирует использование лингвистических маркеров тюремно-лагерного дискурса (текстопорождающая стратегия интердискурсивности повествования):

– грубой просторечной лексики («сучья твоя порода» [212, с. 38], «ах, ты, *сволочь*» [212, с. 40], «можно и в *рыло заехать*» [212, с. 98];

– жаргонизмов («лагерное «сеанс» означает <...> положительное чувственное ощущение» [212, с. 20], «*сблочил бы манжеты*. Или боишься, что *винта нарежу?*» [212, с. 148];

– воровского аргю («*курва, приморю*» [212, с. 59], «*шабером под ребра*» [212, с. 83], «*месырь*, отнятый при *шмоне*» [212, с. 97].

Стратегия интердискурсивности реализуется при помощи универсальной тактики монтажа дискурсов разных типов, нами были обнаружены маркеры:

– бытового дискурса: «На плече его видна была *татуировка: голая женщина* и рядом слова: «*Милэди, я завтра буду с вами!*» [212, с. 51];

– административного дискурса на уровне смены регистра (смещения грубо-просторечной и книжной лексики): «А *мадам* тебе в ответ: *женись, паскуда!*» [212, с. 141], «*нанес телесное повреждение в количестве шести зубов... от клыка до клыка включительно*» [212, с. 183].

Текстопорождающую стратегию экспликации комического эффекта продуктивно реализует речевая тактика языковой игры на уровне:

– парадокса «Отчего ты полюбил именно ее, эту Анеле? – *Не могу же я любить всех баб под Ригой*» [212, с. 37];

– афоризмов: «Падать – не залазить» [212, с. 177], «Жизнь обгоняет мечту» [212, с. 32];

– эффекта обманутого ожидания: «Какой уж там рай <...> Таких и в дисбат не примут. А я на этом фоне, может, и проскочу, как беспартийный» [212, с. 34], «климат похуже, чем на Луне. – Ты был на Луне? – Я и в отпуске-то не был» [212, с. 122];

– полисемии: «И что вы себе мыслите, – делает прокурор? – Прокурор делает выводы» [212, с. 22], «Думаешь бежать? – Ага, трусцой. Говорят, полезно» [212, с. 70]; параномазии: «у меня сапоги деверем пошиты. – Как это деревом?» [212, с. 82].

В третьей микроновелле появляется еще один рассказчик – Борис Алиханов. Первое упоминание о нем реализуется от лица имплицитного всеведущего типа нарратора: «Алиханов был <...> надзирателем штрафного изолятора» [212, с. 28]; «На лице его постоянно блуждала рассеянная и одновременно тревожная улыбка. Интеллигента по ней можно узнать даже в тайге. Это выражение сохранялось при любых обстоятельствах» [212, с. 29]; «Алиханов был хорошим надзирателем» [212, с. 29]; «В казарме его уважали, хоть и считали чужим. А может, как раз поэтому и уважали» [212, с. 30]; «Чтобы заслужить казарменный авторитет, достаточно было игнорировать начальство. Алиханов легко игнорировал ротное командование» [212, с. 30].

Следующие 8 микроновелл написаны от лица рассказчика – Бориса Алиханова. В этих текстах происходит интересное взаимодействие абстрактного автора из писем к издателю (близкого, но не тождественного биографическому С. Довлатову) и диегетического нарратора Б. Алиханова, у них много точек биографического и реально-фактологического совпадения:

- лагерь особого режима находится в Республике Коми;
- Борис Алиханов «родился в интеллигентном семействе, где недолюбливали плохо одетых людей. А теперь он имел дело с уголовниками в полосатых бушлатах» [212, с. 29];
- Борис Алиханов любит читать, просит в тюремной библиотеке рассказы Бунина;
- герой предельно вежлив как с заключенными, так и с начальством; в одном из фрагментов Алиханов пытается писать стихи и прозу;
- Алиханов высокого роста: «Габариты у тебя солидные, не промахнешься...» [212, с. 68], «Когда-то я был перспективным армейским тяжеловесом» [212, с. 135];
- он боксер;
- имеет неоконченное высшее образование: «У меня было два курса ЛГУ. Думаю, я был самым образованным человеком в Республике Коми...» [212,

с. 133]; поскольку Алиханов был образованным, то половина офицеров была с ним на «вы»; в другом фрагменте Алиханов пишет письмо родителям и брату;

– и наконец, ввиду своей интеллигентности и образованности, Алиханов назначен «помощником режиссера» в постановке пьесы «Кремлевские звезды», где «старался проявлять какую-то активность <...> употребляя выражения – мизансцена, сверхзадача, публичное одиночество» [212, с. 160]).

И. Сухих справедливо называет Бориса Алиханова «alter ego автора» [167, с. 94], сочетающего в себе автобиографичность и черты литературных персонажей.

Таким образом, изучение категории автора в повести С. Довлатова «Зона. Записки надзирателя» дает возможность сделать следующие выводы:

1) структура категории автора представляет собой взаимосвязь трех типов нарратора: абстрактный автор, максимально приближенный к автору биографическому, эксплицируемый в эпиграфе и письмах к издателю (повествование от первого лица); имплицитный всеведущий тип нарратора, вербализующийся в микроновеллах в грамматической форме изложения от третьего лица; диегетический, эксплицитный, тип нарратора – рассказчик Борис Алиханов (повествование от первого лица);

2) многокомпонентная структура категории автора, с нашей точки зрения, является одним из важных текстообразующих элементов повести С. Довлатова «Зона. Записки надзирателя»;

3) категория автора усиливает функционирование в текстовом поле нарративных стратегий интердискурсивности повествования, экспликации комического эффекта, ориентации на интерпретационную программу адресата, реализующихся при помощи речевых тактик монтажа дискурсов, языковой игры на разных уровнях, введения в текст лингвистических маркеров-подсказок;

4) отбор перечисленных нарративных стратегий и реализующих их речевых тактик интерпретируется нами как способ аттракции адресата, вовлечение его в процесс «живой» литературно-художественной коммуникации.

В следующей части данного параграфа обратимся к дискурс-анализу еще двух значимых в осмыслении языковой личности С. Довлатова прозаических текстов – «Компромисс» и «Иностранка». Повести С Довлатова «Компромисс» и «Иностранка» представляют собой яркий пример функционирования нарративной текстопорождающей стратегии интердискурсивности повествования и представляют, на наш взгляд, значительный научно-исследовательский интерес.

В предыдущем параграфе нами было продемонстрировано, как, найдя однажды свежее решение, придумав оригинальный дискурсивный ход, С. Довлатов подверг литературной обработке свои публицистические тексты и превратил их в единое художественное целое. Однако, если в «Марше одиноких» наблюдается минимум «литературных правок» (добавлены лишь две стилизованные «колонки редактора»), то сборник «Компромисс», материалом для которого также послужили публицистические тексты С. Довлатова, подвергся гораздо более серьезному художественному усовершенствованию.

В повести «Компромисс» отражена журналистская деятельность С. Довлатова в «таллиннский» период (1972–1975 гг.). В связи с чем, повесть представляет значительный интерес для исследователя, так как художественное произведение создается на основе авторской обработки публицистических текстов, что, безусловно, находит отражение в оригинальности композиционной структуры и стилевых особенностях, позволяющих рассматривать их как «монтаж» дискурсов разных типов.

Нужно отметить, что ранее литературоведами О.В. Богдановой и Е.А. Власовой предпринималась попытка применения метода дискурс-анализа к повести С. Довлатова «Компромисс». Авторами работы «на фоне интердискурсивности» был установлен центральный «мотив превращения», эксплицирующий автобиографичность и псевдодокументализм [31, с. 418]. Актуальность нашего исследования, с одной стороны, видится в его вхождении в круг интересов достаточно нового в отечественном языкознании направления – лингвистики дискурса, с другой – недостаточной изученностью повести с позиций дискурс-анализа. Исследовательский фокус направлен на выявление специфики

функционирования лингвистических и экстралингвистических маркеров нарративной стратегии интердискурсивности в художественном тексте.

Для того чтобы доказать, что нарративные стратегии интердискурсивности (то есть взаимодействия элементов различной дискурсивной принадлежности в едином текстовом целом), экспликации комического эффекта и направленности на интерпретационную позицию адресата являются текстообразующими в повести С. Довлатова «Компромисс» и репрезентируют стилевую оригинальность данного произведения, необходимо исследовать 1) композиционную структуру повести «Компромисс»; 2) лингвистические и содержательные маркеры интердискурсивности; 3) выбранные автором речевые тактики, реализующие нарративные текстопорождающие стратегии.

Обратимся к повести С. Довлатова «Компромисс» с целью последовательного изучения обозначенных параметров.

Композицию повести составляют эпитаф-посвящение, предисловие и 12 частей-«компромиссов», озаглавленных порядковым номером и представленных двухчастной структурой: 1) датированными авторскими текстами из газет «Советская Эстония», «Молодежь Эстонии» («Компромисс третий»), «Вечерний Таллинн» («Компромиссы четвертый, шестой и десятый»); 2) вновь созданными художественными текстами, обработанными «по мотивам публицистических произведений».

Каждый из двенадцати компромиссов является «монтажом» двух текстотипов: газетного (фрагменты журналистских материалов С. Довлатова, подготовленные для различных периодических изданий) и художественного (литературно обработанные публицистические тексты автора). Литературные критики, знакомые с историей создания повести, утверждают, что все «эпизоды создавались как отдельные новеллы, не снабженные газетными преамбулами», идея публикации книги в таком формате возникла у С. Довлатова позже [167, с. 462].

В «Компромиссе» так же, как и в ряде других художественных произведений С. Довлатова, нарративный диалогизм задается эпитафом-

посвящением («Н.С. Довлатовой – за все мучения!» [209, с. 175]), интерпретируемым как авторский прием «диалогизации монолога, введения в него иной, неавторской точки зрения» [104, с. 61]. Когнитивный акцент в «Компромиссе» смещается в сторону позиции адресата: данный структурный элемент композиции не эксплицирует явно коммуникативную интенцию автора относительно дальнейшего повествования, но «приводит в движение тезаурус читателя» [179, с. 204], как бы активируя в сознании реципиента его социокультурный опыт. Так, в процессе осмысления исходного дискурса в воспринимающем сознании адресата может возникнуть новый, отличный от авторского, дискурс: с одной стороны, читатель легко может дифференцировать лицо, которому книга посвящена (мать писателя Нора Сергеевна Довлатова); с другой – авторский замысел посвятить произведение именно матери может породить риторические вопросы в сознании адресата («Почему не первой жене или дочери?», «Почему не второй, таллиннской жене и дочери?» и т.п.).

В следующей композиционной единице – предисловии – автор как бы предвосхищает диалог дискурсов: наряду с аргументацией решения опубликовать свои «газетные вырезки» прочитывается писательская интенция привлечения вымысла как художественной обработки публицистических текстов: «Пожелтевшие листы. Десять лет вранья и притворства. И все же какие-то люди стоят за этим <...> В один ручей нельзя ступить дважды. Но можно сквозь толщу воды различить усеянное консервными банками дно. А за пышными театральными декорациями увидеть коричневую стену, веревки, огнетушитель и хмельных работяг. Это известно всем, кто хоть раз побывал за кулисами» [209, с. 258]. В текстовом поле «Компромисса» функционирование избранной изначально нарративной стратегии интердискурсивности повествования усиливается сложной структурой категории автора: повествование ведется то от абстрактного (журналист по имени Сергей Довлатов), то от эксплицитно выраженного, диегетического (рассказчик Борис Алиханов), то от имплицитного (повествование от третьего лица) типов нарратора. Многокомпонентная структура категории адресанта обеспечивает переключение дискурсов: от журналистского

ремесла (публицистический дискурс) читатель приглашается «за его кулисы», где становятся видны вымышленные автором «кирпичные стены, веревки, огнетушитель, хмельные работяги» (художественный дискурс) [209, с. 176].

Следующие за предисловием двенадцать компромиссов также представляют собой «монтаж» публицистического и художественного дискурсов, однако их диалогизм интенсифицируется одновременным существованием в текстовом художественном поле элементов дискурсов других типов: 1) советского идеолого-политического дискурса («Компромисс первый, четвертый, пятый, седьмой, десятый»); 2) бытового («Компромисс девятый, десятый»); 3) ритуального («Компромисс пятый, одиннадцатый»); 4) военного антифашистского дискурса («Компромисс двенадцатый»).

Нарративная стратегия интердискурсивности повествования в повести реализуется при помощи универсальной речевой тактики «монтажа» дискурсов. Изначально выявленная интерпретатором авторская интенция «монтажа» двух текстотипов, публицистического и художественного, в дальнейшем расширяет свои горизонты, и адресат декодирует свободное переключение повествования между элементами нескольких (публицистического, идеолого-политического) типов дискурсов в составе художественного. Данный дискурсивный ход не только композиционно организует текстовое поле произведения, но и диктует использование определенных речевых тактик, реализующих еще одну текстопорождающую стратегию экспликации комического эффекта таких, как языковая игра с читателем на разных уровнях, включение в текст прецедентных имен и оценочной лексики.

Важно отметить, что воспитанный в условиях советской действительности, С. Довлатов навсегда усвоил ее идеологию, запреты, несвободу личного мнения. Как показывают наши наблюдения, советский идеологический дискурс лег в основу всего художественного творчества писателя, примеры высмеивания режима СССР, саркастические шутки в сторону главных политических деятелей страны обнаруживаются в каждом произведении.

Так, в «Компромиссах первом, четвертом, пятом, седьмом и десятом» нами были обнаружены многочисленные маркеры советского идеолого-политического дискурса, комически обыгранные автором. Например, при перечислении стран в новостных репортажах нужно соблюдать «железную очередность»: демократические страны, затем – нейтральные государства. И, наконец, – участники блока, традиционное перечисление по алфавиту является «грубой идеологической ошибкой» [209, с. 177]. Или: С. Довлатов написал для рубрики «Эстонский букварь» детский стишок, где медведь говорит по-эстонски. Редактор назвал стишок «шовинистической басней», потому что медведь должен говорить «на языке одной из капиталистических стран» [209, с. 192].

Стратегия экспликации комического эффекта реализуется при помощи универсальной речевой тактики языковой игры с адресатом на уровне:

а) полисемии («Вы одобряете культ личности? Культ есть и будет Личность нужна, понимаете, личность!» [209, с. 225]);

б) иронии («Речь зашла о гомосексуализме. – У нас за это судят, – похвастал я. – А за геморрой у вас не судят?» [209, с. 229]);

в) антитезы («Не знаю, как это вышло. Я и мать – положительные люди, а сын – отрицательный» [Довлатов, 209, с. 201]);

г) сравнения («Я был подобен советскому рублю. Все его любят» [209, с. 236]).

Кроме того, часто речевая тактика языковой игры с адресатом используется автором одновременно с речевой тактикой введения в текстовое поле прецедентных имен политических деятелей («Говорят, за исполнение роли Ленина платят больше, чем за Отелло? – Возможно. И убежден, это справедливо. Ведь актер берет на себя громадную ответственность» [209, с. 235]).

В «Компромиссах девятом и десятом» выявлены маркеры бытового дискурса: тематические (разговор на дружеских застольных посиделках) и стилистические (использование разговорной сниженной лексики): «Я имел больше женщин, чем ты съел котлет; *Черт бы побрал* твоего друга!» [209, с. 264]); «А бабы-то умнее, чем я думал. *Поели, выпили и ретировались*» [209, с. 265]).

Интересны с исследовательской точки зрения «Компромисс пятый и одиннадцатый», где авторское повествование переключается с публицистического на ритуальный дискурс в составе художественного. В.И. Карасик считает ритуальный дискурс «одним из типов дискурса, выделяемых на прагмалингвистическом основании» и к основным его признакам относит «высокую символическую нагруженность, содержательную рекурсивность и жесткую формальную фиксацию», уточняя, что «ритуал может включать элементы юмора» [85, с. 15]. Все эти признаки обнаруживаются в исследуемом произведении. С присущим С. Довлатову юмором описываются важнейшие этапы человеческой жизни: рождение («Компромисс пятый») и смерть («Компромисс одиннадцатый»). Приведем примеры.

В «Компромиссе пятом», доминантной текстопорождающей стратегией становится стратегия экспликации комического эффекта: здесь изображен ритуал рождения, предполагающий торжественную церемонию выписки из роддома четырехсоттысячного младенца, мальчика по имени Лембит (во-первых, «мальчик как-то символичнее», а во-вторых, с таким именем он просто «обречен на счастье», потому что «Лембит – хорошо, мужественно, символично звучит», но по-эстонски) [209, с. 206]). Избранная автором стратегия реализуется здесь при помощи тактики языковой игры на уровне иронии: «Младенец должен быть публикабельным»; полисемии: «Месяца четыре ждать придется. Раньше он вряд ли на человека будет похож. А кому и пятидесяти лет мало» [209, с. 196]; параномазии: «Посторонним сюда нельзя. – А потусторонним, ... можно» [209, с. 197]; парадокса: «Оставьте в покое своего засранного эфиопа! ... Дождитесь нормального человеческого ребенка!» [209, с. 202].

В «Компромиссе одиннадцатом», также эксплицирующим комический эффект, герои готовят траурную процессию погребения директора телестудии, присутствовать на которой журналисту Довлатову «поручено быть желающим» [209, с. 311], но перепутанный в морге с телом бухгалтера рыболовецкого совхоза «покойный, разминувшись с именем, казался вещью» [209, с. 315]. Кроме комизма ситуации избранную нарративную стратегию также реализует речевая

тактика языковой игры на уровне полисемии: «Садись поближе, здесь меньше трясет. – Меня везде одинаково трясет» [209, с. 309], иронии: «Жил, жил человек и умер. – А чего бы ты хотел?» [209, с. 311] и самоиронии: «Прощальное слово имеет товарищ Долматов. Кем я только не был в жизни – Докладовым, Заплатовым» [209, с. 315].

«Компромисс двенадцатый» содержит в себе маркеры антифашистского военного дискурса: тематические (ежегодная встреча узников фашистских концлагерей, где корреспонденту Довлатову дано задание осветить данное мероприятие в прессе) и вербальные: текст транспаранта («Слава бывшим узникам фашистских концентрационных лагерей!» [209, с. 319]). Все перечисленные элементы антифашистского дискурса реализуют эффект иронии, комизма, сарказма. Кроме того, стратегия экспликации комического эффекта реализуется при помощи речевых тактик языковой игры («Как будто я не узник! – Вытрезвитель не считается» [209, с. 318]), прецедентных имен («Чухонцы все такие, Адольф их лучший друг» [209, с. 322]).

Таким образом, доминантной в повести С. Довлатова «Компромисс» становится нарративная стратегия интердискурсивности повествования: в текстовом поле нами были обнаружены маркеры художественного, публицистического, советского идеолого-политического, бытового, ритуального, антифашистского дискурсов. Используя универсальную речевую тактику монтажа дискурсов, автор легко переключает повествование то на один, то на другой тип дискурса, что, с одной стороны, активизирует когнитивные процессы в воспринимающем сознании реципиента, с другой – вербальные и невербальные маркеры того или иного типа дискурса в едином текстовом целом репрезентируют нарративную стратегию ориентации на интерпретационную программу адресата и прочитываются им как «подсказки», помогающие точнее дешифровать полилог дискурсов внутри художественного поля.

Проведенный анализ повести С. Довлатова «Компромисс» с позиций лингвистики дискурса дает возможность утверждать, что адресатом данного произведения является широкая читательская аудитория, способная декодировать

авторские коммуникативные интенции: с одной стороны, развлечения адресата, обеспечения легкого прочтения; с другой, – высмеивания идеологического режима СССР. Доминантными нарративными стратегиями создания произведения являются:

а) интердискурсивность повествования, реализуемая при помощи тактики монтажа дискурсов разных типов, переключения повествования внутри художественного текстового целого;

б) экспликация комического эффекта, которая обеспечивается применением универсальных речевых тактик языковой игры на уровне иронии и самоиронии, введением в текстовое поле прецедентных имен политических деятелей;

в) ориентация на интерпретационную программу адресата, реализуемая при помощи специальных лингвистических маркеров-подсказок, «хаотично» рассеянных по текстовому полю.

Использование названных нарративных стратегий текстопорождения и устойчивого репертуара реализующих их универсальных речевых тактик, репрезентирует оригинальность авторского дискурса С. Довлатова.

Повесть «Иностранка», написанная С. Довлатовым в Америке в 1985 г., является одним из последних значимых произведений в литературном творчестве прозаика. Интенция автора относительно главного действующего лица, заявленная в названии, уточняется и конкретизируется эпитафией-посвящением: «Одиноким русским женщинам в Америке – с любовью, грустью и надеждой». Фразой «русским женщинам в Америке» С. Довлатов очерчивает содержательную направленность будущего повествования, как бы сообщая читателю, что нарратив будет построен не просто на описании жизни в эмигрантской американской среде, но именно на описании жизни одиноких русских женщин в эмиграции.

В литературно-критической среде «Иностранка» была воспринята неоднозначно: наряду с *негативными* (В. Бондаренко: «писательская неудача» [36, с. 30]; И. Сухих: «история Маруси Татарович слишком предсказуема и выдумана» [167, с. 176], *нейтральными* (В. Куллэ: «Довлатов американских повестей <...> среднее арифметическое двух <...> авторских масок <...> Его

юмор стал тоньше и чуть сентиментальнее» [214, с. 488]) оценками встречаются даже *комплементарные* (А. Зверев: «Иностранка» – водевиль в чеховском понимании слова. Смешной, даже очень смешной абзац за абзацем» [214, с. 367]).

Ранее были предприняты попытки анализа повести «Иностранка» с точек зрения: интертекстуальности (Г. Доброзракова), автоинтертекстуальности (О. Богданова, О. Власова), идиостиля (Л. Самыгина, которая считает, что именно здесь «наиболее полно раскрывается индивидуальная творческая манера, самобытность автора как языковой личности, он достигает творческой зрелости как в манере написания, так и в безошибочном выборе актуальной темы повествования» [Самыгина, 2011: с.118]). В данной части параграфа рассмотрим повесть С. Довлатова «Иностранка» под углом зрения лингвистики художественного дискурса с целью определения роли нарративной стратегии интердискурсивности в структурно-композиционной организации художественного текстового целого. Главной исследовательской гипотезой в настоящей части работы является гипотеза о том, что полилог дискурсов, или дискурсная гетерогенность, репрезентирующая авторский дискурс С. Довлатова в целом, в исследуемом произведении также является его доминирующей текстопорождающей стратегией, для доказательства выдвинутой гипотезы проведем дискурс-анализ повести «Иностранка».

Об интердискурсивности художественного текста уместно говорить тогда, когда в нем исследователем-интерпретатором доказательно выявлено два или более типов дискурса. Выше нами были определены четыре группы маркеров смены типа дискурса в текстовом целом, главным механизмом интердискурсивного взаимодействия является диалог/полилог дискурсов, коррелирующая с соответствующими коммуникативными сферами в пределах одного текста. С нашей точки зрения, в качестве критерия дифференции типов дискурса уместно взять за основу «трехмерный» подход, предложенный В.И. Карасиком: «1) с позиции тематики; 2) с позиции участников общения; 3) с позиции тональности общения» [85, с. 7].

Обратимся к анализу повести С. Довлатова «Иностранка», основа композиционной структуры которой представлена полилогом дискурсов внутри текстового поля.

Композиционная организация повести «Иностранка» представлена эпиграфом, за которым следуют 11 глав (частей) повести, завершается произведение «Письмом живого автора. Вместо эпилога». Рассмотрим последовательно данные композиционные части.

Эпиграф-посвящение («Одиноким русским женщинам в Америке – с любовью, грустью и надеждой» [213, с. 213], открывающий повесть, с одной стороны, эксплицирует коммуникативную интенцию автора (позиция адресанта), с другой – «приводит в движение тезаурус читателя» (позиция адресата) [179, с. 204]. Эпиграф отделен от основного текста графически (набран курсивом). Н.В. Кузьмина, посвятившая ряд работ изучению функций эпиграфа в пространстве художественного текста, считает его диалогизирующую функцию одной из ключевых. Исследователь также отмечает, что совпадение коммуникативных позиций адресанта и адресата возможно лишь в идеале, тогда как «в действительности этого не происходит: далеко не все из задуманного воспринимается адресатом и, напротив, читатель может осмысливать как значимые некоторые несущественные для автора детали» [104, с. 62]. Другими словами, воспринимающее сознание адресата способно дифференцировать различные типы дискурсов, начиная с исходного, авторского, и заканчивая новыми, рождающимися в процессе осмысления им (адресатом) содержания текста.

Следующие за эпиграфом 11 глав (частей) повести представляют собой микроновеллы, в которых явно функционирует текстопрождающая стратегия интердискурсивности повествования, реализуемая при помощи тактики монтажа дискурсов. Как показали результаты проведенного исследования, именно нарративная стратегия интердискурсивности является доминирующей в произведениях С. Довлатова и одной из конституирующих его авторский дискурс.

В ходе проведения дискурс-анализа всех частей повести «Иностранка» было выявлено переключение авторского повествования (речевая тактика монтажа дискурсов) на: а) идеолого-политический и публицистический; б) театральный; в) бытовой; г) эпистолярный типы дискурса. Кроме того, при создании повести «Иностранка» автором активно использовалась текстопорождающая стратегия экспликации комического эффекта. Приведем примеры.

В главах 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9 содержатся многочисленные лингвистические и тематические маркеры идеолого-политического и публицистического дискурсов советской эпохи, реализующие стратегию интердискурсивности повествования. Для реализации стратегии экспликации комического эффекта автором применяется универсальная речевая тактика языковой игры с адресатом на разных уровнях:

а) на уровне иронии (о родителях главной героини сообщается, что отец «стеснялся заходить в трамвай и побаивался официантов. Поэтому он *ездил в черной горкомовской машине, а еду брал из закрытого распределителя*», мать – «боялась крика и не могла уволить домработницу. Поэтому *увольнениями занимался местком, а Галина Тимофеевна вручала стахановцам награды*» [213, с. 231]);

б) путем намеренного смешения книжной, бюрократической, сниженной и разговорной лексики («*Толпы низовых бюрократов взбирались по служебной лестнице*» [213, с. 232]; *Экспроприировали деньги у миллионеров и раздали бедным. Теперь миллионеры целый день работают, а бедняки командуют и выпивают. Это справедливо*» [213, с. 233];

в) на уровне эффекта обманутого ожидания («*Октябрьскую революцию возглавил знаменитый партизан – Толстой. Впоследствии он написал «Архипелаг ГУЛАГ»* [213, с. 233]; «*Все должно быть общее. Автомобили, деньги, женщины...*» [213, с. 292]). Для усиления эффекта погружения в идеологическую среду бывшего СССР С. Довлатов вводит в повествование прецедентные имена политических вождей тех лет (Брежнева, который «покровительствовал» [213,

с. 234] отцу Муси; Сталина, когда-то подарившего шашку первому свекру героини).

В частях 2 и 9 авторское повествование тематически переключается на эстрадно-театральный дискурс, а стратегия экспликации комического эффекта реализуется при помощи речевой тактикой языковой игры. Проиллюстрируем примерами: «У некоторых певцов красивый голос. А некоторые, как говорится, поют душой. Так вот, голоса у меня нет... И души тоже нет... Чем пою – сам удивляюсь» [213, с. 243]; «Ах, есть у Маши настроение / Постигнуть машиностроение / Ах, есть у Саши настроение / Постигнуть Машино строение» [213, с. 326]). Кроме того, театрально-эстрадный дискурс в указанных главах реализуется введением в повествование прецедентных имен мэтров советской эстрады (Э. Хиля, И. Кобзона, популярней которых оказывался герой повести певец Разудалов) [213, с. 242].

В 7, 10 и 11 главах повести обнаружены тематические и вербальные маркеры бытового дискурса (многократное использование разговорных присоединительных конструкций в составе фигуры градации: «И все гости улыбались. И Лоло не сквернословил. И у Левушки – конфета за щекой. И музыка наигрывала. И все кого-то ждали. И тут явились мы» [213, с. 343], междометий («Ну, а теперь к столу!» (306), «Ну, а если более конкретно?» [213, с. 307], «Ну? <...> Ну и что?» [213, с. 300] и местоименных наречий («Тут я бестактно засмеялся) [213, с. 307], «тут явились мы» [213, с. 343]), ненормативной английской лексики «Шит, шит, шит, фак, фак, фак» [213, с. 305].

Письмо Маруси родителям в 4 главе и «Письмо живого автора. Вместо эпилога» тематически и композиционно (приветствие, основная часть, прощание, подпись, дата) сближаются с эпистолярным дискурсом. В письме родителям Маруся рассказывает о «свободе» в Америке («У входа дежурили эти самые, которые не просто, а за деньги. У одной была совершенно голая жэ. Папка бы ахнул. В этом плане свободы больше чем достаточно <...> Свободы здесь еще больше, чем в Австрии. В специальных магазинах продаются каучуковые органы. <...> Мамуля бы сейчас же в обморок упала» [213, с. 266]).

В заключительной части – «Письме живого автора» – писатель впервые вступает в открытый доверительный диалог со своим героем («Ты – персонаж, я – автор. Ты – моя причуда. Все, что слышишь, я произношу. Все, что случилось, мною пережито. Я – автор, вы – мои герои» [213, с. 344]). Это свежее авторское решение, которое может быть интерпретировано как оригинальный дискурсивный ход, обеспечивающий новое звучание стратегии интердискурсивности в исследуемой повести, реализуемой в текстовом поле при помощи универсальной речевой тактики монтажа дискурсов.

В повести «Иностранка» были выявлены маркеры политического, публицистического, эстрадно-театрального, бытового и эпистолярного дискурсов. При помощи универсальной тактики монтажа дискурсов С. Довлатов органично переключает авторское повествование на один (или сразу несколько) типов дискурса, тем самым выстраивая их диалог/полилог, который легко осознается и дешифруется читателем. Использование нарративной стратегии интердискурсивности повествования дает основания утверждать, что лингвокреативный творческий метод С. Довлатова, берущий свои истоки задолго до первых литературных проб пера в частной переписке с отцом [207], в повести «Иностранка» достигает своего апогея, становится максимально отточенным и легкоузнаваемым.

Таким образом, дискурс-анализ художественных текстов С. Довлатова позволяет сформулировать следующие выводы:

1) главными коммуникативными интенциями автора являются развлечение адресата и обеспечение адекватного восприятия читателем заложенной интерпретационной программы;

2) все художественные тексты С. Довлатова ориентированы на потенциального адресата, способного уловить и декодировать авторские коммуникативные интенции;

3) для реализации выявленных коммуникативных интенций в художественном текстовом поле С. Довлатов использует нарративные стратегии

интердискурсивности повествования, экспликации комического эффекта и ориентации на интерпретационную программу адресата;

4) выбранные автором нарративные текстопорождающие стратегии реализуются при помощи универсальных речевых тактик;

5) тактика монтажа дискурсов разных типов реализуется на уровне содержательно-тематических и лингвистических маркеров: а) идеолого-политического и публицистического дискурсов: использование политических терминов (65 единиц); антропонимов (72 единицы); политической иронии (96 единиц), звукографических элементов (5 единиц); б) театрального дискурса: включение в текст прецедентных имен артистов и режиссеров (11 единиц), театральной терминологии (25 единиц); в) тюремно-лагерного дискурса: использование жаргонной, обценной лексики, воровского арго (344 единицы); г) бытового дискурса: включение в повествование присоединительных конструкций (28 единиц), использование междометий, разговорно-просторечной лексики (247 единиц);

б) тактика языковой игры автора с потенциальным адресатом в художественном текстовом поле репрезентирована 709 единицами разных языковых уровней;

7) тактика введения в текст прецедентных имен репрезентирована 143 единицами: а) поэтов и писателей (68 единиц); б) политических деятелей (42 единицы); в) художников и музыкантов (21 единица); г) членов семьи (12 единиц);

8) ориентация на интерпретационную программу адресата эксплицируется включением в текст определенных сигналов-подсказок, что, с одной стороны, способствует запуску когнитивных процессов в сознании интерпретатора, с другой, – облегчает процесс адекватного восприятия читателем и исследователем-интерпретатором авторских коммуникативных интенций.

Выводы по главе 2

Проведенный дискурс-анализ литературно-художественного наследия С. Довлатова позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Авторский дискурс С. Довлатова, представленный эпистолярными, публицистическими, литературно-критическими и художественными текстами, начинает формироваться в 1960-е гг. XX в. Особую ценность в осмыслении языковой личности прозаика представляет переписка С. Довлатова с его отцом, театральным режиссером Д. Мечиком. Именно в ней происходит выработка творческого метода писателя.

Кроме частной переписки, к корпусу текстов эпистолярного дискурса относятся «Записные книжки» С. Довлатова, представленные короткими юмористическими заметками, кропотливо собираемыми писателем. Позже большинство текстовых фрагментов «Записных книжек» оказались включенными в художественные, публицистические, литературно-критические тексты писателя с целью экспликации комического эффекта и усиления экспрессивизации повествования.

Доминантными текстопорождающими стратегиями эпистолярных текстов С. Довлатова являются стратегия поддержания контакта, реализуемая при помощи тактики авторизации (использование личных местоимений первого лица), экспликация комического эффекта, которую продуктивно реализуют тактики языковой игры и включения в текстовое поле прецедентных имен и оценочной лексики.

2. Журналистская деятельность С. Довлатова сыграла немаловажную роль в становлении Довлатова-прозаика.

Доминантными текстопорождающими стратегиями в публицистических текстах С. Довлатова являются стратегии экспликации комического эффекта, интердискурсивности повествования, экспликации позиции интерпретатора. Данные стратегии продуктивно реализуются при помощи универсальных тактик

языковой игры, включения в текст прецедентных имен и оценочной лексики; монтажа дискурсов разных типов.

3. Блок литературно-критических текстов С. Довлатова хронологически может считаться заключительным в творческом наследии писателя: все критические отклики были написаны в последние годы жизни. Главной коммуникативной интенцией литературно-критических текстов С. Довлатова является воздействие на сознание адресата, побуждение читателя к ознакомлению с литературными фактами и явлениями.

В большинстве литературно-критических текстов С. Довлатова доминантными являются стратегии прямой и косвенной оценки литературных фактов. Стратегия прямой оценки реализуется при помощи речевых тактик положительной и отрицательной оценочности. Стратегию косвенной оценки продуктивно реализуют тактики аналогии, резюмирования, «оценки через обобщение», кооперации с адресатом.

Второстепенными при написании литературно-критических откликов становятся стратегии экспликации комического эффекта, интердискурсивности, ориентации на интерпретационную программу адресата. В текстовом поле данные стратегии реализуются при помощи речевых тактик языковой игры, включения в текст прецедентных имен; монтажа дискурсов.

4. Художественные тексты обращены к широкой читательской аудитории. Основной коммуникативной интенцией автора становится развлечение адресата, обеспечение легкости и непринужденности восприятия.

Коммуникативными интенциями диктуется отбор автором соответствующих доминантных текстопорождающих стратегий: экспликации комического эффекта, интердискурсивности повествования; ориентации на интерпретационную программу адресата. Выбранные автором стратегии реализуются при помощи универсальных речевых тактик: языковой игры с потенциальным адресатом, введения в текстовое поле оценочной лексики и прецедентных имен; монтажа дискурсов разных типов, смены типа нарратора; введения в текстовое поле специальных лингвистических маркеров-подсказок,

облегчающих декодирование адресатом авторских интенций. При создании некоторых художественных текстов С. Довлатов использовал стратегии прямой и косвенной оценки. Данные стратегии реализуются при помощи тактик аналогии и резюмирования на уровне смены регистра, то есть смешения книжной, грубопросторечной, жаргонной и обценной лексики.

5. Доминантными (присутствующими в текстах всех дискурсивных типов, репрезентирующих авторский дискурс С. Довлатова) текстопорождающими стратегиями являются экспликация комического эффекта, интердискурсивность повествования, репрезентация позиции интерпретатора. Второстепенными (используемыми автором при написании эпистолярных, литературно-критических и некоторых художественных текстов) стратегиями являются стратегия поддержания контакта, стратегия прямой и косвенной оценки.

Доминантные текстопорождающие стратегии реализуются при помощи универсальных речевых тактик языковой игры, введения в текстовое поле прецедентных имен и оценочной лексики; монтажа дискурсов нескольких типов, смены типа нарратора; включения в текст специальных авторских сигналов-подсказок, запускающих когнитивные процессы в сознании адресата и помогающих точнее декодировать авторские коммуникативные интенции.

Второстепенные нарративные стратегии реализуют тактики авторизации, аналогии, резюмирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что дискурс-анализ, один из актуальных и активно развивающихся методов в современной лингвистике, может быть продуктивно использован для изучения литературного наследия творческих личностей, оказавших заметное влияние на русскую языковую культуру. Метод дискурс-анализа дает возможность исследовать тексты в неразрывной связи с социокультурным и историческим фоном, ситуативным контекстом, помогающим интерпретатору определить и декодировать коммуникативные интенции автора, побудившие его к созданию как конкретного текста, так и всего корпуса авторских текстов. Если базовыми категориями в любом дискурсе являются адресант, адресат и сообщение, то литературный (нарративный) дискурс характеризуется разной пространственно-временной принадлежностью коммуникантов, когда один из них присутствует реально, а другой существует – в сознании адресанта/адресата, то есть домысливается.

Объектом исследования в данной работе является авторский дискурс С. Довлатова, представленный эпистолярными, публицистическими, литературно-критическими и художественными текстами. Применение метода дискурс-анализа позволило решить предварительно обозначенные задачи в полном объеме и достичь цели исследования.

Все тексты, репрезентирующие авторский дискурс С. Довлатова, в настоящей работе осмысливаются как единое динамическое текстовое целое и содержательно и стилистически коррелируют с разными дискурсивными типами, чем диктуется отбор определенных нарративных стратегий и речевых тактик текстопорождения. Нарративные текстопорождающие стратегии и реализующие их речевые тактики вербализуются через систему дискурсивных маркеров, которые были выявлены в текстах на основе разработанного алгоритма дискурс-анализа.

Последовательно изученные тексты различной дискурсивной принадлежности, репрезентирующие авторский дискурс С. Довлатова, обладают определенным набором нарративных стратегий (доминантных и второстепенных) и реализующих их речевых тактик (универсальных и специальных), которые были определены с помощью разработанного алгоритма дискурс-анализа.

Дискурс-анализ эпистолярных текстов С. Довлатова показал, что главными коммуникативными интенциями здесь являются: обмен бытовой информацией и обсуждение литературных способностей будущего писателя (частная переписка), и развлечение адресата («Записные книжки»). Адресат писем С. Довлатова – конкретные лица. «Записные книжки» могут быть интерпретированы, с одной стороны, как объект автокоммуникации, с другой, – изданный вариант обращен к широкой читательской аудитории. Доминантными текстопорождающими стратегиями эпистолярных текстов являются стратегия поддержания контакта между коммуникантами, стратегия экспликации комического эффекта и стратегия экспликации позиции интерпретатора. Данные нарративные стратегии реализуются на уровне речевых тактик с помощью введения в текстовое поле специальных маркеров-подсказок: авторизации (использование личных местоимений 1 лица, 187 единиц); языковой игры (455 единиц); введения в текст прецедентных имен (233 единицы); введения в текстовое поле интертекстом (13 единиц); оценочной лексики (171 единица).

В публицистических текстах С. Довлатова главными коммуникативными интенциями являются: развлечение, воздействие на адресата и критическая оценка. Публицистические тексты обращены к русскоговорящей читающей аудитории эмигрантов Нью-Йорка третьей волны и чаще всего представляют собой небольшие эссе и интервью, содержащие высказывания автора на определенные темы развлекательного характера. В некоторых публицистических текстах содержится идеологическая и критическая оценка автором литературного творчества русских писателей, современников С. Довлатова. Среди доминантных текстопорождающих стратегий нами выделены: экспликация комического эффекта, интердискурсивность, ориентация на интерпретационную программу

адресата. Перечисленные текстопорождающие стратегии продуктивно реализуют следующие речевые тактики: языковая игра с читателем на разных уровнях языка (139 единиц); введение в текст прецедентных имен и ситуаций (127 единиц); монтаж дискурсов разных типов (публицистического, идеолого-политического, бытового); включение в текст специальных маркеров-подсказок: цитация (25 единиц), автоцитация (15 единиц), идеологическая интерпретация излагаемых событий (28 единиц).

Коммуникативная интенция литературно-критических текстов С. Довлатова – воздействие на адресата на уровне критической оценки автором известных литературных фактов, событий, произведений, творческих личностей. В 16 проанализированных литературно-критических текстах С. Довлатов комментирует творчество русских писателей с идеологических позиций. Адресатом данных текстов являются представители русской эмиграции третьей волны, видящие в С. Довлатове авторитетного литературного критика. Для создания литературно-критических текстов автором были отобраны традиционные для литературно-критического дискурса стратегии прямой и косвенной оценки, а также стратегии экспликации комического эффекта, интердискурсивности и ориентации на позицию интерпретатора. Отобранные нарративные стратегии реализуются в тексте при помощи речевых тактик, репрезентирующих положительную и отрицательную авторскую оценочность. Положительная оценочность создается следующими языковыми средствами: форма превосходной степени имен прилагательных (177 единиц); оценочные эпитеты (128 единиц); лексика с семантикой уникальности и успеха (86 единиц). Отрицательная оценочность репрезентируется на уровне тактик: «смены регистра» (23 единицы); тактики резюмирования, базирующейся на иронической коннотации (45 единиц); тактики кооперации с помощью риторических вопросов (12 единиц); языковой игры с адресатом на разных уровнях (58 единиц).

Художественные тексты С. Довлатова хотя и отражают реальные факты и события в жизни и творчестве писателя, однако в них не следует искать точного биографического совпадения: это художественный мир, то есть фикциональная

действительность, обладающая собственными внутренними законами текстопорождения.

Главной коммуникативной интенцией текстов художественного дискурса является развлечение широкой читательской аудитории на уровне репрезентации непринужденного, легкого, остроумного повествования. При создании художественных текстов С. Довлатов использовал стратегии интердискурсивности, экспликации комического эффекта и ориентации на интерпретационную программу адресата. Данные нарративные стратегии реализуются при помощи универсальных речевых тактик: смены типа нарратора (повествование от первого и третьего лица, авторское всеведение); монтажа дискурсов разных типов внутри единого текстового целого; языковой игры с читателем (709 единиц); введения в текстовое поле прецедентных имен (143 единицы).

Монтаж дискурсов в художественной коммуникации С. Довлатова репрезентируется маркерами различных дискурсивных типов. К маркерам идеолого-политического и публицистического дискурсов относится использование: политических терминов (65 единиц); антропонимов (72 единицы); общественно-политической лексики с иронической коннотацией (96 единиц); звукографических элементов (5 единиц). Маркерами театрального дискурса являются: включение в текст прецедентных имен артистов и режиссеров (11 единиц); театральной терминологии (25 единиц). К лексическим маркерам тюремно-лагерного дискурса относится использование жаргонной, обценной лексики и воровского арго (344 единицы). Бытовой дискурс характеризуется включением разговорно-просторечных элементов (247 единиц); присоединительных конструкций (28 единиц).

Обозначенные выше дискурсивные маркеры выполняют роль авторских сигналов-подсказок, переключающих способы повествования между разными типами дискурсов и запускающих когнитивные процессы в сознании читателя-интерпретатора.

Таким образом, проведенный дискурс-анализ (в соответствии с разработанным алгоритмом) всего корпуса текстов С. Довлатова дает возможность утверждать, что с содержательно-тематической точки зрения эпистолярные тексты содержат обмен бытовой информацией между коммуникантами; большинство публицистических текстов представляют собой короткие эссе и интервью развлекательного характера, в публицистических и литературно-критических текстах автора содержится идеологическая и критическая оценка литературных фактов, событий, творческих личностей; художественные тексты носят фикциональный характер, хотя во многом отражают реальные события и факты жизни писателя.

Основными коммуникативными текстопорождающими интенциями в авторском дискурсе С. Довлатова являются: развлечение читателя, воздействие на адресата, обмен информацией.

Тексты С. Довлатова различной дискурсивной принадлежности обращены к нескольким адресатам: эпистолярные – к конкретным лицам (членам семьи, знакомым, коллегам, друзьям); публицистические и литературно-критические – к русскоговорящей аудитории эмигрантов Нью-Йорка; художественные – к широкой читательской аудитории.

Доминантными текстопорождающими стратегиями, репрезентирующими авторский дискурс С. Довлатова, являются экспликация комического эффекта, интердискурсивность повествования, ориентация на интерпретационную программу адресата.

Второстепенными (в зависимости от дискурсивной принадлежности текста) нарративными стратегиями у С. Довлатова являются стратегия поддержания контакта между коммуникантами (эпистолярные тексты); стратегии прямой и косвенной оценки (литературно-критические тексты).

Доминантные нарративные стратегии реализуются при помощи набора универсальных речевых тактик: языковой игры; включения в текст прецедентных имен и оценочной лексики; монтажа дискурсов разных типов; смены типа нарратора.

Второстепенные текстопорождающие стратегии реализуются при помощи набора специальных речевых тактик: авторизации; положительной и отрицательной оценочности; тактик аналогии и резюмирования; оценки через обобщение; кооперации с адресатом.

Результаты проведенного исследования позволяют определить дальнейшие научные перспективы: используемая в настоящей диссертации методология изучения авторского дискурса С. Довлатова как единого текстового целого с точки зрения лингвистики дискурса и разработанного алгоритма дискурс-анализа позволят потенциально расширить объект исследования за счет изучения литературного творчества ближайшего окружения С. Довлатова. Писатели-современники С. Довлатова не только во многом формировали культурно-литературную среду в России в 80–90-е годы XX века, но и объективировали активные языковые процессы, происходящие в русском литературном языке на рубеже XX–XXI веков, именно этот аргумент актуализирует проведение дальнейших дискурсивных исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдурашитова, С.Я. Роль русскоязычных иммигрантов в формировании языковой ситуации города Нью-Йорк / С.Я. Абдурашитова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5–3 (59). – С. 69–74.
2. Абрамкин, В.Ф. Тюремная субкультура / В.Ф. Абрамкин // Отечественные записки. – 2008. – № 2 (41). – С. 111–124.
3. Агеева, Ю.В. Коммуникативные тактики косвенной самопрезентации / Ю.В. Агеева // Гуманитарные технологии в современном мире: сб. статей X Межд. науч.-практ. конф., посв. памяти гл. редактора научного журнала «Современная коммуникативистика», д-ра пед. наук проф. О.Я. Гойхмана (19–22 мая 2022 года, Светлогорск) / сост. Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. – Калининград : Полиграфычъ, 2022. – С. 27–31.
4. Агеева, Ю.В. Языковые и неязыковые индикаторы текста объявления о знакомстве / Ю.В. Агеева // Russian linguistic Bulletin. – 2023. – № 1 (37). – С. 3–6.
5. Адмони, В.Г. Грамматика и текст / В.Г. Адмони // Вопросы языкознания. 1985. – № 1. – С. 63–69.
6. Акимова, Т.П. Эпистолярный текст: лингвокультурологические характеристики (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.) / Т. П. Акимова. – Волгоград : ИП Поликарпов И. Л., 2016. – 332 с.
7. Акимова, Т.П. Функционирование прецедентных омонимов в эпистолярной В.П. Астафьева / Т.П. Акимова // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-pretседentnyh-omonimov-v-epistol'yarii-v-p-astafieva/> viewer (дата обращения: 29.01.2021).
8. Акимова, Э.Н. Историческая лингвистика текста: инновационные подходы в исследованиях / Э.Н. Акимова // Вестник Нижегородского университета. Серия Филология. – 2010. – № 4. – Ч. 2. – С. 427–430.
9. Александрова, О.В. Дискурс / О.В. Александрова, Е.С. Кубрякова // Категоризация мира: время, пространство. – М. : Советская Энциклопедия, 1991. – С. 3–18.

10. Александров, Ю.К. Очерки криминальной субкультуры / Ю.К. Александров. – М. : Права человека, 2002. – 148 с.
11. Андреева, В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст / В.А. Андреева. – СПб. : Норма, 2006. – 183 с.
12. Андреева, В.А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов: монография / В.А. Андреева. – Казань: Бук, 2019. – 320 с.
13. Апресян, В.Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке / В.Ю. Апресян // Русский язык в научном освещении. 2010. – № 2 (20). – С. 26–57.
14. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. статей / ред. Г.Е. Бухаркин. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 444 с.
15. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
16. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста // Л.Г. Бабенко. – 7-е изд. – Екатеринбург, 2009. – 465 с.
17. Баженова, Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е.А. Баженова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 269 с.
18. Баранова, А.Ю. Особенности экспликации комического в художественном тексте / А.Ю. Баранова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2018. – Вып. 3 (222). – С. 24–29.
19. Баранова, М.С. Особенности нарративной структуры новеллы Ю.П. Казакова «Двое в декабре» / М.С. Баранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 5. – С. 1333–1338.
20. Баркова, Л.А. Влияние фактора адресата на окказиональное использование фразеологических единств / Л.А. Баркова // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 244. – М., 1985. – С. 3-15.
21. Бастриков, А.В. Языковые приемы идентификации личности в пространстве художественного текста (на примере творчества С.Д. Довлатова) / А.В. Бастриков, Е.М. Бастрикова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 160. – Кн. 5. – С. 1069–1082.

22. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М. : Худож. литература, 1986. – С. 428–472.
23. Белоглазова, Е. В. Интердискурс и полидискурс: соотношение понятий / Е.В. Белоглазова // Стил: международный научный журнал. – Белград, 2008. – Т. 7. – С. 121–129. URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2008/10Beloglazova.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
24. Белоглазова, Е.В. Полидискурсивность как адресато-обусловленная характеристика текста / Е.В. Белоглазова // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 187–194.
25. Белоглазова, Е.В. Дискурсивная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингво-прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Белоглазова Елена Владимировна. – СПб., 2010. – 400 с.
26. Белоглазова, Е.В. Дискурсивность, интердискурсивность, полидискурсивность литературы для детей / Е.В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 196 с.
27. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; ред. Ю.С. Степанов. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
28. Бобыкина, Е.Н. Интердискурсивность как композиционно-стилевая доминанта повести С. Довлатова «Иностранка» / Е.Н. Бобыкина // Вестник Марийского государственного университета. – 2022. – Т. 16. – № 4. – С. 528–534.
29. Бобыкина, Е.Н. «Монтаж» дискурсов разных типов как композиционно-стилевая доминанта повести С. Довлатова «Компромисс» / Е.Н. Бобыкина // Филология и культура. Philology and Culture. – 2022. – № 4 (70). – С. 24–30.
30. Бобыкина, Е.Н. Содержательно-стилевые маркеры публицистического дискурса в сборнике С. Довлатова «Марш одиноких» / Е.Н. Бобыкина // Казанский лингвистический журнал. – 2023. – 6 (1). – С. 26–35.
31. Богданова, О.В. Интердискурсивность в повести С. Довлатова «Компромисс» / О.В. Богданова, Е.А. Власова // Российский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 6. – С. 417–422.
32. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2. – 364 с.

33. Болдырева, А.А. Особенности выражения авторского «я» в научном дискурсе (на материале английских и русских письменных текстов) / А.А. Болдырева // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Воронеж: Воронеж, гос. ун-т., 2002. – С. 99–108.
34. Большаянова, Л.М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера / Л.М. Большаянова // Типы коммуникации и содержательный аспект языка / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1987. – С. 167–172.
35. Бондарева, Л.М. К проблеме типологии дискурса / Л.М. Бондарева // Основные проблемы современного языкознания: сб. ст. Всерос. конф. – Астрахань: Изд-во «Сорокин Роман Васильевич», 2007. – С. 6–9.
36. Бондаренко, В. Плебейская проза Сергея Довлатова / В. Бондаренко // Русский переплет. – URL: <http://www.pereplet.ru/text/bond1.html> (дата обращения: 14.06.2022).
37. Бочина, Т.Г. Серьезное в смешном / Т.Г. Бочина, Р.Р. Залялова. – Казань: ТПГПУ, 2008. – 208 с.
38. Бочина, Т.Г. Пословица на века молвится: избр. труды по русской паремиологии / Т.Г. Бочина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2023. – 286 с.
39. Бродский, И. О Сереже Довлатове / И. Бродский. – URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/brodsky.html> (дата обращения: 10.03.2021).
40. Бурвикова, Н. Языковая личность: текст, словарь, образ мира: к 70-летию члена-корр. РАН Ю.Н. Караулова : сб. статей / Н. Бурвикова, В. Костомаров / РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, Рос. ун-т дружбы народов. – М. : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. – 542 с.
41. Васильев, А. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учеб. пособие / А. Васильев. – 2-е изд. стереотип. – М. : Флинта ; Наука, 2015. – 342 с.
42. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
43. Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов ; отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 1142 с.

44. Водак, Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Р. Водак // Современная политическая лингвистика / ред. Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – С. 123–136.

45. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.

46. Воронина, Л.В. Концептуальная модель реконструкции смысла в авторском дискурсе / Л.В. Воронина, Т.Н. Скокова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2019. – № 6. – С. 41–49.

47. Габидуллина, В.И. Авторский дискурс Ф.М. Достоевского: проблемы изучения / В.И. Габидуллина. – Барнаул : АлтГПА, 2010. – 137с.

48. Генис, А. Третья волна: примерка свободы / А. Генис // Звезда. – 2010. – № 5. – С. 205–214.

49. Глухих, Н.В. Семантическое пространство делового эпистолярного текста XVIII века / Н.В. Глухих // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 37–40.

50. Глушак, В.М. Реализация речевой стратегии поддержания имеющегося характера отношений коммуникантов / В.М. Глушак // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2009. – Вып. 1 (69). – С. 60–67.

51. Говорухина, Ю.А. Литературно-критический дискурс как открытая система / Ю.А. Говорухина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 2 (10). – С. 58–67.

52. Гойхман, О.Я. Речевая коммуникация / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М. : Инфра-М, 2008. – 272 с.

53. Гончарова, Е.А. Текст – дискурс – стиль / Е.А. Гончарова // *Studia Linguistica XIII: Когнитивные и коммуникативные функции языка* : сб. ст. / РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 2005. – С. 96–103.

54. Гончарова, Е.А. Интерпретация литературного текста в синергетической парадигме: традиция и перспективы / Е.А. Гончарова // *Studia*

Linguistica XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук : сб. – СПб. : Борей Арт, 2008. – С. 227–236.

55. Горбунова, М.В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке / М.В. Горбунова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, 2012. – № 27. – С. 244–247.

56. Горбунова, Н.Г. Гетерогенность текста Дж. Джайса: о механизмах связности в «бессвязном» тексте / Н.Г. Горбунова // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: Традиции и перспективы : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 85–91.

57. Григорьева, В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В.С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

58. Гурьева, Н.Н. Языковая игра и парцелляция как средство выражения авторского дискурса в публицистических текстах / Н.Н. Гурьева // Родная словесность. – 2018. – Вып. 8 (13). – С. 97–101.

59. Довлатов, С. Дар органического беззлобия. Интервью Виктору Ерофееву / С. Довлатов. – URL: <http://sergeidovlatov.com/books/erofeev.html> (дата обращения: 17.10.2019).

60. Дейк, Т. А. ван. К определению дискурса / Т.А. ван Дйек. – Лондон, 1998. – 384 с.

61. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / сост. В.В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 359 с.

62. Демьянков, В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. – Вып. 27: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – С. 36–45.

63. Демьянков, В.З. Событие как предмет гуманитарных наук / В.З. Демьянков // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции

когнитивных наук : коллект. монография. – М. : Языки славянской культуры, 2017. – С. 21–27.

64. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность : сб. статей к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. – М. : Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.

65. Димитриева, О.А. Роль вакхической детали в художественном мире Д.С. Мережковского (на примере трилогии «Христос и антихрист») / О.А. Димитриева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2023. – № 1 (118). – С. 10–15.

66. Димитриева, О.А. Образы и сравнения в репрезентации вакхического человека в прозе А.П. Чехова / О.А. Димитриева // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4 (55). – С. 207–210.

67. Дмитриев, С. Ну, что тебе сказать про СЭШЭА? / С. Дмитриев. – М. : Издательские решения, 2020. – 76 с.

68. Доброзракова, Г.А. Литературная династия: Донат Мечик / Г.А. Доброзракова // Вопросы литературы. – 2015. – № 5. – С. 183–209.

69. Добрычева, А.А. Особенности синтаксической организации прозы Сергея Довлатова / А.А. Добрычева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – 4(1). – С. 57–60.

70. Долгова, Н.В. Литературно-критический контент Web 2.0: К проблеме классификации / Н.В. Долгова // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2018. – № 2. – С. 58–70.

71. Дронова, Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект / Л.П. Дронова. – Томск : Изд-во Том. унта, 2006. – 256 с.

72. Едличко, А. Типы норм языковой коммуникации / А. Едличко // Новое в зарубежной лингвистике. Теория литературного языка в работах учёных ЧССР. – М., 1988. – Вып. XX. – С. 135–160.

73. Елина, Е.Г. К теории эпистолярия / Е.Г. Елина // Поэтика и стилистика : сб. ст. / под ред. И.В. Чуприна, В.Е. Гольдина. – Саратов: Саратов . ун-т, 1980. – С. 33–46.

74. Ефимова, Е.С. Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор / Е.С. Ефимова. – М.: ОГИ, 2004. – 398 с.

75. Ефимова, С.Н. Записная книжка писателя: стенограмма жизни / С.Н. Ефимова. – М.: Совпадение, 2012. – 392 с.

76. Жданова, Л.А. Роль социокультурных установок говорящего при переключении или смешивании языкового кода (на материале русского языка немецкой диаспоры) / Л.А. Жданова // Русская социолингвистика. – 2012. – № 1. – С. 58–64.

77. Женетт, Ж. Повествовательный дискурс / Ж. Женетт // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер. с фр. Н. Перцовой. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – С. 60–280.

78. Иванова, И.П. Стилиевые характеристики публицистического дискурса / И.П. Иванова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilevye-harakteristiki-publitsisticheskogo-diskursa/viewer> (дата обращения: 12.08.2022).

79. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. – 3-е изд., стереотип. – М. : Флинта; Наука, 2016. – 352 с.

80. Ирхин, Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование / Ю.В. Ирхин. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-analiz-suschnost-podhody-metodologiya-proektirovanie/viewer> (дата обращения 20.12.2023).

81. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

82. Кайда, Л.Г. Эссе: стилистический портрет / Л.Г. Кайда. – М. : Флинта; Наука, 2008. – 184 с.

83. Кайда, Л.Г. Интермедиальность – филологический континент. Вольтова дуга авторского подтекста / Л.Г. Кайда. – М. : Флинта, 2019. – 112 с.

84. Карасик, В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики / В.И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1. – С. 17–34.

85. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
86. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : КомКнига, 2006. – 264 с.
87. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
88. Караулов, Ю.Н. О состоянии русского языка современности / Ю.Н. Караулов. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1991. – 66 с.
89. Карташова, Е.П. Образ автора как текстообразующая категория повести С. Довлатова «Зона» // Вестник Марийского государственного университета. – 2021. – Т. 15. – № 3. – С. 364–369.
90. Карташова, Е.П. Частное письмо в эпистолярной С. Довлатова: стилевой аспект / Е.Н. Бобыкина, Е.П. Карташова // Вестник Марийского государственного университета. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 92–97.
91. Карташова, Е.П. Стилистика прозы В.В. Розанова : монография / Е.П. Карташова. – М. : МПУ, 2001. – 373 с.
92. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / ред. П. Серио. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.
93. Клушина, Н.И. Публицистический текст в новой системе стилистических координат. Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования / Н.И. Клушина // Материалы II Международной научной конференции 14–16 февраля 2008 года. – М. : МГУ имени М.В. Ломоносова; Ин-т языкознания РАН, 2008. – С. 290–292.
94. Клушина, Н.И. Публицистический текст в прагматическом аспекте / Н.И. Клушина // Язык массовой и межличностной коммуникации. – М., 2007. – С. 75–107.
95. Колокольцева, Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т.Н. Колокольцева. – Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. – 260 с.

96. Комарова, А.Г. Русский мир в меняющемся мире / А.Г. Комарова. – М. : ИЭА РАН, 2018. – 402 с.
97. Коробова, Е.В. Жанр письма в русской литературе / Е.В. Коробова // Вестник Курганского государственного университета. – 2020. – № 1 (55). – С. 22–29.
98. Королева, И.А. История одного эпистолярия (по материалам переписки, хранящейся в архиве Литературного музея СмолГУ) / И.А. Королева, А.В. Македонов, А.А. Палшков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2019. – № 3. – С. 72–79.
99. Королева, И.А. Эпистолярный стиль как объект лингвокультурологического исследования / И.А. Королева // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2019. – № 2. – С. 174–182.
100. Красина, М.Н. Дискурс, дискурс-анализ и методы их применения в междисциплинарных проектах / М.Н. Красина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2018. – № 2. – С. 159–165.
101. Критика: последний призыв. Круглый стол // Знамя. – 1999. – № 12. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7149> (дата обращения 20.04.2022).
102. Кубрякова, Е.С. Когнитивно-дискурсивная парадигма в современном языкознании / Е.С. Кубрякова // Пелевинские чтения 2003 : материалы конф. – Калининград : Изд-во КГУ, 2004. – С. 3– 17.
103. Кузьменкова, Ю.Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде / Ю.Б. Кузьменкова. Лекции 1–8. – М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2006. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2013/12/01/strategii-rechevogo-povedeniya-v> (дата обращения: 14.05.2023).
104. Кузьмина, Н.А. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста / Н.А. Кузьмина // Вестник Омского университета. – 1997. – № 2. – С. 60–63.
105. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Издательство АСТ, 2003. – 605с.

106. Курьянович, А.В. Элитарная речевая культура в зеркале отечественной эпистолярной традиции / А.В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып. 3. – С. 76–80.
107. Курьянович, А.В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт / А.В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 255–262.
108. Лаппо, М.А. Языковая игра в эпистолярной В.Я. Проппа / М.А. Лаппо // Уральский филологический вестник. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-v-epistoliarii-v-ya-proppa/viewer> (дата обращения: 29.01.2021).
109. Латина, О.В. Идиомы как средства выражения экспрессивности / О.В. Латина // Деятельностные аспекты языка: сб. науч. трудов / отв. ред. В.Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 25-34.
110. Лескин, В.Н. Языковая репрезентация русской цивилизации / В.Н. Лескин // Мир России. – 2014. – № 2. – С. 6–35.
111. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллект. монография / отв. ред. И.В. Зыкова. – М. : Р. Валент, 2021. – 564 с.
112. Литвинова, Г. Русские американцы / Г. Литвинова. – Мичиган: Ассоциация по комплексному изучению русской нации, 1993. – 94 с.
113. Лунькова, Л.Н. Миры и пространства художественного текста / Л.Н. Лунькова. – М. : Флинта, 2020. – 160 с.
114. Лысак, И.В. Тюремная субкультура в России / И.В. Лысак, Ю.Ю. Черкасова. – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2006. – 112 с.
115. Майская, Т. Исповедь Эмигранта Третьей Волны / Т. Майская // Пограничная ситуация. – Чикаго, 2007. – 293 с.
116. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса : монография / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280с.
117. Малышева, Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е.Г. Малышева // Политическая лингвистика. – 2009. – 4(30). – С. 32–40.

118. Маслова, А.Н. К вопросу создания модели дискурсивного анализа (на материале текстов рэперов Германии) / А.Н. Маслова, О.Н. Кошелева // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 4 (80). – С. 63–69.

119. Мельничук, О.А. Стратегии художественного дискурса / О.А. Мельничук, Т.А. Мельничук // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1 (034). – С. 125–135.

120. Миркурбанов, Н.М. К вопросу о жанровой специфике повести С. Довлатова «Зона» / Н.М. Миркурбанов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2006. – С. 83–87.

121. Митрофанова, А.А. Литературно-критический дискурс: освоение медийного варианта языка / А.А. Митрофанова // Вопросы журналистики. – 2021. – № 10. – С. 128–141.

122. Надолинская, Л.Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства (теоретические представления и реалии современной России): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Лина Николаевна Надолинская. – Ростов-н/Д, 2008. – 51 с.

123. Нарбут, Е.В. Лагерная художественная литература: вчера и сегодня / Е.В. Нарбут // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 1 (789). – С. 120-127.

124. Нахимова Е. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. Нахимова. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (дата обращения: 17.10.2019).

125. Нормуродова, Н.З. Художественный дискурс и языковая личность в свете актуальных лингвистических направлений: парадигмы знания, основные принципы и тенденции развития / Н.З. Нормуродова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 2. – С. 12–15.

126. Ньюбина, Л.М. Интерпретация текста как интерсубъективная коммуникация автора и читателя / Л. М. Ньюбина // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях : материалы межд. науч. конф. СГПУ. – Смоленск, 2005. – Ч. 2. – С. 5–12.

127. Олешков, М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил : Изд-во Нижнетагильской гос. соц.-пед. академии, 2006. – 146 с.
128. Олизько, Н.С. Синергетические принципы организации художественного дискурса постмодернизма / Н.С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 10 (148). – Вып. 30. – С. 84–87.
129. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса : монография / А.В. Олянич. – М. : Грозис, 2007. – 407 с.
130. Осипова, О.С. Способы выражения иронии в русскоязычном художественном дискурсе «Постмодернизма» / О.С. Осипова // Символ науки. – 2018. – № 11. – С. 43–47.
131. Остапенко, Т.С. Становление понятия «переключение кодов»: междисциплинарный подход / Т.С. Остапенко // Социо- и психолингвистические исследования. – 2014. – Вып. 2. – С.171–177.
132. Ощепкова, Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения: на материале предвыборных дебатов на пост президента США : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Наталья Анатольевна Ощепкова. – Калуга, 2004. – 199с.
133. Перов, Р.В. Литературно-критический дискурс с позиций аргументации и риторики / Р.В. Перов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – № 1. – С. 288–293.
134. Пеше, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пеше // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса : сб. науч. трудов / ред. Ю.С. Степанов. – М. : Прогресс, 1999. – С. 266–270.
135. Подчиненов, А.В. Жанр записных книжек в русской литературе: от документального к художественному / А.В. Подчиненов, Т.А. Снигирева. – URL: https://studme.org/204798/literatura/zhanr_zapisnyh_knizhek_russkoy_literature_dokumentalnogo_hudozhestvennomu (дата обращения: 17.10.2019).

136. Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М. : Наука, 1968. – 376 с.
137. Полушин, Д.В. Лагерная культура как часть культурной среды страны / Д.В. Полушин. – URL: <https://memorial.krsk.ru/Work/Lect/Polus2.htm> (дата обращения: 10.03.2021).
138. Пономарев, С.Б. Тюремная субкультура в контексте диалектической триады / С.Б. Пономарев, Г.М. Тихонов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 117–126.
139. Понятина, Т.П. Коммуникативная стратегия сближения с адресатом художественного текста / Т.П. Понятина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (2). – С. 235–237.
140. Попов, В. Довлатов / В. Попов. – М. : T8UGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 418 с. (Исторические хроники).
141. Плеханова, Т.Ф. Диалог как стратегия авторского дискурса в английской художественной прозе / Т.Ф. Плеханова // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 5/1 (45). – С. 116–124.
142. Правикова, Л.В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы: монография / Л.В. Правикова. – Пенза: Изд-во ПГЛУ, 2004. – 300 с.
143. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта, 2006. – 275 с.
144. Пьерге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности : монография / Н. Пьерге-Гро. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
145. Пугачева, Е.В. Стилиевые доминанты индивидуально-авторского дискурса В. Пелевина (на материале романа «Т») / Е.В. Пугачева, О.Л. Янушкявичене // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 3 (461). – Филологические науки. – Вып. 128. – С. 131–137.
146. Райзман, М.И. Задержанная литература / М.И. Райзман. – 2-е изд., испр. и доп. – Магадан–: Изд. «Охотник», 2009. – 108 с.

147. Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика: Вып. 8. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2005. – С. 66–78.
148. Ревзина, О.Г. О соотношении языка и дискурса / О.Г. Ревзина // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения: тезисы докладов. – М., 1987. – С. 69–72.
149. Розенцвейг, В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика / В.Ю. Розенцвейг. – Л. : Наука, 1972. – 80 с.
150. Рубина, Д.И. Одинокий пишущий человек / Д.И. Рубина. – М. : Эксмо, 2020. – 608 с.
151. Русакова, О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2007. – Вып. 7. – С. 6–7.
152. Садовская, Е.С. Лингвокоммуникативная характеристика жанра «Литературно-критическая колонка в немецких СМИ»: дис. ... канд. филол., наук: 10.02.04 / Елена Сергеевна Садовская. – СПб., 2016. – 186 с.
153. Самыгина, Л.В. Некоторые особенности манифестирования идиостиля С. Довлатова / Л.В. Самыгина // Актуальные вопросы филологических наук: материалы I Межд. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита : Изд-во «Молодой ученый», 2011. – С. 116–119.
154. Сергеева, А. С. Критический дискурс-анализ как инструмент исследования организационного дискурса / А.С. Сергеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2009. – № 2–2. – С. 257–265.
155. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе: дискурс и интердискурс / П. Серио // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – М. : Прогресс, 2001. – С. 549–562.
156. Серио, П. Как читаются тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 12–53.
157. Серио, П. О языке власти: критический анализ / П. Серио // Философия языка: в границах и вне границ. – Т. 1. – Харьков : Око, 1993. – С. 83–100.

158. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – Изд-е 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
159. Силецкая, С.С. Прагматика литературно-критического дискурса / С.С. Силецкая // Проблемы языкознания и теории коммуникации. – 2018. – № 4. – С. 153–156.
160. Скарлыгина, Е. В зеркале трех эмиграций (самоидентификация как проблема эмигрантского сознания) / Е. Скарлыгина // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 93. – С. 56–71.
161. Скребцова, Т.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика: курс лекций / Т.Г. Скребцова. – М. : Изд. дом ЯСК, 2020. – 312 с.
162. Слова (о Довлатове) : сб. статей. – URL: <http://www.sergeidovlatov.com/words.html> (дата обращения: 29.01.2021).
163. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика / Г.Я. Солганик. – М. : Высш. шк., 1991. – 182 с.
164. Степанов, С.П. Речь повествователя и речь персонажей в поздних рассказах Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сергей Павлович Степанов. – СПб., 1993. – 20 с.
165. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 в. – М. : Изд-во РГГУ, 1995. – С. 35–73.
166. Стрижкова, О.В. Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе / О.В. Стрижкова. – Челябинск : КД, 2012. – 175 с.
167. Сухих, И. Сергей Довлатов. Время, место, судьба / И. Сухих. – СПб. : ООО «Издательство «Пальмира», М.: ООО «Книга по требованию», 2017. – 280 с.
168. Суходолов, А.П. Криминологический дискурс: классика, современность, перспектива / А.П. Суходолов, А.Ф. Московцев // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 181–196.
169. Тарасов, Е.Ф. Массовая коммуникация как социальное общение (радио и телевидение). Язык и массовая коммуникация. Социолингвистическое исследование / Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Б.Х. Бгажноков. – М. : Наука, 1984. – 277 с.

170. Татару, Л.В. Нарратив и культурный контекст / Л.В. Татару. – М. : ЛЕНАНД, 2011. – 288 с.
171. Терц, А. Отечество. Блатная песня / А. Терц // Нева. – 1991. – № 4. – С. 38–41.
172. Тимченко, И.С. Авторская колонка в современных СМИ / И.С. Тимченко. – СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2011. – 172 с.
173. Ткачева, Е.В. Синтаксическая организация текста в публицистике С. Довлатова как средство создания эффекта разговорности / Е.В. Ткачева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2013. – № (2). – С. 115–119.
174. Фесенко, О.П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс / О.П. Фесенко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistolynariy-zhanr-stil-diskurs/viewer> (дата обращения: 02.05.2020).
175. Филлипс Л. Дискурс анализ: теория и метод / Л. Филлипс, М. Йоргенсен. – Харьков : Изд-во Гуманитарного центра, 2004. – 336 с.
176. Фольклор ГУЛАГа. – URL: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/GULAG/1_list.html (дата обращения 10.03.2021).
177. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. – Киев : «Ника-центр», 1996. – 206 с.
178. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко; пер. с фр. С. Митина. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
179. Храмченков, А.Г. Эпиграф как особый вид цитации. Взаимодействие структурного и функционально-стилистического аспектов языка : сб. науч. статей / А.Г. Храмченков. – Минск: Языкознание, 1983. – С. 203–214.
180. Художественный текст: формулы смысла: коллект. монография / Е.А. Гончарова, Е.Ю. Ильинова, В.И. Карасик, И.В. Кононова и др. – М. : Флинта, 2022. – 296 с.
181. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.

182. Чернявская, В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность / В.Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы : сб. науч. ст. – СПб. : СПбГУЭиФ, 2007. – С. 7–26.
183. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. – М. : URSS, 2021. – 200 с.
184. Чернышова, Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект) / Т.В. Чернышова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 178 с.
185. Чурушкина, А.Н. Прагмалингвистические характеристики маскулинного дискурса (на материале текстов рэперов Германии) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Антонина Николаевна Чурушкина. – Астрахань, 2012. – 248 с.
186. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Елена Иосифовна Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
187. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
188. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность : сб. работ / под ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. – М. : УРСС, 2004. – 432 с.
189. Щирова, И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.
190. Щирова, И.А. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы / И.А. Щирова, З.Я. Тураева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2005. – 156 с.
191. Эко У. Роль читателя / У. Эко. – СПб. : «Симпозиум», 2005. – 502 с.
192. Эпштейн, М.Н. Жизнь как нарратив и тезаурус / М.Н. Эпштейн // Московский психотерапевтический журнал. – 2007. – № 4. – С. 47–56.
193. Akimova, E.N. The Discourse Personality of Politician Sergey Mikheyev with Regards to his Speech Behaviour / E.N. Akimova // Amazonia Investiga. – Vol. 9. – Num. – 26 Febrero, 2020. – Pp. 272–281.

194. Aleshkovski, I.A. The Evolution of Russian Emigration in the Post-Soviet Period / I.A. Aleshkovski // *Social Evolution & History*, 2018. – Vol. 17, Number 2. – Pp. 140–155.
195. Barron-Hauwaert, S. Language strategies for bilingual families: The oneparent-one-language approach / S. Barron-Hauwaert. – UK : *Multilingual Matters*, 2004. – Pp. 614–617.
196. Bulatova, I.Z. Emigration from Russia in the post-Soviet period as a pattern of evolution of the national Russian language / I.Z. Bulatova // *Proceedings of the 7th International Conference on Applied Linguistics Issues (ALI 2020) 13–14 June 2020, Saint Petersburg, 2020 b.* – Vol. 10. – Pp. 465–472.
197. Bulatova, I.Z. The Russian language in the waves of emigration during the post-revolutionary period: Proceedings of the International Conference Digital Age: Traditions, Modernity and Innovations (ICDATMI 2020) / I.Z. Bulatova // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2020d. – Vol. 489. – P. 102–106.
198. Dijk, T. A. van. *Ideology. A multidisciplinary approach* / T.A. van Dijk. – London : Sage, 1998. – 365 p.
199. Harris, Z. *Discourse analysis* / Z. Harris // *Language*. – 1952. – Vol. 28. – № 1. – Pp. 1–30.
200. Heinemann, M., Heinemann, W. *Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs* / M. Heinemann, W. Heinemann. Tübingen: Niemeyer, 2002. – 136 p.
201. Fairclough, N. *Analysing Discourse. Textual Research for Social Research* / N. Fairclough. – New York : Routledge, 2003. – 270 p.
202. Maas U. “Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand”: Sprache im Nationaisozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse / U. Maas. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. – 261 p.
203. Mills, S. *Discourse* / S. Mills. – London ; New-York, 1997. – 259 p.
204. Shiffrin, D. *Approaches to Discourse* / D. Shiffrin. – Blackwell, Oxford UK & Cambridge USA, 1994. – 470 p.
205. Stubbs, M. *Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language* / M. Stubbs. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – Pp. 251–272.

206. Tenbruck F., Friedrich H. Representative Kultur // Perspektiven der Kultursoziologie: gesammelte Aufsätze / F. Tenbruck, H. Friedrich. – Westdt. Verl. ; Hrsg. von Clemens Albrecht. Opladen, 1996. – Pp. 99–127.

Источники

207. Довлатов, С. Жизнь и мнения. Избранная переписка / С. Довлатов. – СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. – 384 с.

208. Довлатов, С. Речь без повода / С. Довлатов. – СПб : Махаон, 2006. – 432 с.

209. Довлатов, С. Собрание сочинений: в 3 т. / С. Довлатов; сост. А. Арьев. – СПб. : Лимбус Пресс, 1995. – Т. 1. – 416 с.

210. Довлатов, С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов; сост. А. Арьев. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – Т. 4. – 480 с.

211. Довлатов, С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов; сост. А. Арьев. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – Т. 1. – 464 с.

212. Довлатов, С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов; сост. А. Арьев. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – Т. 2. – 576 с.

213. Довлатов, С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов; сост. А. Арьев. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – Т. 3. – 544 с.

214. Довлатов, С. Последняя книга: рассказы, статьи / С. Довлатов. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 608 с.

Словари

215. Ахметова, Т.В. Русский мат / Т.В. Ахметова. – М. : Колокол Пресс, 1997. – 261 с.

216. Аверинцев, С.С. Автор / С.С. Аверинцев, И.Б. Роднянская // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. / под ред. А. Ф. Ермакова. – М. : Сов. энцикл., 1978. – Т. 9. – Стб. 28–34.

217. Даль, В.И Толковый словарь живого великорусского языка в 4 ч. / В.И. Даль. – М. : Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. – 627 с.

218. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.

219. Плущер-Сарно, А. Большой словарь мата / А. Плущер-Сарно. – М. : Лимбус-пресс, 2005. – 392 с.

220. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [электр. ресурс] / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 696 с.

221. Толковый словарь русского общего жаргона / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина ; под общ. рук. Р.И. Розинной. – М. : Азбуковник, 1999. – 273 с.

222. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова; сост. В.В. Виноградов и др. ; гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. – М. : Изд. центр Терра, 1996. – 1090 стб.

223. Химик, В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. – СПб. : Норинт, 2004. – 762 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Графика С. Довлатова в функции рекламы

С. 281¹

С. 310

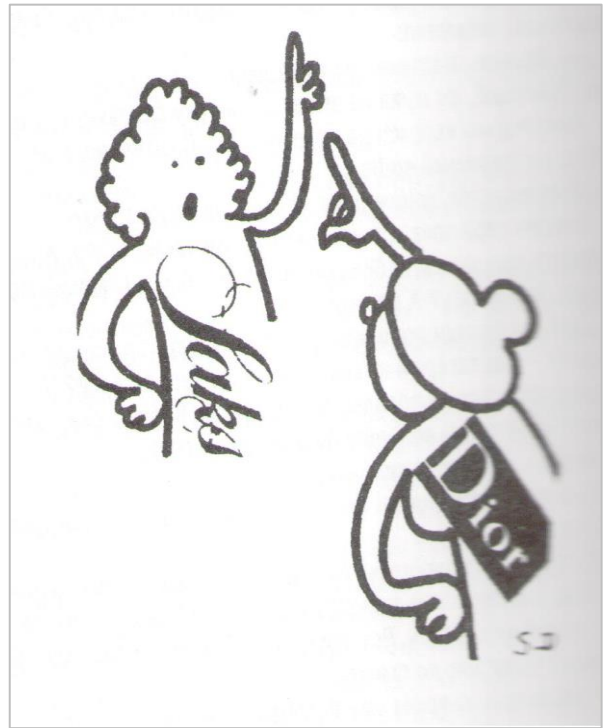

¹ Страницы здесь и далее даны по следующему изданию: Довлатов, С. Речь без повода / С. Довлатов. – СПб. : Махаон, 2006. – 432 с.

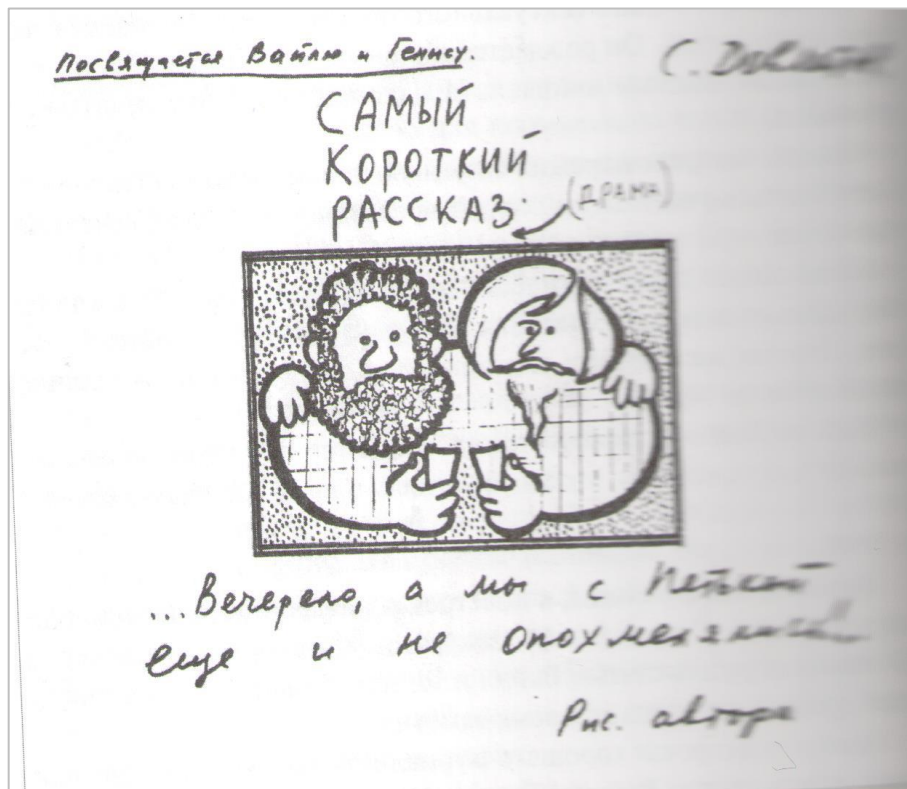
Графика С. Довлатова в функции развлечения адресата

С. 256

С. 290

С. 326

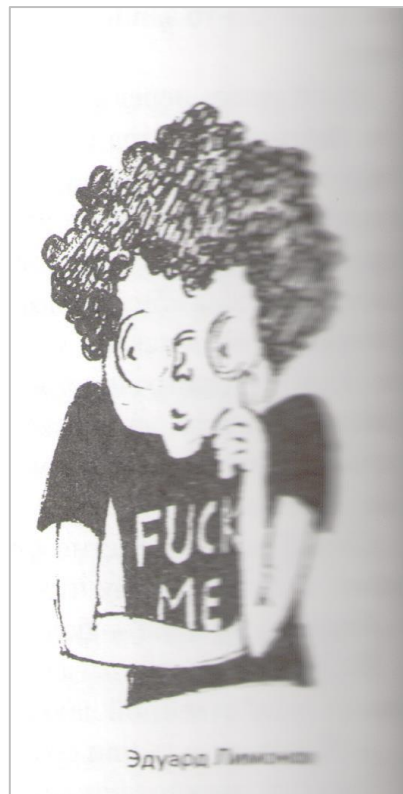

Портреты литераторов-современников, выполненные С. Довлатовым

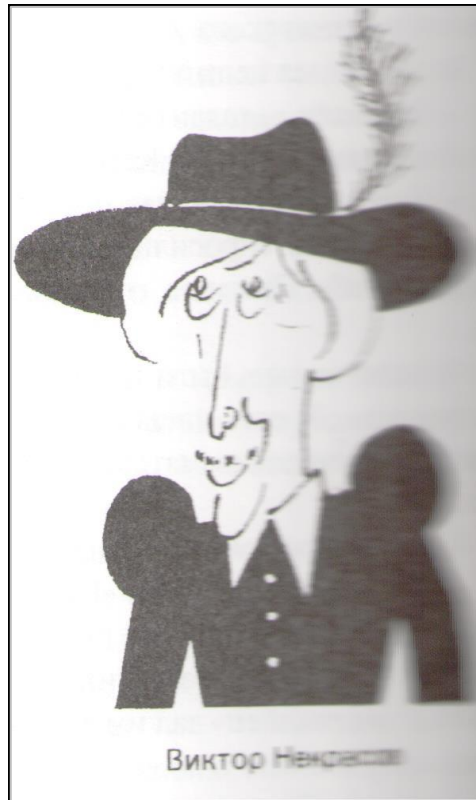
С. 267

С. 268

C. 272

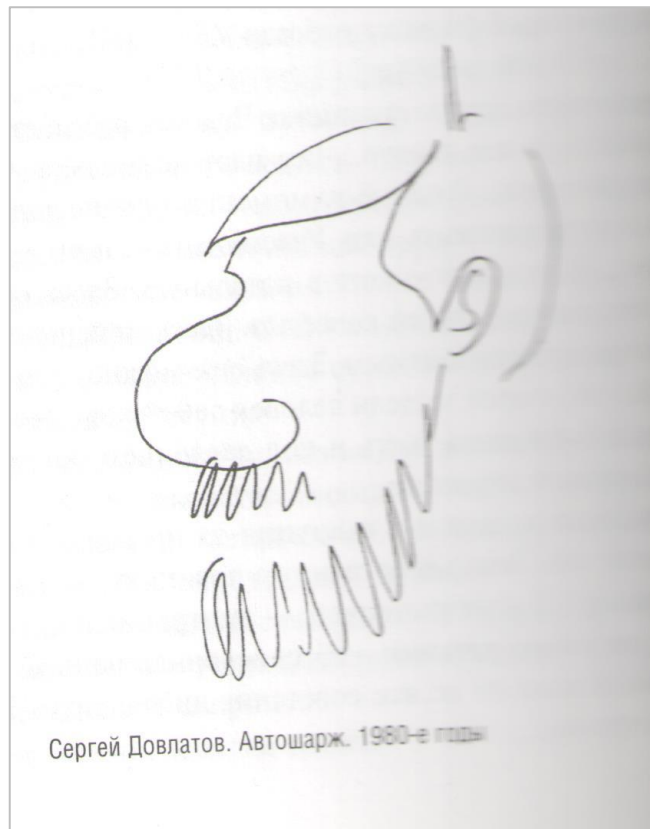

C. 274

Автошаржи и автопортреты С. Довлатова

С. 362

С. 369

**Портреты А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова,
выполненные С. Довлатовым**

С. 405

